

КАЗАЧУЙ КЛАДЕЗЬ Витислава Ходарева

КАЗАЧУЙ
КЛАДЕЗЬ
Витислава Ходарева

МУК "Центральная библиотека
Советского района"

Казачий кладезь

Витислава Ходарева

*РАССКАЗЫ, ФОЛЬКЛОРНЫЕ НАХОДКИ,
ИСТОРИЯ ЖИЗНИ АВТОРА*

Ставрополь, 2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-44
Х69

**Благотворительный фонд «Хоперцы»
при поддержке Фонда президентских грантов
к 30-летию возрождения казачества на Ставрополье**

Ходарев В. В.
Х69 **Казачий кладезь Витислава Ходарева : рассказы, фольклорные находки, история жизни автора. – Ставрополь: ООО «Агентство «Кавказинтерпресс». 2020. – 304 с.; илл.**

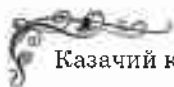
ISBN 978-5-906785-52-7

«Казачьим Пушкиным» Витислава Васильевича Ходарева называли соратники по возрождению казачьего движения в России. Но деятельность поэта была обширной. Всю жизнь он собирал казачий фольклор. В этой книге представлены его находки – легенды и пословицы, поверья и сказки, забытые слова и игры терских казаков. Уникальны его рассказы о жизни в послевоенные годы и воспоминания о людях, с которыми автора свела судьба.

В автобиографии Витислав Васильевич мало касается своей личной жизни. О настоящей любви и дружной семье Ходаревых рассказывает его супруга Антонина Александровна. Они были знакомы с детства, а после свадьбы более полувека шли вместе по дороге жизни, преодолевали трудности, радовались счастливым событиям.

ISBN 978-5-906785-52-7

НАСЛЕДИЕ КАЗАЧЬЕГО ПУШКИНА

Казачий кладезь – это последняя книга Витислава Васильевича Ходарева, поэта, которого терские казаки называют «наш казачий Пушкин». Как писатель и собиратель терского фольклора, он тоже оставил свой яркий, добрый след в истории казаков Терека и всей России. Так случилось, что он не успел закончить начатое дело. Сейчас я расскажу вам эту историю.

Всего четыре года было подарено мне судьбой, чтобы быть рядом с этим человеком, ставшим мне старшим другом и мудрым наставником. Только теперь, закончив работу, которую мы начинали вместе, я поняла, насколько бесценными были те мгновения, когда Витислав Васильевич приходил в редакцию газеты Терского войска «Казачий Терек». Тогда я была главным редактором этого издания. И тогда мы все слушали его теплый голос, любовались его открытой улыбкой, смотрели в его добрые глаза. Но почему-то всегда получается так, что мы не ценим этих секунд. Куда-то спешим, делаем какие-то «важные» дела, вот и я тогда тоже не знала, что для совместной работы у нас совсем немного времени...

Как состоялось это знакомство? Как случилось, что мы стали друзьями, и я стала спрашивать у него совета? Я очень хорошо помню тот первый день.

...Меня предупредили минут за десять до его появления в редакции: «Сейчас придет Ходарев. Это наш казачий поэт и писатель. Он хочет познакомиться с новым руководителем войсковой газеты». Тогда промелькнула мысль: «Ну, вот – поэт, значит, сейчас начнет читать мне стихи и будет просить напечатать их в газете». А газета-то общественно-политическая, а не литературная. Куда я их поставлю? В общем, я как-то не сильно обрадовалась предстоящему знакомству. Думала, мол, придет скучный дед и будет морочить мне голову.

Но Витислав Васильевич оказался вовсе не нудным стариканом, а интересным пожилым мужчиной. Его голова серебрилась почетной сединой, добрая улыбка вызывала расположение. Он покорила с первых слов, когда предложил открыть в газете Терского войска рубрику под названием «Казачий кладезь», где он мог бы быть ведущим. Рассказал, что собрал по страницам Терека множество казачьих пословиц, поверий, старинных игр и забытых слов. Я, конечно, согласилась и никогда, ни на секунду не пожалела об этом.

Мне было так хорошо и легко с ним работать. На моем столе стоял заяц-копилка, которую он подарил мне на Новый год. А в шкафу хранились его произведения, где всегда можно было найти

что-то полезное для газеты. Я расстраивалась, когда он говорил, что никак не может издать свою новую книгу, сильно переживал, и мне было больно за него очень. Потом все менялось, и мы вместе радовались.

Он всей своей открытой душой занимался этой рубрикой в войсковой газете. Обычно приходил в редакцию с большими листами бумаги, на которых его рукой было написано все, что приготовил для очередного номера. Сначала обходил сотрудников нашего кабинета, здоровался со всеми за руку, обменивался короткими новостями и потом садился ко мне за стол, достав свои бумаги. Почерк у него вполне разборчивый, поэтому вопросов с моей стороны почти никогда не было.

Витислав Васильевич рассказывал свою идею подачи материала, это занимало буквально несколько минут. Я всегда делала так, как он хочет, даже если не во всем была с ним согласна. Во-первых, из уважения, во-вторых, в этом заключалась моя редакторская позиция – авторам нужно всегда давать возможность творить самим.

Потом, просматривая вышедший свежий номер, и сейчас, вспоминая то время, я думаю: «Как хорошо, что я не стала ничего исправлять и делать по-своему на правах редактора, а то получилась бы моя рубрика. А так, она настоящая «ходаревская». Прямо чувствуется его прикосновение».

Благодаря его стараниям более трех лет со страниц газеты казаки по крупицам познавали свои истоки. Но однажды Ходарев сказал:

«Давай сделаем книгу. Материалы у нас уже все есть, осталось только скомпоновать. И название оставим это же, пусть так и будет – «Казачий кладезь». А ты будешь редактором, согласна?». Я, конечно же, согласилась, хотя подготовка книги для меня было новым направлением, но я была уверена, что вместе с Витиславом Васильевичем справлюсь. Была уверена, что он подскажет и научит, как делаются книги.

Он тогда уже не очень хорошо себя чувствовал. Помню, приходил в редакцию и, смущаясь, говорил, что в этот номер не смог сам написать текст, так как болит правая рука. Пальцы не слушаются, не держат ручку. Последние записи под его диктовку делал внук Андрей. Я тогда посоветовала обратиться к атаману, чтобы выделили хотя бы старенький компьютер ему для работы. Ходарев улыбнулся в усы: «Да, на клавиши я, наверное, смог бы нажимать». Но он был очень скромным человеком и по жизни привык все делать сам, поэтому так и не попросил – постеснялся.

Потом он перестал приезжать в редакцию, но мы часто созванивались. Я ездила к нему домой, чтобы вместе работать над очередным выпуском. Однажды он позвонил и сказал: «Знаешь, ты давай уже начинай собирать нашу книгу по главам, может, еще успеем...». Но я успела сделать лишь три раздела – казачьи игры, поверья и словарь забытых слов.

Когда он ушел от нас, я еще несколько месяцев не закрывала «ходаревскую» рубрику, ведь мы с ним все-таки смогли заготовить материалы

впрок. Только теперь его фотографию в заставке к рубрике на газетной странице разрезала черная траурная лента...

Сейчас, восстанавливая в памяти встречи с Ходаревым, я вспомнила один случай. Когда его книга «Земной поклон» уже была издана, он пришел в редакцию радостный, а я любопытствовала, сколько же составил авторский гонорар. Он улыбнулся и передал мне свой разговор с Издателем. Оказывается, его вознаграждение было гораздо меньше, чем та сумма, которую заплатили за работу корректора. Витислав Васильевич поинтересовался, сколько же времени затрачено на вычитку материалов?

– Три дня, – ответил Издатель.

– Вот как? А я писал эту книгу всю жизнь...

На мой взгляд, конечно, очень несправедливо, но в откровенном разговоре со мной Ходарев не слишком сожалел об этом, он тогда меня убедил: «Пусть будет хоть так, а то я, может быть, уже никогда бы ее и не издал».

Он вообще никогда никого не осуждал, и я не помню, чтобы он про кого-то сказал худое слово с ненавистью или раздражением. Его неодобрение можно было заметить лишь в легкой грусти голоса. А «Земной поклон» он подписывал для меня уже дома, с трудом удерживая ручку в непослушных пальцах. Вот так, уходя навсегда, он позаботился обо всех нас, оставив нам свои бессмертные произведения: стихи, поэмы, песни, замечательную прозу и, конечно же, собранные им пословицы, сказки, легенды.

*И ангелов я слышал над собою,
Я знаю, Боже,
Ты их присылал...*

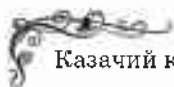
Так писал Ходарев в одном из своих произведений в то время, когда еще был с нами.

В скорбные дни прощания с великим поэтом архиепископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт сказал: «Мы верим и знаем, что у Бога все живы. Мы молимся об упокоении светлой души почившего в вечных селениях праведных, где нет болезни, печали и воздыхания, но жизнь бесконечная. Дай Бог, чтобы и в молитве нашей, и в делах мы хранили память о Витиславе Ходареве, настоящем казаке».

В последний путь мы проводили его по казачьим традициям. Опустив голову к земле, накрытый черной буркой, идет вороной конь. Он, как верный друг, понимает происходящее. За ним движется процессия казаков в черкесках и папахах. Они несут крест, награды, именное холодное оружие. Преклонились знамена с черными лентами перед этим замечательным человеком, склонили головы люди, прохожие останавливались в почтении, понимая, что сегодня город прощается с великим человеком.

В этот день вспоминали, как Витислав Васильевич Ходарев возглавил в 1990 году организационный комитет по возрождению казачества на Ставрополье. В своих выступлениях он говорил:

«...Мы успешно реализовали свои возможности, создав общественное мнение среди насе-

ления о необходимости возрождения казачества посредством многочисленных выступлений писателей края, журналистских публикаций, выступлений казаков по радио, телевидению, в трудовых коллективах.

...С тех первых шагов мы пробуждали веру и надежду в душах казаков, обращались к истокам казачьей своеобразной жизни прошлого, руководствуясь лучшими традициями казаков прошлого, их нравами, обычаями и культурой.

...Нам помогала убежденность в правоте, своевременность начинания, опора на активистов движения и память о прошлом казачества. Это давало нам веру и настойчивость в решении многих проблем. Есть хорошая казачья пословица: «Кто первым дело начал – тот сделал половину». А мы ведь были первыми! Наши начала, наши дела не забываются».

Траурная колонна прошла медленным шагом по центральному проспекту Ставрополя, остановившись на минутку у бюста генерала Ермолова, у памятника Пушкину и напротив Союза писателей. Казаки, по очереди меняясь, несли Витислава Васильевича на руках до самой вершины Крепостной горы, туда, где на остатках старинной городской стены увековечены его слова: «Память о казачестве бессмертна, подвиги казачества в сердцах». Мы хотели, чтобы «наш Пушкин» посмотрел на свой любимый город, который очень любил и которому посвятил немало стихов. Город, который когда-то был казачьей станицей у подножия Крепостной горы.

О таком человеке, как Ходарев, невозможно сказать, что его уже нет. Для казаков Терского войска он будет всегда. И я счастлива, что мне довелось знать его лично, много работать с ним, мечтать о совместном издании его книги «Казачий кладезь». Перечитывая заметки, которые он писал для газеты в свою рубрику, я будто слышу: «Как ты думаешь, это будет интересно?». Он снова переживает и волнуется. И снова читает свои стихи, посвященные казачеству, любимой станице Лысогорушке, своей жене Антонине и тому радостному дню, когда она подарила ему дочь.

«Ничего, мы еще поживем», – это были его последние слова, адресованные мне в телефонном разговоре. И я была уверена, что он, как всегда, выполнит и это свое обещание...

Через какое-то время я решила продолжить редактирование книги «Казачий кладезь». Ведь она, собственно, уже была написана автором, и теперь уже только мне осталось выполнить то, что должна. Вместе с Натальей Гребеньковой, редактором газеты «Казачье Ставрополье», мы решили дополнить ее содержание подробными биографическими данными автора.

Дело в том, что Витислав Васильевич собирался описать свою удивительную жизнь и в качестве биографа выбрал Наталью. Мы решили ничего не менять – пусть будет так, как он хотел. В этом разделе большую помощь оказала его супруга Антонина Александровна, которая шла по жизни с ним рядом более чем полвека. Об этом

расскажет и последнее интервью с Витиславом Васильевичем Ходаревым, которое я сделала в честь большого праздника любви и верности – Дня Петра и Февроньи.

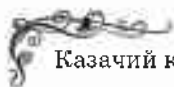
О человеческих качествах Ходарева говорят его поступки. Помню, как казаки всем миром собирали деньги на лечение пятилетнего казачонка Ростислава Кубарева из Зеленокумска. Витислав Васильевич и сам тогда уже тяжело болел. Но когда я позвонила ему, чтобы напомнить о получении гонораров, он сказал: «Ира, не надо, отправь их этому мальчику». Я выполнила просьбу. Он всегда готов был прийти на помощь, проявить сочувствие и заботу.

Я надеюсь, что книга «Казачий кладезь», которую мы готовили с любовью и нежностью в память о нашем славном друге, понравится читателям и станет одной из любимых для всех терских казаков. Желаю, чтобы каждое «ходаревское» слово засверкало яркой звездой и чтобы светили эти звезды на жизненном пути всех последующих поколений. А обещание свое он все-таки выполнил. В его произведениях всегда слышится: «Ничего, мы еще поживем...»

Ирина Щербакова

РАСКАЗЫ

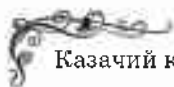
ЗВОНОК ИЗ ДЕТСТВА

*В детстве и меня война черным крылом
своим полоснула. Да еще как!
У детей войны душевные раны тревогой и
ныне сочатся, да соль солью обжигают.
Они открытыми остаются.
Не пули, не взрывы запомнились,
а особо – хозяин-голод, что был жестокой
войной причесанный. Ах, как помню!*

Нобило многих мужчин на войне да покалечило, а работать в совхоз «Комсомолец», где мы тогда семьей жили, безногие да безрукие ворочались. Кто работал, а кто, испив самогонки, милостыньки вымаливал. Вдовы да солдатки управлялись в тяжких делах своих – и в поле, и в домах. Всю жизнь им война искалечила.

Грянул первый послевоенный год. Он людям преподнес пропитание жмыховое да луковое. Лебеда и крапива также на столах оставались. Помнится – не забудется. Мы соевый жмых за конфеты принимали. Во как!

В один из дней я цепочку алюминиевую, что была сделана из бочонков маленьких, на кусочек жмыха променял. А он-то был не больше тогдашнего пятака – в три ноготка моих детских. Трудно было цепочку от души отрывать – забаву мальчишечью. А голод – злой колдун, шептал: «Отдай цепочку, поменяй цепочку на жмых, сытым станешь...». Так той цепочки и след простыл. Но хорошо, что я ее тогда поменял – богатство свое, уж очень есть хотелось. Этой «менкой» я голод частью победил – давнее время луковое...

Бесхлебье было, а колоски со скошенных полей собирать не разрешалось. За это объездчики совхозные часто пацанов кнутами стегали, а взрослых – так тех судили.

Звонит то время, да еще и как звонит! Сердцу больно! Мы луком питались. Помню, парили его на «буржуйке», а он, золотокожуровый, противным был, но, слава Богу, что пропаренный – глаза не выедал, в той жизни добавочных слез не выдавливал и не взрывал их.

Одно спасенье было – буренка в семье. Ее Коркой прозвали – за цвет поджаренной корочки хлебной. Однорогой была. Ей один рог осколком бомбы отбило, а второй был так свернут, будто и не рог вовсе, а крюк какой-то. Но корова была ухоженной, чистенькой, со звездочкой на лбу! На нашу большую

семью молока ее не хватало, его мало было от бескормицы. Но голод, знаю, от молочка слабее бывал.

В горьком горе да лиха добавилось. Корку нашу поездом сбило – «кукушкой», значит. Метров за тридцать она отлетела от железнодорожной насыпи. Потом бедняга да и успокоилась. Кровь ее казаки да мужики в траву спустили.

На железнодорожной насыпи, ведущей к станции Новопавловской, в тот день мальчишки нашли себе дело. Мы под колеса приближающихся поездов гальку клали – муку делали. Тем и наслаждались.

Я первым узнал о семейном горе. И всю боль произошедшего на душу принял первым. Бежал на ферму далекую сообщить маме о горе-случае, да за три километра слез-то выплакал премного. Кажется, они и ныне щеки да усы седые жгут. Во как!

И ночь скорая запомнилась – колбасу из мяса Корки в Георгиевске изготовили и домой привезли на бричке. Я к той-то скрипучей деревянной телеге и подойти боялся – жалко Корку было.

Решили взрослые Корку колбасой продать, а корову в надеждах другую купить. Плакал я. Мама своей теплой рукой гладила мой чубчик и вселяла покой. Не знал я тогда, что у терских казачек отношение к детям всегда было особым.

Не зря говорит предание, что казачки-терчанки наделены от рождения талантом доброты.

— Купим корову, купим, сынок, ты не плачь, — шептала мама мне. — Еще лучше у нас корова будет, двурогая! Тогда я налью тебе кружку молочка парного, потом вторую, а потом и третью! Пей да пей...

Вера-то от мамы шла ко мне великая, вседушная. Верил я ей, да и потому, крутнув головой и расширив глаза от удивления (я это помню), сказал: «Третью кружку молочка, мама, не надо, не наливай, давай на кашу оставим!» Я перестал плакать, вскоре уснул, как бы от слов мамы насытился. А мама, я точно знаю, плакала. И по смерть того не забыть...

ПОДАРОК ЖУРНАЛИСТА

Открытку «Памятник Императору Александру II» подарил мне в 1990 году ставропольский журналист Александр Крылов. Я бережно храню ее. С ней связаны события, о которых я хочу рассказать.

Я ничего и нигде не читал об этой открытке, а когда показал ее нашим историкам, они просто ахнули. Уж очень она редкая. Это первая открытка с изображением памятника императору Александру II в Ставрополе, поэтому она заслуживает внимания и восхищения.

Император Николай I своего наследника — сына Александра с раннего возраста посвящал в государственные дела. В 1834 году после совершеннолетия он сделал цесаревича своим адъютантом и атаманом всех войск России.

Кавказский календарь за 1855 год свидетельствует, что впервые возникла мысль установки памятника цесаревичу Александру после его приезда в 1850 году в Ставрополь.

Впервые путешествуя по Кавказу, он побы-

*Год выпуска этой открытки – 1911-й.
Ей уже более ста лет!*

вал во многих местах: на Тамани, в Екатеринограде, проехал через Большую Кабарду, Дагестан и Чечню, изучая жизнь народов Кавказа.

По приказу князя Воронцова были предусмотрены особые меры по охране цесаревича. Однако пребывание великого гостя на Кавказе не прошло без приключений.

Под Черными горами, что находятся между речками Рошня и Валерик, будущий император заметил вооруженную группу горцев и смело поскакал навстречу. На открывшийся огонь казаки сопровождения ответили и вместе с конвоем князя Воронцова, который и сам ринулся к месту боя, проявляя удасть и смекалку, развеяли нападавшую группу горцев. С приподнятым настроением вернулся с поля боя цесаревич. По представлению наместника на Кавказе император Николай I наградил сына боевым орденом Святого Георгия IV степени.

Великий князь – наследник престола, возвращаясь в Петербург, два дня провел в Кисловодске. Посещение Ставрополя было намечено на поздний вечер 29 октября 1850 года.

Григорий Николаевич Прозрителев, известный историк и краевед, писал: «По рассказам современников, в Старой Марьевке Государя-наследника встретила сформированная помещиком Устиновым конная сотня девушек-казачек в полном казачьем снаряжении

и вооружении, которые и сопровождали Его Величество до Ставрополя». (Интересно, знают ли и помнят ли казаки и казачки станицы Старомарьевской об этом? Есть ли потомки тех «амазонок»?).

...Под торжественный звон колоколов въехал цесаревич в городские ворота губернского центра. «До самой глубокой ночи дом командующего войсками, – сообщал один из бывших обозревателей «Губернских ведомостей», – был окружен почти всем населением Ставрополя. Тысячи глаз жадным взором ловили светлый образ гостя и, увидев, обрадованные выражали свой восторг потрясающим криком «Ура!».

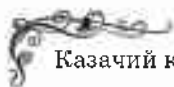
Утром 30 октября Александру представлялись генералы, высшие чиновники губернии и города, был проведен смотр войсковых частей. Затем он побывал в заведении святой Александры, мужской гимназии, в Кафедральном соборе, где приложился к Кресту и местным иконам. Вечером этого же дня цесаревич отправился в Московское, где в его честь наказным атаманом был дан щедрый ужин. Вскоре Великого князя и наместника престола встречал Петербург.

Своевременная подготовка цесаревича к управлению государством позволили ему после смерти отца уверенно взяться за управление Россией. В 1861 году Александр II посетил

Кавказ вторично, уже в качестве императора. В этот раз местные власти официально обратились в Правительственный Сенат с просьбой разрешить городу поставить памятник царю-освободителю. Но вместо Ставрополя памятник был установлен недалеко от станицы Царской Кубанской области, где отдыхал император во время посещения Кавказа.

Ставрополь снова поднимал этот вопрос после покушения на императора в апреле 1879 года и после его убийства 1 марта 1881 года. И в этот раз был обойден главный город Ставропольской губернии. По инициативе епископа Кавказского и Екатеринодарского Германа у развалин древних Маджар был устроен Воскресенский мужской монастырь с Преображенским храмом в память Святого Благоверного князя Михаила Тверского и страдальца земли русской царя-мученика Александра II.

Только в 1911 году к дате 50-летия отмены Александром II крепостного права Ставрополь получил разрешение на установку памятника царю-освободителю. К памятной дате ставропольский губернатор Бронислав Мстиславович Янушевич лично доставил из Москвы бронзовый бюст императора Александра II и передал его в дар Ставрополю. Он выразил желание, чтобы памятник был установлен напротив дома губернатора на городском бульваре.

Возводимый мемориал потребовал большой подготовительной и непосредственной работы по созданию постамента, карнизов, декоративных столбов, клумб, ограждения, изящных каменных тумб, соединенных корабельными цепями, облагораживания Желобовского ручья и установлению чугунных электрических фонарей, которые были отлиты на местном заводе Адольфа Шмидта.

Многолюдное торжество открытия и освящения памятника царю, освободителю и преобразователю России, Государю Императору Александру II состоялось 6 декабря 1911 года в Ставрополе. По окончании литургии в Казанском кафедральном соборе духовенство во главе с архиепископом Агафодором крестным ходом направились к месту освящения памятника. По определенным для крестного хода улицам шли гражданские чины во главе с губернатором, депутации станиц с венками, бывшие крепостные, войсковые части, оркестр, конно-полицейская стража, воспитанники женских и мужских учебных заведений, команда городского пожарного общества, население города. На месте открытия памятника духовенством был совершен молебен и провозглашена вечная память почившему Государю Императору Александру II. Под музыку «Коль славен...» управляющий губернией снял с памятника за-

весу. Представители войск взяли «на караул» и дали троекратный ружейный залп. Тысячи жителей и гостей Ставрополя стали свидетелями настоящего праздника города.

Памятник Александру II был установлен на Николаевском проспекте (ныне проспект Карла Маркса) напротив дома губернатора, где сейчас расположена городская Дума.

*Портрет императора
Александра II. Картина
русского художника
П.И. Антонова*

...С приходом советской власти бюст был определен в подвалы здания городской управы. Через пять лет в ноябре 1923-го на пьедестал Александра II был водружен чугунный бюст председателя ВЦИКа Свердлова. Он простоял до 1937 года. Тогда его сменил бюст Сталина. А изваяние Свердлова упрятали в теплицу бывшей Воронцовской рощи, где его откопали лишь в конце 1950-х. Для бюста человека, запятнавшего себя гибелью не одной тысячи казаков, был возведен новый пьедестал, с

которого его вскоре скинули местные казаки. И сейчас он находится во дворе краевого музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе вместе с другими поверженными памятниками.

После смерти Сталина все остатки памятника Александру II были снесены вместе с бюстом Сталина. На этом месте на цветочной клумбе появились Маркс и Ленин...

...Смотрю на старую и ценную для истории открытку и благодарю ее за пробуждение и хранение памяти о прошлом.

Казаки создавали Отечество с песнями и боевым «гиком».

Их слава и величие казачье в пространстве превеликом.

В.В. Ходарев

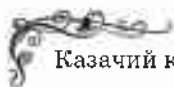
ПАМЯТЬ

Эта земля издавна звалась Терской. Да и ныне ее так называют казаки. Это на ней красавицы горы, как вечные крепости, своими мускулистыми телами южное небо с незапамятных времен над собой держат.

Ах, какие восходы и закаты здесь бывают! Они словно богатыми лоскутами хорошим портным сшиваются разноцветьем, одариваются синевою бархатной – близкой и далекой. А ниже – разбросаны горы синие-синие, что светятся лучезарием щедрым.

По всей округе Пятигорья – давние станицы. Все они прошлым богаты. Славою своею не меркнут.

На берегу звонкого Подкумка, в нескольких километрах от Машука, под самой Лысой горой, как птица, распростерла шестикилометровые крылья своя станица Лысогорская, что своею церковью словно клювом вонзилась в небо. Эта церковь без единого гвоздя построена. А крепка же, крепка!

За полтора века жизни много радостей и горя повидала станица. Все она помнит. Хранит былое и ее пятиглавая церковь – ее душа.

В далекие дни казаки облюбовали место и возвели эту Божью красавицу, а вокруг нее площадь сотворили и назвали Казачьей. От нее во все стороны улицы разбегаются. Они в разные годы наполнялись и щедрыми радостями, и сверхчеловеческими неизмеримыми болями.

Тягостные дни раскулачивания и расказачивания тоже ими помнятся. Тогда жгучее время станицу насквозь пробило, всю до каждой хатенки, да навывлет – без промахов.

Стоят хаты вековые, а над ними шумят, вспоминая прошлое, старые акации да тополя неохватные. Далеко, но не стаяло былое...

С самого начала прошлый век был суров – огненно было и свинцово. Это в те дни к нам моры и бесхлебье приходили, и напасти другие к станице льнули. Из уст в уста потом станичники передавали свои были и небыли, да и передают их теперь. А иначе как может быть?

Сотни казаков с семьями и без семей были безвинно и жестоко отправлены в уральские рудники и сибирские леса, в тюрьмы, а мно-

гие познали «выселки» в пустынные степи. А за что, за какие грехи такое варварство ворвалось в станицу? Это и ныне неизвестно. Настрадались станичники наши, ох как настрадались!

Шторм Великой Отечественной тоже не обошел станицу. Она своими многими силами подхватила ее, понесла на своих черных крыльях всех взрослых казаков, да и многих казачек, на смертные поля свои. Скоро с тех полей «похоронки» полетели. И не осталось ни одной калитки, ни одной воротины без горя. Слетались эти тяжелые белые бумаги стаями и кричали окопной болью в осиротевших хатенках, закрывали слезами лики вдов и детей. Этих горьких, войной рожденных, бумаг в станичные дворы почтальонша Нюрка принесла до пятисот.

Калеки в станицу ворочались: кто без ног, кто без рук да без глаз. Я многих из них помню — горе живое видел, общее горе станичное. Были в Лысогорской и маресьевы, и кутузовы, и петровы... Славой вечной они покрыли свои дома, свою казачью многострадальную землю, каждый на ней уголок, каждый шаг.

Не уничтожили гремучие революционные годы лихость казачью, не истлела честь

терских казаков в пожарах Второй мировой. Трех Героев Советского Союза дала Отечеству станица Лысогорская. Трех богатырей! И ни одного из них война не осилила – не убила. Живыми вернулись в свои дома! И ныне аура пережитого висит над красивой приречной станицей. Я видел ее не однажды. Вот и сейчас вижу с близкого нагорья, примыкающего к Лысой горе.

Здесь лысогорцы возвели аллею Славы. На мраморных плитах выбито более трехсот фамилий верных сынов земли нашей. Мигающая аура памяти над улицами не тает. Я вижу вечное. Рождаются стихи:

У СТАРЫХ ХАТ

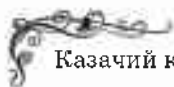
*Вновь пробуждает колокольня
Мои притихшие крыла.
Звонят свободно, вечно, вольно
У старых хат колокола.*

*Кресты на храме
в свете солнца.
На них смотрю. В усы шепчу:
Прими, станица, ставропольца,
Я помолиться здесь хочу.*

Родная станица – для казака столица!

В.В. Ходарев

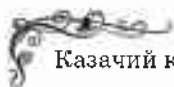
*Терская казачка Н. Гребенькова.
Рисунок В.С. Полякова*

БОЛЕЗОЧКА МОЯ, ПАДУШКА...

Более трехсот лет терские казаки празднуют День казачки (День матери). Этот праздник приходится на 4 декабря – день Введения Богородицы во храм. Женщинам-терчанкам посвящаются теплые поздравления, стихи, вручаются подарки, преподносятся цветы. Для них звучат казачьи песни станичных и приглашенных музыкантов и артистов.

Эта традиция крепко связана со строчками давней казачьей присяги: «...честь свою соблюдать, отца-мать слушать и почитать». Надо признать, что эти слова звучат клятвенно.

Казаки Терека, Кубани, Дона, Урала и Сибири веками бережно и ревностно относились к женщинам. Они понимали, что продление рода, рождение здоровых наследников и защитников Отечества зависит от того, как они будут оберегать мать, жену, молодку, девочку. Отсюда шла главная составляющая казачьей нравственности.

Как-то с десяток лет назад старый терский казак Харитон Алейников мне рассказал, что в его далекой молодости на вечеринке он, шутя, поднял подол платья своей ровесницы.

— О, сколько я за это перестрадал, — сознавался старый казак. — Меня заставили при «всем миру» просить прощения, а она простила не сразу, нет...

Тогда по решению атамана выпороли «дерзкого» казака, как подобало. Такого наказания он не забыл на всем своем долгом веку.

А какие славные ласковые слова произносили терские казаки женщине! Мать звали — мамунюшка, маменька, мамуня, матушка. Жену — ладушка, ластюнушка, любая, раздуша. Невесту — болезочка, размилая, кондюбочка, девонюшечка, голубушка. Было много и других сладостных и благозвучных обращений, как, например, «я к тебе голублюсь...». Казаки вообще часто употребляли ласковые слова ко всему, что их окружало: винтовочка, шашечка, дитятко, петрушенька, перчик...

Казачки, в свою очередь, были богаты нежностью. Мужьям и любимым они дарили свои удивительные теплые «талые» слова. Вот некоторые из них: сердечушко, казачик, мой хозяюшек, дружечка, воркуночек, разлюбезненький, голубок.

На протяжении веков женщины-казачки были веселыми, танцлюбивыми, звонкими

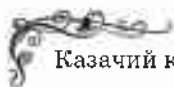
при игре песен, горячими и трудолюбивыми в делах, терпеливыми и воинственными, консервативными в переменах одежды, укладе жизни, суеверными и боголюбивыми.

Нынешний уважающий себя потомок казаков, говоря о своей матери, не скажет «Мать сказала», а скажет «Мама сказала». Но жаль, что в наше время все меньше становится доброты, милосердия и порядочности по отношению к родителям. Жаль...

Вера казаков в святость матери и женщины – один из основных устоев жизни наших предков. Проводы казака на службу, в поход, встреча его после долгой разлуки были обязанностью матерей и жен, а нередко в этой торжественной, ставшей обычаем церемонии принимали участие невесты и возлюбленные молодых казаков.

В донских станицах был распространен так называемый материнский заговор (оберег) от гибели на войне: «Святой Георгий Победоносец, спаси и сохрани раба Божьего (называется имя) от пули быстрой, от стрелы каленой, от сабли острой, от всякого железа и стали смертоносной. Во имя Отца и Сына, и Святого духа. Аминь».

На Кубани мать вручала сыну, уходящему на службу, написанный саморучно ею псалом 90 – «Живые в помощи». Это защищало

служивого казака от неурядиц, несчастных случаев, смерти – как случайной, так и в битве с врагами. Также оберегала воина икона, врученная родителями в момент ухода домочадца из отчего дома на службу.

В черкески терских казаков матерью или женой вшивалась молитва. «От стрелы и меча филистимлянского», переписанная чаще с такой же молитвы предков. Вручалась матерью иконка (оберег), а женою – щепотка земли в маленькой сумочке или в пуле, которые носились вместе с нагрудным крестом. В случае смерти родная земля в «любой сторонущке» прикроет тело казака.

Казачьи вдовы, а их в горячие годы было немало, после гибели мужа не выходили замуж вторично. И любовь свою к мужу переносили к его могиле. Жены, приходя к могилам, в своих плачах и причетах рассказывали мужьям о своей любви, детях, своих болях, о домашних делах и своих страданиях. Казачки верили, что души казаков их слышат и находятся рядом. Как тесно связаны такие чувства казачек с древним русским поверьем: «В земле деды-прадеды лежат, из земли всякое слово слышат».

Жизненные устои, быт, любовь, казачье положение в обществе, близость женщин и бережное отношение к ним, казачье братство рожда-

*В.С. Поляков.
Портрет терской казачки И. Щербаковой*

ли и на века оставили потомкам свои поверья, суеверия, пословицы, поговорки и притчи, обращенные к сути самой жизни и непосредственно к женщине, ее казачьему благородству. Казаки и казачки веками молились о совете и любви святым евангелистам.

Продолжая старинные казачьи традиции и ныне, в городах и районах края День матери стараются отмечать достойно. В его организации принимают участие не только казачьи формирования, но и администрации. Ежегодно чествуют всех матерей и бабушек.

*У терчанки ресницы,
как крылья у птицы,
Лицом смазлива, душой терпелива,
Перед Богом смиренна,
сердцем переменна,
На глазах хает, а за глазами хвалит,
В работе спорится, а в песне звонница.*

В.В. Ходарев

ОБ АРБУЗНОМ МЕДЕ

Способы приготовления арбузного меда хорошо знали в большинстве терских станиц. Но производство арбузного меда имело несколько рецептов, явно отличающихся методами его изготовления. Видимо, богатые урожаи арбузов, которые радовали станичников, занимающихся выращиванием арбузов и дынь, требовали разнообразия: быстроты изготовления меда, дешевизны, удобства местности, в том числе наличия воды, дров и приспособлений.

Изготовление этого сладкого продукта заняло особое место только среди казаков Терской области, в основном в станицах среднего течения Терека – Наурской, Ищерской, Микенской и соседних с ними. Здесь были наиболее удобные пути реализации больших урожаев арбузов, из которых добывалось достаточно много меда для продажи и для обмена на рыбу в прикаспийских селениях. Конечно же, он распродавался в станицах и городах Терской области. Выращивание арбузов ценилось не меньше, чем возделывание гороха, фасоли, чечевицы и некоторых других зерновых культур, которые

Варка арбузного меда.

Картина русского художника Я.Я. Вебера, 1937 год

вместе с арбузным медом поздней осенью целыми обозами отправляли на берега Каспия.

Труды по производству ложились на плечи женщин. Можно утверждать, что абсолютно все они были способны изготовить отличный арбузный мед. Мужчины его изготовлением не занимались. Они были «в помощниках» и доставляли с бахчи арбузы. А еще они в достаточном количестве своевременно заготавливали в степи льняную солому и бурьян для топки печей (костров) и свозили их к назначенному месту.

Хуторяне, как правило, выращивали два сорта арбузов: один – для еды, второй – для меда. Арбузы, идущие в пищу, были мясистыми и сладкими, а само «мясо» ярко-красного цвета и с

мелкими семечками. Посадка их производилась ранней весной, а поспевали они в конце июня.

Менее вкусное «мясо» имели арбузы, из которых готовили мед, и у них были крупные красного цвета семечки, которые в вареном виде шли в продажу и удваивали барыш. Этот сорт высаживался казаками после Пасхи, чтобы они созрели к началу сентября, когда начинали варить мед.

С наступлением сентябрьских дней арбузы свозились домой, если бахча была расположена недалеко от хутора. Если далеко, то мед варили прямо на месте. Для этой цели хуторяне имели огромные чугунные котлы, в которые клали «мясо» арбузов вместе с семечками и начинали кипятить. После первого не длительного кипячения всю массу процеживали через решето, и очищенный таким образом от «мяса» и семечек арбузный сок вторично кипятили до тех пор, пока из него не получится дегтеобразная масса.

После этого в котел добавляли немного пшеничной муки. Это действие называлось хуторянами «подбить» мед. На этом процесс завершался. Меду давали остыть и сливали в бочки. Посуда должна была быть идеально чистой. И только в таком случае труды не пропадали зря – мед не прокисал. Таким образом, при производстве арбузного меда одно из главных условий успеха – чистота!

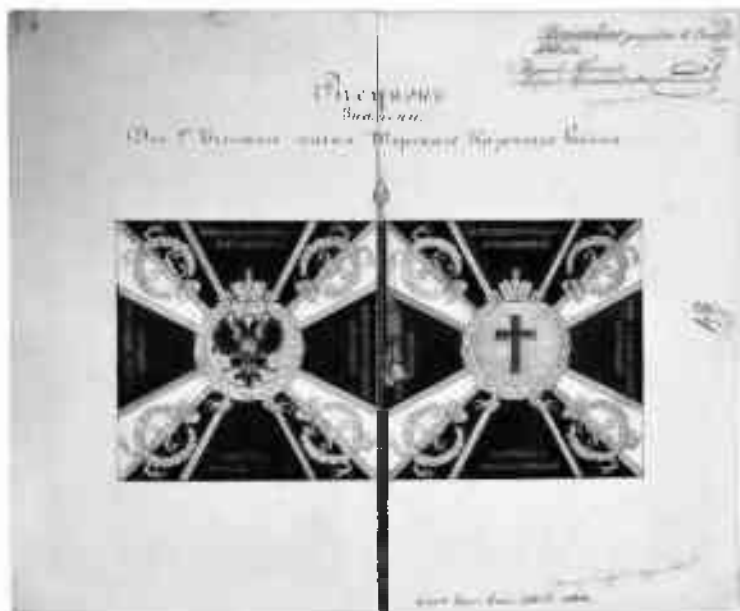

ЦАРИ ЖАЛОВАЛИ ЗНАМЕНАМИ

Знамя всегда было важнейшим символом подразделения любой армии. Оно должно было служить ориентиром в гуще рукопашной схватки. Реющее над полем полотнище показывало, где дерутся свои, куда должен пробиваться воин, потерявший из виду своих товарищей. Естественно, каждая из сторон стремилась лишить неприятеля его ориентиров, «подсечь» вражеские стяги. Сделать это было непросто: именно потому, что вокруг знамени сплачивались воины, и добраться до него атакующие могли, лишь истребив всех, стоящих на пути. И не удивительно, что в регалиях казаков особое место принадлежит знаменам, ведь они, в первую очередь, воины и защитники Отечества.

После того как казаки стали все активнее входить в орбиту интересов России, знамена им стали жаловаться царями.

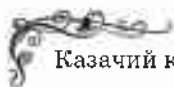
Терцы и гребенцы свои первые три наградных знамени получили 20 марта 1727 года.

*Рисунок знамени для 2-го Волгского полка
Терского казачьего войска, 1865 год*

Они были выполнены из розового шелка. На одном был изображен двуглавый орел черного цвета, увенчанный тремя коронами. На знамени была надпись «За верность».

Войсковому атаману Аграханского войска в 1727 году императрица даровала деревянную, опрaвленную с обоих концов в серебро насеку. Атаману Терского войска прислала печать по образцу донской, только меньшего размера, с надписью «Терско-Семейное казачье

войско». В войске и до этого была своя печать, изображавшая с 1704 года оленя, пораженного стрелой. Более ранняя печать изображала казака, сидящего на бочке с порохом, с ружьем и кальяном.

10 марта 1732 года императрица Анна Иоановна пожаловала Волгскому полку 12 знамен и насеку войсковому атаману.

22 сентября 1830 года казаки первой Терской казачьей батареи были удостоены знаков отличия на головные уборы с надписью «За отличие». Через год Гребенское и Волгское войска, Моздокский и Горский полки были награждены знаменами с надписью «За отличие в Турецкую войну и за дела, бывшие против горцев в 1828–1829 г.г.». Подобными знаменами, но с дополнительной надписью «...и за взятие Андии и Дарго» были награждены Терско-Кизлярское и Терско-Семейное войска.

Следующая награда поступает почти через 20 лет. 6 января 1850 года знаменем с надписью «За отличные подвиги при покорении Малой Чечни в 1849 году» был награжден Сунженский полк, а через полгода – Владикавказский полк знаменем «За отличную усердную службу».

Само Кавказское линейное войско было награждено через шесть лет Георгиевским знаме-

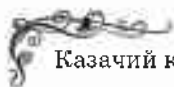
нем «За храбрость и примерную службу в войну против французов, англичан и турок в 1853, 1854, 1856 годах». Знамя было выполнено из шелковой материи белого цвета. Древяно заканчивалось серебряным копьём. В середине знамени – Георгиевский крест, по краям надписи. Две серебряные кисти спускались на георгиевской ленте.

В марте 1860 года Георгиевскими знаменами с надписью «За военные подвиги против непокорных горцев» были удостоены Гребенской, Кизлярский, 2-й Сунженский полки, Моздокский, 1-й Сунженский и Горский полки.

Через год Георгиевским знаменем «За отличную усердную службу и за отличие при покорении Восточного и Западного Кавказа» награждаются первый и второй Волгские полки.

*Не хаживали фашисты по Казбеку,
а казаки в Шпрее коней поили.*

В.В. Ходарев

О МАЙЖЕ КАЗАЧЬЕТО СПАСА

Старый терский казак Филипп Малахов любил вспоминать и говорить о прошлом казачества. Он щедро делился воспоминаниями о предках, об их мужестве, мудрости, удали и смекалке. Еще мальчишкой я услышал от него: «Кутузов был одноглаз, спас его Казачий Спас». Я навсегда запомнил это выражение своего почтенного соседа. В моей памяти сохранились и другие упоминания о Казачьем Спасе.

Легендарным стало южнорусское казачество, участвовавшее в войне с французами 1812 – 1814 гг. Не помогал ли им, горемычным, Казачий Спас?

В описании наполеоновского периода один из французских генералов утверждал: «Казачи летят в атаку во весь дух и умекот сразу останавливаться. Лошади у них легкие, берут с места хорошо, всадники сидят, точно приросшие. Казаки очень осторожны и сами о себе заботятся. В своих действиях они стремительны, в движе-

ниях смелы. Красиво, бывало, глядеть на них, когда наша конница, блистая серебром и золотом, полная рыцарской отваги, развертывалась в линию на берегу Немана.

Но вся эта картина пропала, как дым, при первой встрече с казаками, которых мы привыкли презирать. Мы видели их каждый день наподобие огромной завесы, закрывающей горизонт. От нее отделяются самые смелые наездники и подъезжают к нам. Мы развертываемся, смело кидаемся в атаку, уже настигаем их лаву, как вдруг она исчезает, а на том месте торчат лишь березы да сосны.

Пройдет час, другой, мы начинаем кормить лошадей, как черная завеса снова показалась, снова нам угрожает. Мы повторяем атаку — и опять впустую. И выходило то, что наша лучшая и храбрейшая кавалерия напрасно утомлялась, приходила в расстройство, а в конце концов и вовсе погибала: ее погубили казаки».

Сам Наполеон называл казаков «посрамлением человеческого рода» и признавал, что он не знает лучших легких войск, чем казаки. Он не нашел более четкого слова лучшим легким войскам казаков как «посрамление». Но эти слова многозначны. В них есть сила воскресения духа предков.

Так что же такое было заложено в пращурах наших? Какая сила несла их в бой? Ну, конечно

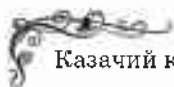

Рисунок В.С. Полякова

же, Казачий Спас. О нем сложено немало пословиц: «Казачий Спас – сто жизней в запас» или «Казачий Спас – Отечество спас», «Казачий Спас, он без прикрас, он остается вечно в нас». Что же это за чудо такое? Его можно представить богатым затуманенным кладезем, в котором оставлено и находится то, что помогло казакам овладевать оружием так, как никто не мог. Это древнее боевое искусство казачества – истоки совершенствования и пробуждения воинственности и силы незаурядной, это биологическое богатство, способное совершенствоваться до легендарности.

Каждый казак Божественно наделен Казачьим Спасом, но сила его зависит от человека – как он работал над собой.

Ведь не зря же есть казачье поверье: пятилетнего казачонка мать выводила ночью «под небо чистое» и спрашивала: «Что светится в небе?». Малец отвечал: «звездочки», «искорки», «точечки», «светлячки»... Но мать поправляла его: «Нет, в небе глаза наших предков, всех прабабушек и прадедушек. Они с неба смотрят на нас, хорошие поступки людей одобряют, а плохие осуждают. Нужно всегда в жизни помнить об этом и чаще смотреть на небо». Так пробуждался и с детства развивался Казачий Спас. Он всю жизнь сопровождал и охранял казака.

В казачьих семьях, как правило, мальчиков всему обучали отцы: быть честным, смелым, любить свою землю, верить в себя. Отцы не признавали физических наказаний и вырабатывали в детях лучшие и «безгреховные» чувства.

С глубоких времен казаки, охраняемые Спасом, назывались «характерниками». Они владели боевым искусством, были в полной мере укрыты от трусости, расхлябанности и неверия. Своим трудом, самоотдачей и молитвой в управлении собой достигали совершенства. Они точно знали, что Казакий Спас всегда поможет поймать летящую стрелу в нескольких сантиметрах от своей груди, своевременно почуять летящую пулю, услышать топот вражеских коней на огромном расстоянии от себя.

«Характерники» обладали сильной волей и баснословной силой духа. Они всегда одержимо и без страха шли в бой. В этих людях были пробуждены сверхъестественные физические возможности. Это что-то таинственное, думается, молитва с тайным кодом (словом), которая не допускала к казакам различного рода демонов. При встрече с врагами «характерники» объединялись в группы, чаще пятерки, врезались в самую гущу вражеских отрядов. Каким-то чудесным образом прорубали их ряды, оставляя на пути завалы мертвых тел, не потеряв ни одного казака.

Казаки станицы Слепцовой Сунженской линии рассказывают и ныне о легендарном полковом командире генерале Слепцове. Когда после одного жаркого боя с горцами он вернулся в станицу, то прилюдно снял изрешеченную черкеску, а из нее градом посыпались пули. Сам же генерал не получил ни единого ранения. Терцы говорили, что он знает тайное слово выживания, что его можно убить, но только серебряной пулей.

Ходила молва, что генерал Слепцов знал о сроке своей гибели. За месяц до нее он говел и приобщался к святым тайнам. Перед уходом на место, где намечался бой, он вручил сослуживцу письмо для передачи родным. На нем было написано: «Последнее». На белом коне он осматривал поле после победного боя, но предательски был смертельно ранен. Последние его слова: «Конец! Снимите меня!». Осталось тайной, почему пуля на теле генерала не оставила никаких следов. Эту тайну он унес с собой, но память о нем живет, как и песня, которую поют и казаки, и горцы. «Слава его высока и светла, как вершина Казбека», — говорится в ней.

После появления на Кавказе легендарного атамана Бакланова слагались легенды. Якобы Ермак Тимофеевич воскрес — любимый казачий атаман. Казаки так и звали его этим именем, а кавказцы называли Даджал, по-на-

шему «черт». Однако в обиходе он был просто Баклю, который выиграл множество схваток с врагом.

Казачи говорили об атамане: «Он, где и не бывал, до кустика знает дороги. При нем отца родного не надо». По всему Кавказу летела молва, что он заколдован, что у него оберег сильный, а убить его можно лишь особой пулей.

Ах, как много было таких людей в казачьем братстве! Значит, все-таки есть Казачий Спас, дарованный Богом. Не зря же предки говорили, как свой завет: «характерниками» могут быть все казаки православные, со славянскими корнями.

Давайте же, братья-казаки, посмотримся. Напьемся красот, что окружают нас, и, молясь, обратимся к Богу и попросим его помощи, разбудив в себе Казачий Спас. Он дан казачеству для мира и защиты.

Казачий Спас нашу землю спас.

В.В. Ходарев

ПОСЛОВИЦЫ
И
ПРИБАВТКИ

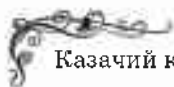
*Главнокомандующий Кавказской армией
князь Александр Иванович Барятинский.
Рисунок В.С. Полякова*

ГДЕ ПРОШЛОМУ ПОЧЕТ, ТАМ И ДУХОВНОСТЬ ЖИВЕТ

Вера в Бога стала укладом жизни казачества на все века! Понятие этому дают не только размышления, не только труды ученых церковных летописцев, писателей, историков, но и многие известные и неизвестные пословицы, поговорки, былины, а также суеверия (надо признать, что многие из них с грешком).

Возьмем казачью пословицу: «Без Бога — ни до порога». А вот еще: «Казаку конь от Бога дан», и еще «Конь под нами, а Бог над нами», и эта вот просится быть вспомянутой: «Бог не без милости, а казак не без доли». В каждой из них неоспоримо налицо духовная основа. Размышляя, можно утверждать, что неизвестные авторы этих пословиц уже были духовно богаты, и основой к рождению пословиц является сама казачья жизнь и неотъемлемая от нее вера в Бога.

Я давно убедился в том, что мудрость, опыт веков, юмор казаков наиболее сочно и ярко за-

печатлены в кратких, устойчивых и нередко поэтизированных словосочетаниях народной речи. Приведу одно из изречений: «Казачья культура – «Отче наш» да плуг, да шашка». Вроде бы слова просты. Ан нет, глубоко взято. И вновь здесь, как и ранее, – духовная основа и сама жизнь.

Читая или слушая всякую казачью пословицу или поговорку, конечно же, мы оказываемся в плену размышлений. Нужно слышать веяние казачьей старины в нашу сторону от бытия, богатого певучим словом, удивительного народа – казачества.

За многие годы мне удалось в творческих поездках и поисковых экспедициях собрать 260 пословиц, многие из них со словами «казак», «казачка», «атаман», «сотник».

Своими корнями они уходят в далекие исторические времена. Они когда-то как птицы вспорхнули в каком-нибудь походе и осели в хуторах и станицах, где передавались от поколения к поколению. На удивление ярко и кратко охвачен и донесен пословицами и поговорками очень широкий круг казачьей жизни. Вот, например, сбор по тревоге:

*Первый удар колокола – казак оделся,
Второй удар колокола – казак в седле,
Третий удар колокола – казак в строю.*

Таким было поучение молодым казакам. А вот как звучала перед походом прощальная молитва: «Казаки, пусть будет над вами воля Божья». Здесь тоже духовность – одна из вековых составляющих кипучей казачьей жизни.

***Память о казачестве бессмертна,
подвиги казачества в сердцах.***

В.В. Ходарев

*(Надпись на мемориальной плите,
установленной на Крепостной стене
в Ставрополе в честь возрождения
казачества на Ставрополье)*

МУДРОСТЬ И ГОМОР В ДВУХ СЛОВАХ

Из поколения в поколение передаются в казачьих родах присказки, присловья, прибаутки, байки, поговорки. Как нам еще не хватает такой любви к приснопамятным временам! Недостает ответственности перед своими предками и поколениями казаков будущего. В семьях, где помнят прошлое казачества, в том числе и бытовую жизнь, между членами семьи отношения прочные, в семьях таких утверждаются и духовность, и нравственность, члены семьи более домашние.

Атаман Ипатовского районного казачьего общества, подъесаул Владимир Беловолов прислал в «Казачий кладезь» яркие казачьи присловья, прибаутки и пословицы. Из поколения в поколение передаются они в роду Беловоловых. Я с удовольствием знакомлю с некоторыми из них читателей.

Из золотых россыпей казацкого фольклора

Казак и там бывал, где Царь Горох воевал.

Наши казаки – загляденье каки.

Пришли казаки с Дону да пригнали ляхов
до дому.

Пропап, как Бекович Черкасский (известный казачий предводитель, геройски погиб в четвертом походе казаков в Хиву).

Турки падают как чурки, а наши казаки и
безголовые скачут.

Нет – я в Моздок не ездок.

Донской казак в горах – казак, а терский –
три казака (донские казаки проходили стажировку по ведению боевых действий в горах. Их обучение осуществляли казаки-терцы).

Не каждый казак знал свой кабак – ходил и
в чужие (имеется в виду в походах).

Родная станица и на чужбине снится.

Лови момент, казак, и атаманом будешь.

Ты, казак, всем хорош, но рассмотри – душа на грош.

Где казак – там и слава.

Скажи, кто твой казак, и я скажу, какая ты.

Казак, если турка не рубит, так сало ищет (украинская).

Хороши казаки, да враги не хвалят (украинская).

В казачьем курене – все сгодится.

Наше дело казачье – с конем по степи гулять (украинская).

Терпи, хлопче, казаком будешь (украинская).

Кто ляхов рубил, тот казачью дорогу знает (украинская).

Не пил воды дунайской, не ел каши казацкой (украинская).

Терский казак на службе смотрит не впол-
глаза, слушает не вполуха.

Познать душу казака до тонкостей дано мно-
гим атаманам, но не каждому.

Для казака Прикумья всегда святые и род-
ная степь, и пограничная цепь.

Командующему – войско,
Начальнику штаба – штаб,
Командиру полка – полк,
Сотнику – сотня,
Казаку – плуг да шашка.

Я як молод бував, то сорок варэников йидав,
а тепер хамылю-хамылю – насилу пятьдесят
умэлю.

Мы – людыны просты: хлеба скибку, сы-
ку-таку рыбку, сала шмоточек, гарбузов мешо-
чек, та горилочки чарчину, а как заморюсь –
изогнусь, чихну тай знова начну.

Да, мы людыны таки: нам бы колечко кол-
баски, поросеночка тай полпаски, два ведерка
пива, да ведерко жита и мы уже сыты.

Казаку только дай иголку, так он «законно»
загребет и нитку. А кто виноват, что на другом
конце нитка, а может, к ней и кабан привязан или
маленький такой, «зовсим маленький» бычок?

У нас так ведется: сначала атаман напьется,
а потом – кто старший в дому. Ах, опять же ему!

Ты свий, а ты у порога постий...

Чим бильше кота гладишь, тим высче он
хвист пиднэмае.

Тильки помер, а вже неживый.

Стрыг черт свинью, крыку було богато, а
шерсти малувато.

Шо казаку треба? Степу, хлиба тай неба.

Не танцуй, гармошка ще нэ грае.

Бога моли, но сам к бережку греби.

Лети навстречу смерти, пока другой место
не занял твое.

Казак казаку брат, а на войне в стократ.

Божий суд и на добром коне не объедешь.

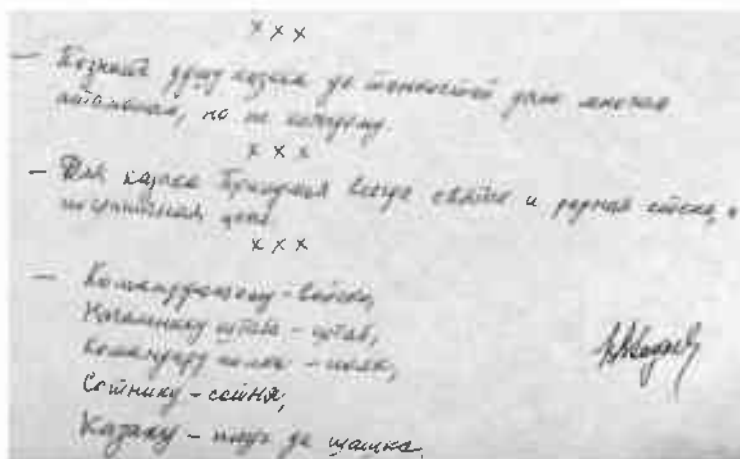
Казан проверяют по звону, а казака по слову.

Где тревога, туда казаку и дорога.

Без стати и конь корова, а казак – рохля.

У казака, когда надо, и дышло стреляет.

Мы голи як бубен, зато остры, як бритва!

НАС НЕ БЫЛО —
ЗВЕЗДЫ СВЕТИЛИ.
НАС НЕ БУДЕТ —
НЕ ПОТАСНУТ.

Не все пословицы и поговорки пришли к нам из далекого прошлого. Они создавались всеми поколениями казаков: и в походах, и на полях сражений, и на простых казачьих полевых делянках, и в подворьях, и за писательским столом. Везде, где были казаки, где они расширяли, укрепляли и свято охраняли свое Отечество, создавая свой особый образ жизни, свои традиции и культуру.

Из произведений Андрея Губина

Юность казака проходит в балках и на вечеринках, молодость посвящается царю.

Казак вольный человек – кого хочу, того и люблю.

Не ндравится занимать казачью речку – поезжай в свою Тамбовщину!

И казак, и баба были попервам одной сутью.

Кто в дом сноху возьмет, тот сам повесит колокол на хату.

Муж любит бабу с хатою, а брат сестру богатую.

И казак, и зверь, и птица окрашены местностью.

Конь, клинок, парус (черкеска, бурка) – вот владения казака.

Коль отпечатал бочку – пей до дна!

Убежал бы туда, да бежать далеко.

Чем плача жить, так лучше спеть да умереть.

Ну и казак, в гроб с шуткой ляжет!

Без коня не показакует и самый казаковатый казачина.

Пластуны-казаки – горькие бедняки.

Казак с конем делит и бурку, и руки – страдают вместе.

Готовь невесту к венцу, а коня к службе.

Конь крылатый – эмблема самой поэзии.

Трезвый казак не запоет – слов не помнит. Выпьет – запоет, да так, что горцы опустят оружие.

Казак за столом возьмет хлеба кусочек – с коровий носочек и от семи собак отбрешется.

Овес, просо, ячмень, гречиху, кукурузу сеют, а хлеб-то идет от пшенички!

Казак убирает постель – позор. Удушится – и конец!

Петрушка и под снегом зеленая.

Кусок послаще – мужу, себе – что останется.

Светские книги – камни бесплодия, а Библия – изумрудная нива.

Хорошо на деревянной ноге – не мерзнет, проклятая!

Человек рождается на страдание, как искра, чтобы устремиться вверх.

Невестка, как капустный вилок, тронь – и заскрипит.

Знаете имя Ева, жаль, что я не Адам.

Выпустила казачка древнее жало – надо жечь на себе казака!

И дело сделал, и нет меня.

Найдется и на тебя коршун, только перья полетят.

Что спорить глиняному горшку с чугунным котлом!

Родили меня мать с отцом, но я теперь и сам с бородой.

Терек и Кума – на восток к Каспию, а Кубань – на запад.

Прадеды выплясывали с парижанками, крестили язычников-индиан в прериях русской Калифорнии, в Китае чай пили и в Стамбуле детей оставили.

Когда древо России взрывом перевернули корнями в небо, листвою в землю для блага – погибли и листва, и корни.

-11-

Витислав Ходарев

У начальника Андреса Зубина
в Кисловодске

*В Кисловодске расклевывали,
Семку расписывали, зорю зред.
Здесь на краю скляной высоты
И бессмертной Зубина Андрес.*

*Эта записка
написана
в Кисловодске*

У памятника Андрею Губину в Кисловодске

В Кисловодске расцвели цветы,
Солнце расплескалось, город грея.
Здесь начало светлой высоты
И бессмертья Губина Андрея.

Вот он в глыбу каменную врос,
Смотрит на прохожих молчаливо.
Я принес ему букет из роз,
Он меня приветствует счастливо.

Как же быстро каменным ты стал?
Казачина – терец, друг наш давний!
Сколь бессмертных строк ты написал,
Выносил в душе многострадальной?

Я кладу цветы к твоим ногам,
За тебя молюсь душою терца.
И грущу... Ах, как печально нам!
В теплом камне, слышу, бьется сердце...

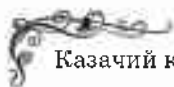

В.С. Поляков. «Не для меня»

ЛЕТЕЖДЫ
И
СКАЗКИ

ХАЗЪЦЛАТ

*Память седойского рода и потомков
племени вежаройцев – чеченцев сохранила
не укрытую временем легенду
о соплеменнике своего древнего народа.
Я услышал ее от моего кунака –
сокурсника по университету.*

Он рассказал мне, что высоко в горах Кавказа нашло приют для себя племя вежаройцев – гордых, честных и очень трудолюбивых людей. Они днем и ночью ходили за многотысячными отарами овец. Трудовая слава седойского рода и племени вежаройцев росла из года в год. Эти люди любили высокогорные пастбища, свои аулы с каменными саклями, орлами в прозрачном южном небе, свое гнездовье.

Детей вежаройцы воспитывали заботой, трудом, любовью к родной земле и ко всему, что окружало их в горах. Особенно ценили в племени честность и преданность своему народу. Вот о чем говорит старая легенда, рассказанная мне моим кунаком – потомком легендарных вежаройцев.

* * *

Однажды у старого пастуха многочисленной отары пропала его любимая овца. Тоской неумной охватило уважаемого всеми соплеменниками хозяина белой отары овец. Много раз во сне он видел свою пропажу, и овца всякий раз говорила с ним человеческим голосом. Она говорила, что еще жива, не потерялась, и что ее кормит какой-то человек.

Через несколько дней хозяин украденной овцы узнал, где ее прятали. Ему еще больше стало жалко белошерстную овцу. Решил он обо всем рассказать старейшинам рода. Они пригласили вора на Высокий совет и потребовали признания от юноши, которого звали Хазбулатом, но он отрицал кражу и не признавался. Парень дал клятву перед лицом старейшин, что овцу у соплеменника не уводил. Тогда хозяин спросил, знает ли он свою овцу, которую ему, якобы, подарили?

— Знаю, как свои десять пальцев, — ответил Хазбулат. И еще добавил:

— Вот он я, весь на виду.

Его ответ был заметно дерзким и обидел седоголовых стариков и пострадавшего от кражи, почитаемого всеми хозяина овцы.

— Хорошо, — сказал хозяин, — ты поклялся, что не воровал мою овцу, но мои овцы все помечены. Узнаю я ее по красному пятну, что я сделал на животах всех своих овец.

Работа художника Г.М. Азизяна, 1955 год

Хозяин еще раз обратился к старейшинам и пояснил, что несколько дней назад всех своих овец он пометил красной краской.

– И я свою овцу красной краской пометил на животе, – сказал Хазбулат.

Старейшины обязали его показать свою овцу. Подозреваемый в воровстве быстро покинул место, где заседал совет старейшин и ушел с наблюдателями за овцой.

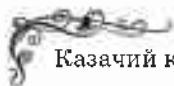
После их ухода пастух сразу же рассказал мудрецам, что он всех овец пометил синей краской и что с такой именно меткой будет овца, приведенная вором.

— Вот мы и посмотрим, с каким пятном Хазбулат приведет овцу, с красным или синим, — решили старики.

То, что сказал хозяин овцы, быстро подтвердилось. Старейшины определили принадлежность приведенной овцы, но юноша все равно не признавался, что украл ее. И не мог объяснить, почему на животе овцы синее пятно, а не красное. Хазбулат понял, что разоблачен, но все равно не признавался. Только волнение и красное лицо выдавали его. Теперь он должен был выслушать и выполнить приговор седоглавых стариков. А приговоры старейшин всегда бывают строгими, порой жестокими, но они без обсуждений признавались справедливыми. Самым страшным наказанием было изгнание. На этот раз приговор был именно таким. Вору надлежало в этот же день покинуть аул и забыть навсегда, к какому роду-племени он принадлежал.

Проводили Хазбулата по-доброму. Снарядили, дали в дорогу много еды и трость-посох. Где жить и как жить, теперь нужно было решать ему самому.

Долго шел юноша по уступам гор, по лесистым и каменным перевалам, пока не добрался до уютной маленькой станицы. В ней жили гребенские казаки. И попросил Хазбулат атамана оставить его в станице, честно рассказав, что с

ним произошло в родном ауле и как наказали его соплеменники.

Так в станице появился первый чеченец-вежароец, которого приютили, а в дальнейшем и полюбили казаки. Хазбулат остался жить среди них, а потом нашел себе красивую молодайку-казачку и женился на ней. Говорили, что он со своей женой Мариной воспитали двух сыновей-красавцев, удалых казаков.

Долгие годы Хазбулат занимался разведением овец, коров и лошадей, шил шубы. Он полюбил новое место приюта и гостеприимных станичников. Но, уже состарившись, вежароец ничего не мог поделывать с собой, чтобы тоска по родному аулу и родному крову не терзала его.

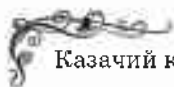
Хазбулата и днем, и ночью звали горы, звала небесная синева и кровь вежаройская. И хотелось ему увидеть свой аул, отцовский порог и двор с запасами сена. Он хотел ступить хоть одной ногой на каменистую тропинку, ведущую к сакле отца, что с детства осталась в его памяти.

Однажды седобородый Хазбулат уговорил жену-казачку и сыновей своих, чтобы они разрешили ему посетить родные места. Долго он шел, много тайных и горячих слез выронил на камни. А увидев свой аул, поднял к небу руки, навзрыд заплакал и, встав на колени, помолился на аул.

Казалось, что его душа билась о камни и скалы. В нахлынувших раздумьях его настигла Божья кара. Всевышний не отвел злых духов от рыдающего Хазбулата, и он превратился в скалу, а слезы его с того момента ручьем стали.

Много радости было у вежаройцев при виде нового родника. Но они так и не узнали, что пили слезы давно изгнанного соплеменника. Тот родник и ныне прорывается из скалы, рождая звуки падающих слез. А вокруг скалы и родника разбросаны камни, похожие на большую отару пасущихся овец. Близкий Терек слушает звоны родника, усиливает их еще с той поры, когда он был шумливее, дно его было выше, а он моложе...

ЛИСА И ВОЛК

Бежит однажды лиса по лесу, смотрит – на дороге лежит гусь; она обрадовалась находке, подходит ближе – неладно: впереди гуся рассыпано зерно. Поняла она хитрость и стала придумывать, как бы ей воспользоваться гусем, а не угодить в ловушку.

Думала, думала и побежала к волку. Стала говорить: «Куманек, я поймала гуся и не могу есть его, потому что сегодня пятница. Не хочешь ли ты съесть его?».

Волк сразу поверил лисе и пошел с нею к добыче.

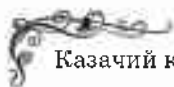
Увидел гуся и сразу бросился к нему. Сработала ловушка и подняла волка за шею вверх. Висит волк, не может задними ногами достать земли. Лисе этого и нужно было: она подбежала к гусю и стала его есть.

– Ты же сказала, что сегодня пятница, постничаешь, а теперь ешь гуся? – спрашивает волк лису.

– Тому пятница, куманек, кто пятками землю не достает, – ответила лиса, съела гуся и убежала.

Эту сказку очень любили в станице Юртовской. Ее записал и оставил в народной памяти учитель школы этой станицы В. Кандт. Обработка текста – В.В. Ходарев.

ОТКУДА И КАЗАЧЕК ДУХ ВОИНСТВЕННОСТИ?

*Давным-давно в некоей стране
Казакии жили казаки-охотники.
Эта страна была великою и богатою.
На ее просторах шумели леса –
и на равнинах, и там, где возвышались
в поднебесье синие горы.*

И подножья тех гор разносили свои звонны горные реки. А в лесах и в степной дали дико бродили многие звери: медведи, волки, буйволы, кабаны преогромные, козы быстрые, да и еще премного разного зверья.

Красивою была Казакия – удалой была эта древняя страна. В ней жили смелые люди, что и днем, и ночью зорко и отважно защищали свою землю от многих врагов. Они любили ходить на охоту и никогда пустыми в свои жилища не возвращались.

Однажды один молодой казак пошел поохотиться в близкие горы. Поднялся он на один подъем – дичи не увидел, поднялся на другой – дичи нет. Так он прошел пять подъемов, а дичи не встретил.

– Такого еще не бывало, – подумал казак.

Загрустил он и присел на горюч-камень, чтобы отдохнуть.

Вокруг стелилась зеленым бархатом густая трава, усыпанная цветами-веснушками. Отдохнул казак, напился родниковой воды, что из-под скалы близко струилась, и дальше пошел. Ему очень хотелось вернуться домой с добычей.

Из-за близкой вершины горы выползла синяя, как поздний вечер туча, а за ней еще и еще... Началась гроза, да такая яркая и крылатая, что до этих дней никогда такой не было. Ее длинные изломанные и стрелковидные вспышки слепили глаза казаку. Скоро он нашел себе убежище под выступающей скалой и присел на каменный выступ переждать дождь.

Вблизи, под другой нависшей скалой он неожиданно увидел серну. Она дрожала от страха, бросалась из стороны в сторону, но не решалась выбежать под дождь-ливун и скрыться от охотника, который хорошо видел грациозную серну, ее длинные сверкающие глаза. Но он даже не помышлял стрелять в нее.

Коллаж Ивана Удовиченко

Много душевного наслаждения было для казака-охотника в эти минуты от красоты дикой... Молнии сверкали вокруг. Одна из огненных стрел ярко перечеркнула небо до самой земли. Казак увидел, как она прошла насквозь серну, но не убила ее, а превратила в девушку-красавицу, каких нельзя было найти в великой Казакии.

На красавице было голубое, как чистое небо, платье, большие глаза были наполнены зеленью вековых лесов, а с плеча стекала тяжелая и темная коса, как вечерняя вода горной реки.

Стало вокруг тихо-тихо. Как будто и не было ни мрачных туч, ни дождя с могучим громом, ни вспышек и переклестов молний.

Отбросил свое оружие казак-охотник, встал и спокойно пошел к девушке.

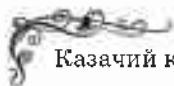
– Здравствуй, достойная, коли пришла с добром! – сказал казак.

Девушка широко улыбнулась и молча шагнула к молодцу навстречу. Подойдя к нему, она сказала:

– Здравствуй, человек! Я пришла в свое давнее станице, в мир радостей былых и горя великого. На этой земле наши отцы и мужья погибли в битве с врагами, которые их и наших детей умертвили. Только женщин оставили. Мы взяли в руки оружие отцов и мужей и с памятью о них и детях своих уничтожили врагов. Мы возненавидели из-за них всех мужчин, повсюду они стали нашими врагами. Только один раз в году мы встречались на этой горе с мужчинами соседнего племени и без всяких чувств и уважения допускали с ними встречи. Потом мы уходили вновь. У нас рождались дети. Мальчиков мы портили так, чтобы они не могли встать в ряды врагов, а девочек оставляли с собой для пополнения защитниц нашей земли.

– Теперь я хочу быть с тобою. Я буду твоей верной женой, – сказала красавица и добавила: – Я – Амазонка.

Казак по-доброму взял руку Амазонки, не ведая, что означало это слово, и крепко обнял ее, стройную и упругую.

Скоро девушка рассказала все о стране амазонок – Амазонии. Все, что осталось у нее в памяти: о былых схватках и битвах жарких, о том, как под Кизляром был основан стан амазонок. Тогда Терек назывался рекой Женщин, а Кума – рекой Наложниц.

Недалеко от этих мест в небывало жестокой битве с врагами пали все амазонки до единой, но не погибли они, а превратились в серн.

– Они и ныне помнят звон стрел и топот конских копыт, – говорила красавица Амазонка.

Казак-охотник пришел домой не с пустыми руками. Он в кибитку-подворье на своих сильных руках бережно внес то богатство, о котором и не мечтал. Поженились они. Скоро дух воинственных амазонок от зеленоглазой красавицы перешел к казачкам всей Казакии, а потом, через многие века, к казачкам Всея Руси Великой.

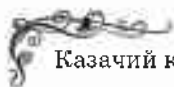
Записано в станице Подгорной.

СТЕПНАЯ ЛЕТЕЖДА

Вольного коня в этих краях заметили еще деды. Он гуляет по ставропольской степи с давних времен. Обуздать его никому не удавалось. Его ловили арканами, заманивали промеж скирд и в овраги, но конь все равно прорывался через заставы и снова уходил на свободу.

Однажды лихой наездник Гаврило Бурим все же сумел схватить его под уздцы и вскочить в седло. Гаврило носился по степи двое суток, а на третьи – чабаны нашли его в ковылях Горькой Балки, сброшенным наземь. В том месте до сих пор белеет отесанный камень, под которым лежат кости разбитого насмерть удалого табунщика.

Были суровыми дни. В огне пожаров из конца в конец пылала родная ставропольская степь. В балках и перелогах гремели орудия, строчили пулеметы. У далеких курганов слетались отряды лихой конницы, и начиналась рубка, какой еще не видели и не знали эти места. Солончак порыжел, пропитавшись людской

кровью, а вытоптаные сапогами и копытами травы пожелтели, словно от засухи.

Враг был намного сильнее отряда храброго Апанасенко. Он тучей надвигался на родные ставропольские степи, полоня село за селом. За спинами апанасенковцев уже зашумел дремучими камышами Маныч – дальше отступить было некуда. В лунную ночь под Ивана Купала партизаны-апанасенковцы готовились к последнему бою.

Тяжелую думу думал в ту ночь Апанасенко. Томимый бессонницей, он долго бродил по задремавшей степи вокруг стана своих боевых побратимов. Ему не страшна была смерть, но умирать без отмщения, без победы он не хотел. Бой, который опять загремит на рассвете, надо было выиграть любой ценой.

Земля говорит великую правду, и, если ты приложишь к ней ухо и четко прислушаешься, можно услышать скрытую ее мудрость. И если ты любишь родную землю и готов сложить за нее голову, расскажет она, где твоя истинная дорога.

За землю родную Иосиф Апанасенко уже не раз пролил свою кровь и, когда прилег на траву, сквозь тихий полынный шелест услышал ее ласковый голос:

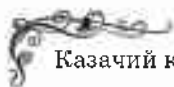
– Выйди на ближний косогор, оглянись на восток, и там на кургане ты увидишь гнедо-

го коня. На нем золотая уздечка и серебряное седло, а на бархатных подпругах приторочена боевая казацкая шашка. Лови его, добрый молодец, а когда поймаешь, обуздай и скачи на нем в бой. Правда на твоей стороне, а шашка из тех хризолитовых ножен обнажается только за правду.

Поцеловал герой землю, взошел на косогор и оглянулся на восток. Оглянулся и сразу увидел на ближайшем кургане коня. Ударив копытом о землю, гнедой красавец вскинул свою легкую голову и громко заржал.

Затаившись в бурьяне, Апанасенко долго не мог оторвать от него глаз, а когда невесть отку-

да появившаяся в чистом небе, быстрая черная туча набежала на луну, опустил на землю и пополз вперед. Ни одна ночная птица не взлетела возле него, ни один стебелек молочая не зашелестел под его локтями – так он полз тихо и осторожно. Чудо-конь в любое мгновение мог сорваться с кургана и умчаться вдаль.

Как из тайной засады прыгает рысь, так и он, Иосиф Апанасенко, вскинулся над склоном кургана, когда, наконец, оказался в трех шагах от коня. Он рывком схватил коня под уздцы и, по-молодецки ударив ногами о землю, птицей взлетел в седло. Учув на своей спине седока, конь бешено отшатнулся и, затрепетав весь, одним страшным прыжком слетел с вершины кургана. Стремительный топот его копыт раскатился вокруг такой гулкой дробью, что задрожала земля.

Всю ночь до рассвета он носил по степи отважного командира. Скрытый в бурьянах дозор с немим удивлением глядел на странный вихрь, то и дело пролетавший мимо. Пыль и сухая трава крутились во мгле с яростным свистом. Тот, кто был особенно чуток, ясно слышал порывистый храп коня, удары плети и звон уздечных насечек.

И вот, когда над горизонтом взошло солнце, а вдали заиграл вражий горн, предвещающий близкую схватку, партизаны заметили

скачущего к стану всадника в серой папахе. На боку его ярко блестела казачья шашка. Издали она казалась охваченной жарким пламенем. Всадник мчался как ветер, и черная бурка его походила на распластанные крылья летящего под тучами беркута. Это был Иосиф Апанасенко.

– Ну, братки-товарищи! – крикнул он, круто осаживая взмыленного гнедого коня. – Поцелуем мать-сыру землю. Поцелуем ее – и в бой!

Все преклонились к земле и дружно вскочили на своих коней. Красное знамя веяло на ветру. Три тысячи всадников разом сорвались с места в галоп. Они хлынули за своим Родионовичем, как штормовая волна.

По голой степи со стороны вражеского стана тотчас полетели медные звуки тревоги. Черные эскадроны торопливо стали разворачиваться для контратаки. Издали они были похожи на огромную воронью стаю. Дикий галдеж, поднявшийся над морем овчинных папах, усиливал это сходство.

...До полуденного солнца шумела в степи горячая рубка. А в полдень над степью снова звучал вражий горн, призывая уцелевших к поспешному бегству. Партизаны гнали поредевшую «воронью стаю» тридцать пять верст и только на тридцать шестой придержали разго-

В.С. Поляков. «Терская сотня»

ряченных коней – оглянуться на освобожденную степь.

Победа была полной, но впереди лежало еще много родной земли, которую топтал враг, и лихой командир отряда не отпустил коня на свободу. Чтобы он не ушел, Апанасенко не выпускал из своих рук поводья ни днем, ни ночью. Но конь скоро привык к нему и стал его верным боевым другом. Он пронес на своей спине Родионовича по всем фронтам, от моря до моря, за самый Буг – реку-границу...

– И теперь этот конь опять бродит в наших местах, – после долгого раздумья сказал чабанский сторож. – Он появился тут после смерти хозяина. Говорят, он ищет его могилу. И еще говорят, что, умирая, Апанасенко кому-то из своих побратимов передал особое, тайное слово. Скажи его – и конь тут же откликнется ржанием и подскочет.

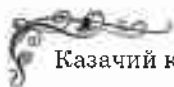
Откликнется и подскочет, в своем прежнем убранстве, такой же сильный и резвый, как и тогда, в ту далекую пору...

Эту легенду услышал писатель Илья Чу-мак от старого казака-сторожа одного из чабанских станов на Черных землях. А мне о ней поведал сын писателя – Петр Ильич Чу-маков.

*Из одной станицы казаки, а всхо-
ды-то разные.*

В.В. Ходарев

ЛЕГЕНДА О ЖОЛЕ

*Когда Северный Кавказ
заселяли казаки, здесь уже жили
племена скифов, которые называли
их «коссаки», то есть «белые олени».
Из того далекого далёка до нас дошла
красивая, но грустная легенда.*

Жа матушке-земле в те далекие времена обитали змеи не змеи, ящурьы не ящурьы, и в разных странах их называли по разному. В Киеве, помните, был дракон Змей Горыныч, которого победил былинный богатырь Добрыня Никитич. В Англии и Франции из звали Long, в Италии – Lungo, в Португалии – Longo. Во всех словах корень «лонг», то есть длинный.

Селились они в горах и у воды. Вот такой огромный, свирепый дракон жил на острове Святой Маргариты, звали его Тараск. В поисках пищи долетел он до наших мест. В степях водилось много мелких и крупных животных, которыми питался дракон, но больше всего ему

Коллаж Ивана Удовиченко

правилось нападать на стада овец и табуны лошадей.

Однажды, проголодавшись, поднялся дракон в небо. Была поздняя осень, и на вершинах гор уже лежал снег. Пролетая над одной из них, Тараск выронил яйцо. Опустившись на вершину, он стал его разыскивать, но снег был бел, и яйцо белое. В ярости дракон полыхнул из пасти пламенем. Вершина горы со всей растительностью сгорела, обуглилась. И до сих пор на ней ничего, кроме травы, не растет. Поэтому люди называли ее Лысой.

А яйцо дракона не пропало, закатилось в пещеру, где было влажно и тепло от подземных горячих ключей. Весной из этого яйца вылупился белый дракончик. Перед пещерой на по-

лянке стоял старый могучий дуб, в его дупле уютно устроилась белка с бельчатами. Белки первыми увидели дракона, когда он, неуклюже переваливаясь с лапы на лапу, на которых было по три когтя, весь в белых чешуйках, таща свой длинный хвост, вышел из пещеры (говорят, поэтому скифы делали чешуйчатую кольчугу, подобно чешуе белого дракона).

Белки жалели дракошу, подкармливали его, бросая с дуба орехи, желуди и сушеные грибы. Называли они его Тюлем, потому что весенние капли, срываясь с веток деревьев, падают в полурастаявший снег, звеня «тюль», «тюль», «тюль». Зверьки решили, что дракон появился из большой белой капли. Рос он быстро, стал большим и длинным, как все драконы, но только белым.

В один из летних дней у Тюля зачесалась спинка, он подошел к дубу, изловчился, прислонился и стал об него почесываться. Дерево сильно раскачивалось. Белки вначале испугались, думая, что дракон так неудачно шалит. Они начали бросать в него зеленые желуди. Когда Тюль оставил дуб в покое, кожа на его спине в двух местах лопнула, и оттуда расправились два больших полупрозрачных крыла. Теперь он мог летать.

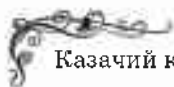
Поднявшись над Лысой горой, дракоша увидел зеленые холмы, быструю извилистую речку, густой лес, вдали заснеженные вершины гор.

Больше всего ему понравилось на берегу Подкумка, где можно было полакомиться рыбой, а в жаркий день укрыться в тени могучих деревьев, где было влажно и прохладно.

В то лето Тюль у реки повстречал оленя с оленихой и двумя испуганными оленятами. Тогда их много водилось на Кавказе. Дракон подружился с оленятами. Они резво бегали по степи, а Тюль кружил над ними, как белое облако. Затем он опускался на траву, оленята, устав от гонки, ложились рядом, укрывшись от яркого палящего солнца в его тени.

Пережив зиму, ранней весной Тюль подлетел к Подкумку и увидел, как подросшие оленята одни, без родителей, паслись на высоком берегу реки, наслаждаясь теплом и сочной свежей зеленью. Он выхватил из воды большую рыбину и направился к ним, но вдруг услышал громкий топот и свист. Это со стороны Большой степи спешил на охоту отряд скифов.

Одни улюлюкали, другие натягивали тетиву. И десятки стрел безжалостно вонзились в тела молодых оленей. Тюль рассвирепел, взмыл в небо и подобно грозовой туче, гонимой быстрым ветром, бросился на конницу степняков. Увидев над собой чудище невиданное, скифы бросились врассыпную. Тюль догонял и рвал когтями коней и наездников, разбрасывая по степи.

Расправившись со смертельными обидчиками, Тюль подлетел к оленятам. Они лежали рядом, как паслись, пораженные множеством стрел. Из ран на землю стекали красные струйки. А из круглых больших глаз Тюля долго лились крупные слезы. На этом месте вскоре забил родник с горько-соленой водицей, которую знают во всем мире как «Лысогорскую целебную». У родника следующей весной расцвел ярко-красный цветок, он разбрелся по всей степи, его люди нежно называют ТЮЛЬПАНОМ.

Дракон еще долго жил в пещере Лысой горы, взбирался на ее вершину и долго смотрел в сторону степи, усеянной морем красных тюльпанов. А когда состарился, полетел к двугорбому Эльбрусу. Там, расправив крылья, опустился на одну из вершин, чтобы уже никогда не подниматься в небо...

Правда, иногда над Лысой горой проплывает облако, очень похожее на белого доброго Тюля... Скажете, сказка? Но тогда почему, завидев проплывающее над Лысой горой белое облако, мы умолкаем и в тишине долго провожаем его грустным взглядом?

Легенду записала казачка станицы Лысогорской В.И. Черныш.

Обработка текста – В.В. Ходарев.

ЗДЕСЬ ЖИВУТ ПОТОМКИ ЗАПОРОЖЦЕВ

Никто не считал, сколько войн прогремело и пропыхало на многострадальной кавказской земле. Развалины храмов и крепостей, степные памятники-курганы, героические преданья – рассказы о былом и легенды говорят нам о жестоких схватках, мужестве и вечности подвигов многих народов, в том числе, и славного воинства Христова – казачества.

На крымской земле было пролито много казачьей крови. Здесь в стародавние времена

В.С. Поляков. «Атака»

сражались и запорожские казаки, и утвердившие навеки казачью славу и честь донцы, и казаки с берегов Сунжи и Терека.

Не померкнет и не затуманится в веках боевая дорога вольных казаков, их храбрость, подвиги и смекалка. Все это живет в исторической памяти, зародившейся в давно ушедших веках.

...Более сорока лет в моем архиве хранится любопытная книга «Легенды Крыма», составленная фольклористом Г. Тараном. В ней собрано множество легенд о крымской земле, и пять из них рассказывают о запорожских казаках.

На Ставрополье и землях бывшей Терской области живут их потомки. Известно, что Запорожское войско является прародителем черноморских и кубанских казаков. Думаю, что казачьи легенды из этой книги по-доброму воспримут читатели. Хочу напомнить, что гребенские и терские казаки не раз вместе с запорожцами сражались с врагами и в Крыму, и за Дунаем, и в Польше, и в других огнедышащих местах.

ОБ УДАЛОМ КАЗАКЕ И ЖАДНОМ ТУРКЕ

Во время турецкого владычества в Крыму жил на Мангупе паша – начальник крепостной стражи. Больше всего на свете он любил деньги. С окрестных жителей собирал подати, солдат своих много раз посылал грабить ближние селения. Когда турки приводили в Мангуп пленных, паша сам обыскивал их и забирал себе все ценное.

Среди узников Мангупа в каменном склепе на мысе Дырявом, окруженном с трех сторон крепостью, томился казак-запорожец. Турки надеялись получить за него большой выкуп. Часто паша вызывал к себе пленника и заставлял его рассказывать о странах, где тот побывал, о походах и битвах, о золоте и драгоценных камнях, которые довелось увидеть казаку.

Слушал паша пленника, и глаза его загорались жадностью. Он забывал обо всем на свете и в грезах видел себя обладателем несметных сокровищ.

Рисунок В.С. Полякова

Однажды в вечерний час паша вызвал к себе казака, чтобы послушать его в очередной раз.

– Ослабь мои кандалы, дай мне размять немного руки и ноги, – попросил пленник. – Хочу рассказать тебе быль о кладе, который когда-то запрятали здесь казаки. Молчал я все время о нем, да вижу – хороший ты человек.

И стал рассказывать казак, да так, как никогда не говорил. Лилась его неторопливая речь о том, как запорожцы пронесли много золота с собой в крепость, как сумели его спрятать в какой-то пещере. Можно эту пещеру найти, если хорошо поискать.

Смотрел казак прямо в глаза паше, смо-

трел-завораживал. И вот уже потускнели глаза турка, смежились веки. Уснул свирепый властелин. Спит и видит сон, будто стоит он в обширном подземелье. Присматривается внимательно и в свете, падающем из небольших отдушин, узнает каземат в глубоких подвалах Мангупа, куда турки бросали самых стойких своих противников. Зачем же он сюда спустился? Ах, ведь об этом каземате говорил пленник! Тут где-то и клад спрятан. Где же богатство, которым насытитесь вы на всю жизнь? Надо искать!

Медленно ступает паша по неровному полу, приглядывается к каждому бугорку, каждой расщелине. И вдруг в одном месте замечает, будто что-то сверкает. Стал копать и выгреб из ямы груды золота. Кольца, браслеты, золотые денежки... Правду сказал казак! Истинную правду!

Вдруг услышал он голос. Испуганно поднял глаза и увидел перед собой женщину неопишущей красоты. Потупив взор, красавица сказала:

— Ты хочешь овладеть моими сокровищами, но я их берегу для того, кто пожелает стать моим мужем.

Паша смотрел на нее разгорающимся взором:

— Не я ли твой суженый, прекрасная женщина?

— Тогда дай клятву, что соединишься со мной, — и золото твоё! — ответила она.

– Клянусь! – закричал паша и попытался схватить ее за руку, но... наткнулся на камень. В подземелье послышался шум шагов, который замер вдали.

Турок проснулся. Пленника не было. На земле валялись его цепи. Бежал казак. Паша не стал преследовать беглеца, так как поверил его рассказу.

С этой поры турок потерял покой. Он обыскал все казематы во всех подземельях крепости, но нигде ничего не обнаружил. Тогда он стал обыскивать окрестности. Золото и драгоценности мерещились ему днем и ночью. Он взбирался на скалы, спускался в ущелья, осматривал пещеры, но золота нигде не находил.

Однажды паша поднялся на скалу, увидел там какую-то расщелину, попытался к ней подобраться, но сорвался и рухнул вниз. Там нашел он свою смерть.

Окрестные жители говорят, что жадный турок не сам упал, а был затянут в пропасть злым духом, живущим в подземельях Мангуа.

И еще говорят, что душа турка будет долго бродить возле Мангуа, высматривая вход в заветное подземелье, где хранится казачий клад. Жадная душа не успокоится, пока бег времени не сотрет ее с лица земли.

Часто раздается в скалах Мангуа оглушительный хохот – то, говорят, удалой казак, веселая душа, смеется над одуроченным турком.

На протяжении XVI–XVII вв. Мангуп сохранял свое значение крепости, здесь располагается турецкий гарнизон. В казематах мангупской цитадели держали пленников. Здесь томился в заточении посол Ивана Грозного Афанасий Нагой, пять лет провел в неволе воевода Василий Грязной. После присоединения Крыма к России город покинули последние жители, члены караимской общины. В начале 90-х годов XVIII века некогда большой город, столица княжества, прекратил существование.

Осень. Рисунок В.В. Ходарева

О КОЧЕШКЕ И КУРОЧКЕ

*За степью моздокской была поставлена
станция. Таких у казаков много было.
В той станции жил-поживал,
да и добра наживал старый казак
Агафон – станичный балагур и бряхун.
Яму по придумкам равни не было
и на сто верст далее наших мест.*

Только Агафону было годов – только Богу, стало быть, известно. Так-то. А кто спрашивал Агафона, сколько яму лет, он завсегда давал один ответ: «Ишо в тем годе было сто, а сычас, небось, сто с гаком. Сколько означал его «гак» – неведомо, да и мы не узнаем.

Агафон любил придумывать разные неправды. Было, не сбрышу, среди собратов он говорил правду, но редка. Свои выдумки он в памяти держал все годы, без них и дня не прожил, завсегда с развязным языком-то бывал. Но умел нравно и запасливо говорить свои рассказы, так что яму всяк верил.

Любили Агафона от млада до старо. Я и сам-то яво слухал, да и много раз. Так-то.

Один раз на брявне, в аккурат возле моей хаты, сидели двое, а можа и пять молодаек – казачек молодых, значит. Они вязаньем своим занимались, к замужествам собирались. Когда Агафон к им подошел – они встали, все молодые втупоры так делали. Агафон снял папаху и сказал:

– Здорово ночевали, цыпляты!

– Слава Богу, – ответили молодайки. – Куда это Вы, деда, спяшите?

– Как куда? Я к речке уже третий раз бягу с утра.

– Мяшком воду носите? – спросили девки.

– Как жа не так! Я ба воды и пригоршнями натаскал. А тут спяшить надо. На речке сутра инородцы соль продають, а у кого денег нету и так дають. Так-то. Долг можно отдать, а можно и нет. Идитя в двory свои да расскажитя об этом, что слыхали, да и мою правду скажитя. Соли-то ни у кого много нету, а время нынче самая досужая.

Агафон пошел дальше, а девки-то разбе-глись какаа куда по хатам. Подхватили они мяшки самотканнаи да и бягом речке – соль-то без денег дають!

Смотрють девки-то, а Агафон траву ладно серпом откованным скашиваает да покашливаает, сам мяшок свой набубониваает.

– А где же, деда, соль-то продают? – спросили молодайки, подойдя к Агафону.

– Мне люди только что сказали, что соль всю разобрали, – крикнул Агафон и засмеялся, да языком своим прищелкнул, а напоследок и левым глазом подморгнул. Он так часто делал.

– Рвитя, девки, травку, сычас птицу травой кормить надо! Тада куры будут щедрыми. У мене так в прошлом годе было, и по два яйца в день каждая курица нясла, а у одной даже и три было.

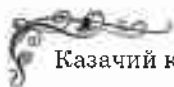
Зазвенели молодайки: «Ох не правда Ваша, деда!».

– Как не правда? Я всегда правду говорю. Как набьете мяшки, я вам хо-ро-шу-ю(!) сказку скажу. Так-то.

...Быстро девчаты нарвали травы. Усадил их Агафон-то супротив себя на мяшки и сказку стал говорить:

– Один раз повстречались на выгоне кочеток и курочка. Долго говорили по-своему, по-курьи. А потом кочеток пригласил курочку погулять возле речки, траву молодую пощипать. Крыльями помахал и ножками своими при-топнул.

– Нет, – сказала курочка, я далеко уходить от курника не могу, там седало мое, да и каждое яйцо надо в гнездо сносить, чтобы цыплятки были.

На другой день кочеток пригласил курочку к речке траву пощипать.

– Нет, – ответила курочка, надо в курник спешить, каждое яйцо в гнездо носить...

Много раз тот разговор был, однако, тем же заканчивался. Но в один из дней кочеток разо-злился на курочку, да и клюнул ее. Из головы у бедняжки кровь побегла. Курочка присела, крылья опустила, по-курьи застонала и горько расплакалась.

Скоро на это место пришел пастух с козами.

– Почему ты, кура, так горько плачешь? – спросил пастух.

– Кочеток меня больно клюнул, – сказала она сквозь слезы-то.

Кочеток был близко и спокойно пощипывал траву да ногами пыль разгребал.

– За что ты кочеток клюнул курочку? – спросил пастух.

– Она не хотела со мной к речке идти.

– Почему ты, курочка, не хотела к речке идти? – спросил пастух.

– Мне надо каждый день вовремя в курни-ке быть. Там гнездышко мое, и я в него каждое яйцо ношу.

– А зачем ты в него каждое яйцоносишь?

– Чтобы потом были цыпляточки.

– А зачем тебе цыпляточки?

– Чтобы выросли и курочки стали.

Рисунок В.С. Полякова

- А зачем, чтобы они курочками стали?
- Чтобы травку щипать.
- А зачем им травку щипать?
- Чтобы каждое яйцо было вкусным.
- А зачем чтобы каждое яйцо было вкусным?
- Чтобы казаки в степь брали.
- А зачем им каждое яйцо в степи?
- Чтобы нас, курочек и кочетков зерном кормили.
- А зачем чтобы вас курочек и кочетков зерном кормили?
- Чтобы мы справными были.

– А зачем чтобы вы справными были?
– Чтобы нас кочетки любили.
– А зачем чтобы кочетки любили?
– Чтобы мы в гнездышки яйца носили.
– А зачем в гнездышки яйца носили?
– Чтобы цыпляточки были, – уже без слез
сказала пастуху курочка (знать – успокоилась).
Тут-то и спросил Агафон у молодаек, которые
увлеченно его слушали:

– Рассказать вам сказку про кочетка и ку-
рочку?

– Да, – ответили они.

И Агафон всю сказку начал сначала:
«Однажды повстречались на вгоне кочеток и
курочка...»

Как только молодайки поняли, что сказка
эта только что сказывалась, то залились сме-
хом. И Агафон смеялся да покашливал.

*Сказка рассказана в 1989 году Харитоном
Алейниковым – 100-летним казаком станицы
Лысогогорской (говор и произношение слов остав-
лены без изменений).*

БРАТЯ-БОГАТЫРИ

(надоедливая сказка)

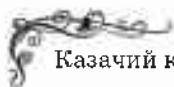
Недалече это было – на Тереке. Служили в казачьем полку два брата. Огромного роста они были, богатырями меж казаков звались. Один брат был атаманом, а другой – есаулом. Оба смелыми и бесстрашными в боях были.

Когда атаман говорил – будто в бубен бил, а когда есаул – будто ветер дул. Братья-богатыри дружно жили и хорошо в полку служили. Рассказать тебе сказку о братьях-богатырях?

– Да.

После получения согласия и готовности дальше слушать сказку рассказчик начинал сначала: «Недалече это было – на Тереке...»

Можно несколько раз повторять изложенные сказки. Смеху будет много.

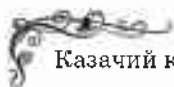

В.С. Поляков. «Сестры»

СЛОВАРЬ
ЗАБЫТЫХ
СЛОВ

ОЙ-ЛИ! КАЗАКИ, ЖЕБОСЬ СЛОВО ЗНАЕТЕ?

А

Адони – большие конусообразные стойки снопов, связанные с посевных площадей, прикрытые от дождей соломой.

Анадясь – не так давно.

Арбузики – полевое вьюще-ползучее растение, плод меньше лесного ореха, со множеством колючек. Ходить без обуви по полянам, где есть арбузики, нельзя!

Ахальница – непослушница, бесстыдница.

Б

Бабка – деревянный кол, закапываемый в землю (не вбивается).

Бадражаны – баклажаны (синенькие).

Баталка – место, куда сходятся для разговоров «поболтать» женщины, сходка, базар.

Батяк – старший брат.

Белица – пудра (была присловица у казачек: «белица для лица, как гребень для волос»).

Беремя – охалка сена; ноша, обхватываемая двумя руками.

Беспереч – не переставая, многократно, не останавливаясь.

Бесспрося – без спросу (гребенск.).

Болезочка – ласковое слово к любимой женщине (гребенск.).

Болмыть – мутная вода.

Бряхло – человек, часто говорящий неправду (ст. Лысогорская).

Будить – уговаривать девушку, женщину.

В

Валёк – деревянная плашка с ручкой и поперечными чередующимися зарубками на ширину плашки, для катания белья при стирке.

Вечерить – ужинать.

Вечеровать – быть на вечеринке.

Вечорка – вечеринка.

Взгрунулось – взгрустнулось, нахлынула грусть.

Вкус – разнообразная еда, всякое кушанье («На праздник было много разного вкуса»).

Воздыханьца – долгое беспокойство, волнение.

Волочба – обработка земли бороной.

Воронить – поджигать, спалить (гребенск.).

Враз – разом.

Втупоры – в ту пору.

Вчистую – об окончании службы, уход в запас.

Г

Голубовать – ворковать («Он сидует, голубует, девчоночку будит»).

Гребич – гребенской казак.

Д

Дайман – яр, обрыв (гребенск.).

Дале – дальше, далее.

Давича, давишь – только что было (произошло), недавно.

Дённо – днем.

Доваживать – доставлять с поля оставшиеся снопы.

Досель – до этих пор.

Доспеть – добыть, достать (гребенск.).

Дрёма – предсонье.

Дружа – дружно, вместе.

Дубасить – бить палкой.

Дюжа – сильно («Я проснулся дюжа рано», «Дюжа красивое место»).

Дюбать – клевать (при ловле рыбы).

Дюбалка – удилище, в том числе, самодельного изготовления.

Ж

Жалкая – близкая душе, бедная.

Жерновцы – каменная домашняя мельница (два плоских камня).

Жошка – маленький круглый кусочек овечьей кожи с шерстью, на который пришита плоская свинца. Применялась для игры «в жошки» (подбрасывание внутренней стороной ступни ноги – кто больше).

Журить – ругать не сильно, укорять.

Журма – при глаголе «журить» употреблялось для усиления этого слова и его значения (журма журить!).

З

Заваток – кряжистый, отличающийся здоровьем казак.

Завесник – фартук.

Загнетка – место перед топкой русской печи, куда сгребают жар.

Загодя – заранее.

Заглазье – за глаза («Она говорит по заглазью обо мне хорошо»).

Загородка – изгородь.

Зажигалка – деревянная палка для игры в мяч, ею бьют мячик.

Закуски – пряники, конфеты и другие сладости, соки.

Залетошный – давний.

Залога – преграда.

Заповедовать – велеть, приказать.

Запола – крикливый человек, неоправданно обиженный (ст. Подгорная, Лысогорская).

Заставка – запруда на реке, щит.

Захват – не вполне налившееся семя, вследствие засухи.

Зевать – «солнце зевает» – говорил каждый казак в осенние дни, когда солнце проглядывало в небе.

Зыком-зыковый – резкий, громкий, неприятный звук.

И

Измусатить, измочалить – избить.

Ископытъ – земля из-под копыт бегущего коня.

Исповедь – признание.

Итить – идти, шагать («Я не хочу итить в хату!»).

К

Казакаться – петушиться.

Кал-аяк (стремянное) – последняя попойка чихиря у терцев, когда они уже сели на коней. («Ай, как дружа казаки провожаюца!»). В этом случае казаки не жалели времени и говорили: «Ночью дня добавим»).

Калга – военачальник у горцев.

Калтычка – лужайка.

Каменка – чашка, изготовленная из глины.

Каты – валы сена.

Катух – сарай.

Квашня – деревянная кадка (корытце) для теста.

Квѣленький – слабенький.

Кивоть – образница.

Кизеки – заготовки коровьего или овечьего навоза в виде больших кирпичей для топки печей.

Кирик улук тары – шуточное выражение, что означало – сорокадневное красное просо (ранний сорт). («Сосед, а у тебя есть семена «кирик улук тары?»).

Китайка – бумажная ткань.

Кобилёк – мотылек, ночная бабочка.

Колпак – подкосок, круглый ободок на голове у замужней казачки вокруг скрученных волос.

Колосок – в значении кукурузного початка.

Коник – угол в избе у входа с чистой лавкой и посудными полками.

Конопля – веснушки.

Копурка – маленький хлебец, замешанный на арбузном меду, медовик (Мозд.).

Корки – плечи («Садись-ка, мне на корки, ножки отдохнут»).

Кокта – ватное пальто казачки.

Кохаться – нежиться.

Кочкора – много мелких и средних кочек (бугорков) на поляне, на берегу реки.

Кошка – крючок для подъема упавшего ведра, или предмета из колодца.

Кош – 1 – стан запорожских казаков (от него произошло слово «кошевой»); 2 – шалаш из хвороста.

Крапинки – веснушки («Посмотри в зеркало на свои крапинки»).

Криксы – плач ребенка.

Крясла – засов, приспособление для закрытия ворот.

Кудель – собранная в пучок начесанная шерсть.

Кунэма – некрасивая, вредная, несдержанная женщина.

Кур – петух.

Курень – казачье подворье с постройками.

Курка – лечение паром настоя различных трав.

Курюга – абрикос.

Куст – пучок (куст колючего лохматого терновника, который волочат по засеянному месту с целью укрыть землей семена. Особо это применялось на бурунах (на неровной почве). На ровной местности использовалась борона, размельчающая кочки земли, но после боронования земля волочилась «кустом».

Л

Лабаз – амбар.

Лабаста – существо в виде русалки, живущее в Тереке.

Лаканка – карман у казачки, кошель из лоскутов, который носился под юбкой на поясе.

Лобогрейка – сельскохозяйственное приспособление с зубьями и встроенными специальными ножами, которые нужно было часто точить. Лобогрейки тянули по полю лошадьми или быками. Казак, находящийся на этой «машине» был обречен сидеть под палящим солнцем и сбрасывать вилами с платформы скошенное сено. Уже через полчаса солнце так нагревало казаку лоб, что он изнемогал. Потому казаки этому «комбайну» дали название «лобогрейка».

Лызнуть – ударить.

Ляскать – болтать, разговаривать о всякой всячине, сплетничать.

М

Мазурушки – казаки (разговорное у гребенских казаков).

Макитра – глиняный сосуд с широким горлом для хранения масла.

Малолеток – молодой казак от 18 до 21 года.

Мамуки – казачки-гребенички.

Маниски – ожерелье из монет, бусы.

Махнуть – обменяться.

Миром – сходом всех жителей станицы, всей улицы («Всемирно строят хату»).

Мичары – кукурузные чуреки (оладыки).

Могилки – кладбище («А мы вчера ходили на могилки»).

Молонья – молния.

Монет – серебряный рубль.

Моча (ударение на первый слог) – вода, влага («Половина мяшка муки моча попортила, во!»).

Муздаться – встречаться без желания (не дружелюбно).

Музыкушка – музыка с «подключением» медного таза.

Муравый – зеленый.

Ж

На – частица, употреблялась гребенскими казаками для усиления последующего слова.

Надсырь – сыровато (Сготовила много чуреков, а они с надсырью).

Назольный – печальный.

Накочевать – налететь («Нунче накочевало много скорчиков»).

Намёт – галоп.

Напечь – место над печью (иногда печь).

Наплавок – поплавок.

Натырковаться – усвоить, набраться, приобрести опыт.

Небось – наверное, может быть («Небось, он тебе приглянулся?»).

Неуправки – оставленные снопы проса до зимы в поле (просо можно было молотить и в позднее время, оно не боится дождей – только требуется сушка зерен).

Нихай – пусть.

Нравно – нравственно, с удовольствием.

Няня – старшая сестра.

О

Обкатить – облить водой.

Обмунничивать – снаряжать.

Оборот – вторичная вспашка земли.

Оброть – узда без удил с одним поводком.

Обчать – начать косить поле (пахать).

Окаяный – домовый.

Опара – тесто в квашне.

Опризорить – сглазить.

Охальный – 1- ретивый, жадный к работе; 2 – бес-совестный, нахальный.

П

Панчѣхи – обувь в виде сапог (стеганая вата в ткани).

Паста – пшеничная каша, сваренная очень густо (в казачьих походах зачастую употреблялась вместо хлеба).

Паставец – шкаф для посуды.

Пахталка – емкость для сбивания масла.

Петры – день святых Петра и Павла (29 июня по юлианскому календарю).

Печиночка – задняя сборка у бешмета.

Пешая саранча – неокрылившаяся (казаки боролись с саранчой именно в такую для нее пору. Засыпали землей или покрывали слоем соломы место обитания (развития) и поджигали сразу в нескольких местах).

Плещинда – промазанные сметаной с сахаром тонкие листы пресного теста, как на лапшу, которые запекают в духовке или печи.

Плугарь – казак, управляющий плугом при вспашке земли быками или лошадьми.

Погон – кожура молодых побегов вишни (для улучшения крови).

Подбить – подсыпать муки в дегтеобразную арбузную заготовку при варке меда.

Показаковать – поджигитовать, погулять.

Помок – куча конопля, которую мочили в реке.

Почто – зачем («Почто ты ходила за Сунжу?»).

Приабык – привык («Я уже давно к службе приабык...»).

Приговер – воля Совета стариков, или казачьего круга.

Придатный – часто веселый.

Притюкаться – привыкнуть («Мы с жинкой уже притюкались»).

Програчить – не усмотреть, пропустить.

Р

Рапа – чрезвычайно кислое.

Раскудлатиться – растрепать волосы.

Рубель – деревянное приспособление для глаженья белья.

С

Свисла – скрученные из не засохшей или смоченной соломы пучки для связывания снопов.

Сгнуть – согнуться, провалиться, раствориться.

Сиденка – 1 – дежурство, караул, обход; 2 – место для охоты, рыбалки; 3 – место сборов молодежи.

Скрозь – всюду, вокруг, во все стороны, насквозь.

Сорочина – «сорочинская крупа».

Споро – густо, много.

Сродничёк – родной, приближенный.

Сруб – внутренняя деревянная отделка (укрепление) колодца.

Степь – тень.

Старинки – былинные казачьи песни.

Стременица – два тисненых повода для коня.

Ступни – старинная кожаная казачья обувь.

Счаливать – связывать.

Рисунок В.С. Полякова

т

Таяк – дубина.

Топтальщик – наездник на коне, который на лошади топтал в снопах скошенную пшеницу на подготовленном току.

Торкала – жердь, длинная палка без сучков.

Точить – ссыпать.

Топтать – слово употреблялось в период молотбы пшеницы. Способ, который разрешал вопрос окончательной уборки зерна (топтанье). На вопрос: «Зачем едешь в поле?» следовал ответ: «Топтать пшеницу».

Трусы (ударение на первый слог) – кролики, труска – крольчиха.

Тяг – распаханная делянка земли, пая.

У

Укусный – кислый (вкусный).

Улица – двор (в том числе и хозяйственный).

Утиральник – полотенце.

Ушкар – шнур.

Уязвить – убить, лишить жизни.

Х

Хазыри – газыри.

Хазы – место помещения хазырей (газырей).

Харч – говядина.

Хлабыст – тонкие ветви деревьев – заготовка для метлы.

Хмаро – много туч на небе.

Хода – шаг.

Ч

Чалка – 1 – веревка, на которую счаливают соленую рыбу, продевая ее сквозь глаза; 2 – причал, веревка, на которой держится лодка (судно).

Чапельник – съемная ручка для сковородки.

Чапля – металлический держатель на деревянной ручке, изогнутой Г-образно.

Чапурка – большая чашка, из которой пили вино. Как правило, казаки пили из одной чашки-чапурки поочередно, передавая ее своему соседу, находящемуся с левой стороны.

Чапурашники – такой кличкой награждали гребенских казаков.

Чепрак – подстилка под седло поверх потника. Часто чепрак служил украшением коня, красиво обшивался, были на нем яркие узоры, как память о доме в походах и на службе.

Чересседельник – ремень, идущий через седёлку от одной до другой оглобли.

Чливый – простой, отзывчивый.

Чоб – пробка в винной бочке.

Чужестранец – появившийся в станице человек любой национальности не из казаков.

Чуреки – олады.

Ш

Шайка – дубовое ведро.

Шамот – обожженная до спекания глина (кирпич).

Шаровать – воровать, добиваться цели в поиске.

Шевья – швея.

Щ

Щериться – смеяться над кем-то.

Шумни – позови («Ты шумни ему, пусть возвратится»).

Шурмилица – черная особая краска для бровей.

Я

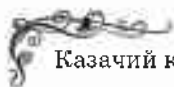
Ябидница – обидчица, злодейка, жалобщица.

Яма – подвал.

Яр – тополь пирамидальный.

Ярик – молодой тополь-саженец.

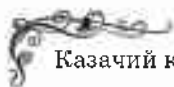

В.С. Поляков. «У костра»

СТАРУХИ
И ТРИ
МЕРСКИХ
КАЗАКОВ

НЕ ЗНАЛИ ТРАЖИЦУ

Возрождение казачества – святое дело. Ох, как много забыто из прошлой жизни «рыцарей Христовых»! И не только то, что делало историю казачества славной – ратные подвиги в войнах и неутомимый крестьянский труд, но и то, что часто называют казачьим бытом. Хотя и войны, и походы, и труд в «степи» не что иное, как быт наших предков, носящих гордое имя – казаки.

В прошлом в каждой казачьей семье было много детей – от пяти до двенадцати (не то, что теперь). И не последним делом была для них организация своего досуга, приобретение ловкости, силы, терпения. Вот и выдумывали иногда сами дети, иногда взрослые различные игры, которые приживались среди станичных мальчишек и девчонок. Распространялись от станицы к станице, укрепляя здоровье детей, кому предстояло сохранить казачий генофонд.

Эти игры часто видоизменялись, упрощались или усложнялись, менялись их названия. Но уж коли игра завладевала душами детей, то нередко оставалась в станицах на долгие годы.

На Кавказе многие игры не знали границ, и посредством казачества и связей народов, проживающих в непосредственной близости, переходили от народа к народу.

Чушки

(игра жителей станицы Слепцовской
Терской области)

Эта игра, известная в некоторых местах под именем «городков», происходит на открытом месте. Играющие исключительно мужского пола. Число их неопределенно, но попарно: разделяются они на две партии.

Каждая партия чертит на земле по одному кругу, около сажени (2,16 м) в диаметре. Расстояние между кругами около 6 сажень. Это расстояние делится пополам, и точка деления называется полуконом.

Готовятся «чушки» — деревянные цилиндры, около пяти вершков длиной и один вершок (4,45 см) в диаметре. Таких «чушек» каждая партия имеет 5, и расставляются они в обоих кругах в том месте, где окружность обращена к другому кругу. Одна «чушка» кладется боком к кругу противной партии. На нее кладутся еще три — концами к тому же кругу, пятая ставится на окружности «на попа», в расстоянии одного аршина от остальных.

Цель игры – поездить на чужой спине. Чтобы достигнуть этого удовольствия, необходимо выбить городок из круга противной партии. Каждый играющий бьет «город» двумя палками: своей и своего дружка. Предварительно стараются выбить «попа», так как это дает право бить с полукона. Если же «попа» свалят в круг, то бьют все время со всего расстояния. Какая партия первой выбьет «город» противников, та и едет на их спине от одного круга до другого.

В станице Новомарьевской (Кубанской области) игра, подобная описанной, носит название «рюхи». В станице Ардонской (Терской области) эта же игра известна под именем «чушки», причем круги заменяются квадратами.

Бобр

(станция Уманская)

Один из играющих изображает Хозяина, другой – Бобра, а остальные – Собак. Хозяин говорит:

– Бобре, бобре, ховайся добре, як найду – так-таки собаками растравлю!

Бобр прячется, а Собаки его ищут. Пойманный Бобр становится Собакой, а поймавший его – Бобром.

Горячее место

(станция Куцевская)

Обозначается чертою на земле «горячее» место. Играющие меряются на палочке, и верхний становится поодаль от «горячего» места и оберегает его. Все остальные играющие стараются проникнуть в «горячее» место. Первый не допускает этого и старается побить, то есть поймать или ударить такого желающего. Побитый делается помощником первого и вместе с ним ловит остальных играющих.

Проникнувший в «горячее» место может спокойно отдыхать там сколько ему угодно. Но все-таки, когда выйдет оттуда, остальные играющие, сделавшиеся помощниками, его поймают. Когда все переловлены или побиты, игра начинается снова, и первый побитый остается охранять «горячее» место.

Кошка и мышка

(Эта игра была широко известна в станицах Махошевской, Новомарьевской, Ардонской, Хасавюртовской, Холмской и на Таманском полуострове)

Игроки берутся за руки и составляют круг. В середину становится Мышка, а за кругом Кошка. Она старается прорваться в круг и поймать Мышку, но игроки мешают ей, задерживают, стараясь не разорвать цепи. Мышке же дают свободный проход в круг и за него. Когда Кошке удастся поймать Мышку, их сменяет другая пара.

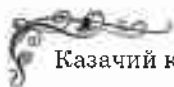
Кувшинчики

(станция Надеждинская)

Играющие выбирают Кота, Мать и Дочь. Остальные участники – «кувшинчики». Они садятся рядом, вдоль которого ходит Кот. Он толкает играющих по одному, как бы опрокидывает «кувшинчики», крадет их, уводя в отдельное место. Мать спрашивает у Дочери:

– Где кувшинчики?

Дочь отвечает, что снесла их в погреб. Когда Кот перегаскает всех игроков-«кувшинчиков», то Мать и Дочь идут искать их. Найдя всех, гоняются за Котом, а он убегает.

Полотно

(станция Ардонская)

Процесс игры таков: несколько человек (чем больше, тем лучше) берут друг друга за руки и образуют цепь, которая и означает собою «полотно». Перед «полотном» стоят двое: один разыгрывает роль купца, а другой – роль покупателя.

Первый спрашивает: «Что вам угодно?». Второй отвечает: «Отрежьте два (три или четыре) аршина полотна!» Купец, растягивая во всю ширину свои руки, отмеривает требуемое число аршин, причем на каждый аршин идет по одному человеку. Оставшееся полотно свертывается спирально.

Отнеся домой купленное «полотно», покупатель снова появляется в лавке (при появлении его «полотно» быстро разворачивается) и берет себе еще несколько аршин, после чего «полотно» опять быстро сворачивается.

Такая «продажа» продолжается до тех пор, пока в лавке не останется ничего. Покупатель, перемерив дома покупку, узнает, что он обманут на несколько аршин. Тогда он несет обратно в лавку и с бранью возвращает купцу «полотно», которое очень оживленно три раза сворачивается и разворачивается. Сворачиваясь в последний раз, оно захватывает в середину с собою хозяина (купца) и хором кричит ему под ухом. Далее из среды играющих выбирается новый купец и новый покупатель и проделывается то же самое.

Грыбаки

(станция Новоминская)

Дети берутся руками попарно и становятся пара за парой. Одна пара (грыбаки), выделившись, становится впереди всех на расстоянии нескольких шагов.

Сначала бежит первая пара мимо грибаков. Бегущие должны бежать в одиночку.

Грибаки ловят и бегут вместе с ними, взявшись за руки. Если один из бегущих будет пойман грибаками, не успев подать руку товарищу, то он и товарищ его станут грибаками, а те становятся позади всех пар.

Если грибаки не поймали ни одного из бегущих, то становятся на прежнее место, и бежит следующая пара, а та, что бежала, становится позади.

В казаки

В этой игре принимают участие от 5 до 10 мальчиков (но могут играть и девочки). Играющие выбирают атамана или гетмана (начальника) и одного помощника – есаульца.

Атаман не играет, а следит за соблюдением правил игры. Он приказывает играющим строиться, следит за очередностью при выполнении действий участниками, дает команды поворачиваться, скакать в карьер, схватывать определенный предмет.

1-й этап игры

Предмет (подкова, казачий пояс, ножны, уздечка или что-то другое) крепится подальше от беговой дорожки так, чтобы его было трудно достать. Он подвешивается на растянутой проволоке, шесте, отростке дерева и отделяется барьером, канавой, насыпью, рвом, за которые выходить запрещается. Задача – достать предмет. Если игрок справился, то получает 20 баллов, а если допустил ошибку (сделал заступ) – баллов не получает.

Можно усложнить продвижение участников игры (по договоренности) кружкой с водой, которую нельзя расплескивать.

После выполнения или невыполнения этого этапа участник игры допускается ко второму этапу.

2-й этап игры

Игрок берет приготовленные камешки (2-3), можно и палочки, и бросает их в очерченный на удалении 10 метров круг или квадрат. При попадании в круг (квадрат) набирает баллы (очки). Если камень (палочка) упал в 10 см от центра круга, играющий получает 10 баллов, если 15 см – 5 баллов, 20 см – 2 балла, если больше 20 см или совсем не попал в круг, то баллы не заработаны.

Атаман с есаульцем записывают баллы (очки), считают их и по двум этапам определяют победителя. Атаман награждает его призом (конфеты, фрукты). Победители могут от атамана получать чины (звания).

Игра может повторяться много раз.

Краски

*(станции Новотитаровская,
Надеждинская и Куцевская)*

Из игроков выбирается Черт, Ангел и Хозяин красок. Остальные назначают себе по цвету и сообщают втайне Хозяину. Приходит покупать краски Черт и говорит:

- Бом, бом.
- Кто идет? – спрашивает Хозяин.
- Черт с горбом.
- За чим?
- За краскою?
- За какою?

Он называет краску и угадывает, кто выбрал себе этот цвет. Если угадал – забирает к себе. Потом приходит Ангел.

- Динь, динь.
- Кто идет?

- Монах.
- За чим?
- За краскою.

Следует тот же самый разговор, и Ангел выбирает краски. Когда игроки распределены между Чертом и Ангелом, они поодиночке начинают «исповедоваться» перед Хозяином и Ангелом. Их спрашивают:

- Що це таке?
- Небо.
- А це що?
- Земля.
- А це що? – указывают на восток.
- Рай.
- А це що? – указывают на запад.
- Пекло.
- А в пекли що?
- Бубонец.
- А в бубонци що?
- Гребенец.
- А в гребенци що?
- Пан та паниха.
- Що вони роблять?
- Пьют та гуляют.
- Ишов пан по дробинци?
- Ишов.
- Що вин нис?
- Мих.
- А в миху що?
- Смих.
- Ты смиесся?
- Ни.

Черт, стоя сзади, щекочет исповедуемого. Если тот смеется, то идет в пекло, если нет, то к Ангелу. Затем праведники и грешники берутся за палку или канат и тягаются.

Кобылка

*(игра без игрушек в станицах Темижбекской,
Уманской, Новомарьевской, Кущевской)*

Играют одни мальчики. Играющие канаются. «Низы» становятся, пригнувшись к забору. Первый берется за забор руками и несколько нагибается. Второй становится сзади него, охватывает его руками и тоже нагибается. Следующий делает то же самое и т. д.

«Верхи» с разбега вспрыгивают на них. Если «верхи» сидят ловко и нет надежды, что кто-нибудь из них свалится, то низы говорят: «С коня долой!», и «верхи» слезают и начинают опять прыгать. Прыгают три раза. После этого «верхи» становятся к забору, а «низы» прыгают на них.

Если вспрыгнувшие сидят неловко, то стоящие молчат в надежде, что кто-нибудь из них свалится. Если же кто-нибудь действительно свалится, то уже прыгающие должны становиться к забору.

В эту игру можно играть не более 5-6 парам. В самом деле, немисливо, чтобы первый мог прыгнуть так далеко, чтобы еще после него могло усесться 10-12 человек.

В станице Старовеличковской, где игра эта называется «шарлай», «верхи», вскочив на спины «низов», поют:

*Шарлай, не минай,
Три кобачки давай!
С коней или на коней?*

В Новотитаровской станице говорят:

*Шарлай, марлай на рижок,
Изъив пирожок.
С коня чи на коня?*

Оракул

(станция Слепцовская)

Игра происходит на вечеринках между девушками и парнями. Одному или одной завязывают глаза и сажают на стуле посреди комнаты: это и есть «оракул». Каждый из остальных подходит и прилагает к его голове один палец. Чувствуя прикосновение, «оракул» предсказывает, например, девушке: «В ныншнем году тебя женят» и проч. — раздается, конечно, смех.

Шагайдары

(Эту игру любили казачата станицы

Темижбекской. Еще ее называют чехардой.

В станицах Новоминской, Ардонской, Слепцовской, Холмской и Новомарьевской она носила название «долгая лоза»).

Играют в эту игру исключительно мальчишки. Один из играющих нагибается, другие прыгают через него, слегка опираясь о его спину. Каждый перепрыгнувший, отбежав на некоторое расстояние, нагибается в свою очередь. Когда все перепрыгнут через первого

нагнувшегося, тот, в свою очередь, бежит и прыгает через всех, после чего опять нагибается и т. д.

В Староджерелиевской станице эта игра несколько изменена и называется «верни-голова». Два мальчика становятся плечами друг к другу, крепко держась руками. Остальные играющие поочередно бегут и, упираясь головой в плечи стоящих, перекидываются на другую сторону.

Кольцо

*(Таманский полуостров,
станции Куцевская и Слепцовская)*

На веревку надевается кольцо, ее концы связываются. Играющие становятся в круг, берут веревку в руки. Один из участников игры, стоящий в середине круга, должен отыскать кольцо. Тот, кто поймается с кольцом в руке, становится в круг отыскивать кольцо, а первый занимает его место.

В комара

(станция Хасавюртовская)

В игре участвуют трое. Один из них становится посередине, прочие – по бокам, лицом все в одну сторону. Для удобства игры боковые раздвигают ноги приблизительно на $\frac{3}{4}$ аршина, а средний (Комар) на аршин. Кроме того, средний наклоняется, а боковые закрывают щеку, обращенную к среднему, – левый правою ладонью, а правый – левою, приготовившись таким образом к защите от укусов Комара.

Игра состоит в том, что средний, сложив ладони наподобие трубки, начинает в них жужжать, подражая комару и стараясь при этом ужалить то того, то другого, что выражается ударами по щеке. Каждый из

стоящих по бокам, в свою очередь, следит за действиями Комара. Тот, кто почувствует жало на своей щеке (боковые не имеют права ударять комара, не почувствовав его жала), в тот же момент старается быстрым ударом сбить шапку с Комара. Коль скоро это достигнуто, то Комар и победитель меняются ролями, а игра начинается снова.

Заяц-месяц

(станция Алхан-Юртовская)

Играющие становятся в круг и считаются следующим образом: «Пери, ери, чуха, луха, пята, сота, ива, дуба, жига, крест» или: «Шатан, батан, шамашур, самшуракин, ветенвурх, он-бафилин, ворон, тыс, мы поедем во Тифлис, свинья в лавке танцевала, да каблук поломала, сики-брыки, вареники, корм».

Затем тот, на долю которого придется слово «крест» или «корм», выходит. И так до тех пор, пока не останется один, который начинает ловить вышедших. После того как он кого-то поймает, начинают ловить они вдвоем, потом втроем и так далее. Когда переловят всех, то начинает ловить тот, которого поймали первым.

В веревочку

(станция Ардонская)

Играют, образовав круг. Берутся руками за веревочку. Число играющих всецело зависит от размера веревки и помещения, в котором происходит игра. Один из играющих входит в середину круга. Для того чтобы он опять вошел в общую цепь, необходимо ударить кого-либо из держащих веревочку по руке.

Игра ведется оживленно тогда, когда в кругу на-

ходится человек проворный и когда остальные играющие тщательно следят за его действиями и собственными руками не позволяют ему ударить по рукам. По правилам игры с веревочки нельзя принимать сразу обе руки.

Соседи

(станция Слепцовская)

В «соседи» играют на вечеринках. Парни садятся с девушками парами. Ведущий, подходя к какой-либо паре, спрашивает у парня: «Соседка мила?». Тот отвечает, например: «Мила». Тогда он спрашивает у нее: «Сосед мил?». Она скажет, например: «Не мил».

«Кого ж вам нужно?». Девушка называет имя одного из парней, и тот меняется местом с «немилым».

Если при спросах последует с обеих сторон «мил», то это подтверждается взаимным поцелуем. Иногда при вопросе: «Кого вам нужно?» указывают на вопрошающего, который и садится, а «немилый» или «немилая» начинают спрашивать.

В короля

(станция Слепцовская)

Играют большей частью одни девушки всех возрастов, иногда допускаются и мальчики. Игра ведется обыкновенно в сумерках на улице. Играющие разделяются на две группы, в одной – двое, в другой – все остальные. Обе партии становятся одна против другой на расстоянии 4-5 сажень.

Партия вторая, обращаясь к первой, поет:

– В темный лес! В темный лес!

Партия 1-я:

– Что нейдешь? Что нейдешь?

2-я:

– Боимся, боимся.

1-я:

– Кого вы боитесь?

2-я:

– Короля, короля.

1-я:

– Сын дома, сын дома?

2-я:

– Сына нет, сына нет.

После последнего припева 1-я партия, взявшись за руки, образует ворота. А 2-я партия, также взявшись за руки, «гуськом» бежит в расставленные ворота, припевая в такт ноги:

– У нашего короля

Дома нету никого,

Ни сына, ни его.

Сударыня, барыня

Растворила ворота,

Выпустила воробья.

При следовании в воротах 1-я партия опускает руки, отхватить последнего из бегущих, который и остается при ней. Пробежавшие же возвращаются на свое место и начинают снова припевы. Так продолжается до тех пор, пока во 2-й партии останутся двое, после чего эти двое принимают положение 1-й партии и игра продолжается.

В станицах Старовеличаевской и Новотитаровской играли несколько иначе.

Девочки становятся в кружок. Одна из них остается за кругом. Круг, взявшись за руки, поет:

– Король по-за городом ходе,

Король дивчат выбирае,

Король в скрипочку грае.

Казачий кладезь Витислава Ходарева _____

Король, поклонись низенько!

Король, поцилуйсь вирненько!

Король целует, а та, которую он поцеловал, выходит из круга и идет за королем. Круг начинает петь сначала: «Король по-за городом...»

Бешеный теленок

*(станции Кущевская, Новотитаровская,
Надежинская, Темижбекская)*

Играющие берутся за руки и, образуя замкнутый круг, вертятся то в одну, то в другую сторону. Если кто-нибудь оторвется от круга или упадет во время движения, то тот считается «бешеным теленком». Он должен догнать или, по крайней мере, нанести удары остальным играющим, которые убегают от него. Пойманный становится помощником «бешеного теленка». Число пойманных увеличивается до тех пор, пока не будут переловлены все играющие.

В Уманской станице эта игра называется «колесо». Оторвавшийся во время быстрого движения «колеса» лишается права продолжать игру.

Вергилий

(станция Ардонская)

Произвольное число играющих, беря друг друга за руки, составляют круг. Один из них входит в центр круга (он выполняет роль отца Вергилия, а все остальные – его дети), кружится и поет:

– Отец Вергилья учил своих детей:

«А вы, дети, как и я,

Делать то, что и я».

Вместе с ним, но только в обратную сторону, кружатся его дети и поют то же самое, что и он поет. Как

только кончат петь, останавливаются, разрывают цепь и следят за действиями отца: если он делает что-нибудь, например, гримасу, гимнастику руками или ногами, то должны проделывать то же самое и дети. Если кто-нибудь из детей прозеваает и не успеет сделать того, что сделал отец Вергилий, то идет в круг на его место. Опять все начинают кружиться и петь, то есть делать все то, что и раньше.

В Шамиля

(станция Хасавюртовская)

Число играющих начинается от восьми и может быть каким угодно. По общему согласию выбирают Шамиль, Басингур, лазутчик и доказчик. Игра представляет больше интереса вечером, нежели днем.

Она происходит на таком пространстве, которое бы не имело недостатка в местах, дающих возможность укрыться. Шамиль, Басингур и лазутчик удаляются от остальных и, нашедши удобные места, прячутся. Доказчик также следует за ними, как положено в игре, чтобы знать, где они укроются. После разведывания, в какой стороне они спрятались, он возвращается к остальным и указывает им то или иное направление для розысков. Затем доказчик быстро уходит и тоже прячется. Указания его о направлении, в котором следует искать спрятавшихся, ради интереса игры в большинстве случаев бывают ложны. А если укажет верно, то прежде чем спрячется сам, сообщает Шамилю, Басингуру и лазутчику, с какой стороны грозит опасность.

Спрятавшись, доказчик дает знать сыщикам свистом или криком о том, что поиски могут начинаться. Сыщики отправляются в разные стороны. О каждом

найденном тотчас же объявляется одним из следующих выражений: «Шамиль в плену» или: «Шамиль в руках». Когда все спрятавшиеся отысканы, игра начинается снова при следующей перемене ролей: нашедший Шамиля становится Шамилем, нашедший Басингура – Басингуром и т. д. Если кто-нибудь нашел нескольких спрятавшихся, то он имеет право любую роль оставить за собой, а остальные раздает по своему усмотрению.

Фанты

*(станции Ардонская, Слепцовская,
Таманский полуостров)*

Кто-либо из играющих берет на себя роль распорядителя игры. Подходя к парню или девушке, распорядитель предлагает ряд вопросов или замечаний, на которые надо обязательно отвечать, но с условием не употреблять в своих ответах слов «да» и «нет». Произнесший какое-либо из этих слов платит распорядителю фант, то есть дает ему какую-нибудь из своих вещей: кольцо, платок... Набрав известное количество таких фантов, распорядитель садится и, взяв один из них, спрашивает: «Чей это фант?».

- Мой, – отвечает хозяин вещи.
- Что с ним сделать?
- Что прикажете?

Распорядитель приказывает, например, поцеловать всех девушек, если фант принадлежит парню или наоборот. После исполнения приказа фант возвращается по принадлежности. То же самое повторяется и с прочими фантами с разнообразием приказаний.

Перепелушка

(станция Кущевская)

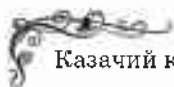
Одна из играющих изображает собой перепелушку. Она становится в круг, образованный прочими играющими, взявшимися за руки. Перепелушка берется обеими руками за голову, делая вид, будто бы больна, и тихо ходит по кругу, покачивая головой. Остальные тихо ходят по кругу, припевая: «А в перепелки тай головка болит. Тут була, тут була перепелочка; тут була, тут була невеличечка». Со слов «тут була» песня поется скоро, поющие приплясывают, перепелушка принимает также веселый вид и пляшет.

Затем перепелушка снова входит в круг, прихрамывая, а другие поют: «А в перепелки тай ножки болят. Тут була... (повтор)», и снова пляска. Наконец, перепелушку снова печалят пением: «А в перепелки тай лихой муженек. Тут була... (повтор)». При пении последних слов играющий муженька приближается к играющим и старается поймать перепелушку, когда она начинает плясать. Играющие стараются не пустить его в круг. Пойманная перепелушка становится в круг, а муженек делается перепелушкой, а одна из играющих муженьком.

В подкучки

(станция Ардонская)

На ровной площадке устраивают несколько куч из мелкой соломы. Кучи располагают кругообразно, причем число их должно быть больше числа играющих вдвое. Каждый играющий выбирает себе товарища и вместе с ним вносит в общую шапку пару яиц. По общему назначению двое играющих входят в середину круга и прячут парами собранные яйца в соломённые кучи.

Когда все яйца спрятаны, играющие парами по очереди выходят на середину круга и вскрывают по своему выбору четыре кучи. При вскрытии иногда находят в каждой куче по паре яиц, значит, они возвратили свою пару и, кроме того, выиграли еще три пары.

Часто бывает и наоборот: открывают только пустые кучи, следовательно, проигрывают и свою пару. Далее снова собирают яйца, подобным же образом прячут их (очередная пара) в соломенные кучи и потом вскрывают. Иногда яйца заменяют орехами, плодами и камушками.

Четыре угла

(станция Новомарьевская)

Число играющих – пять, из которых четверо становятся по углам, а пятый – «мышка» – посередине. Он выжидает, когда какой-нибудь из углов освободится, чтобы занять его. Стоящие же по углам меняются местами. Если «мышка» займет чей-нибудь угол, то тот, который остался без угла, становится «мышкою».

Вилюшки

(станция Слепцовская)

Игра эта в некоторых местах известна под названием «Растеряхи». Сама по себе несложная, она употребляется как средство для поддержания веселого настроения у играющих. При этой игре необходимо большое количество мальчиков и девочек.

Взявшись за руки, они направляются в ту сторону, куда потянет «вожак». Последний, пробежав некоторое расстояние, вдруг быстро поворачивает, описывает дугу и так же быстро останавливается. Такую же дугу приходится описывать каждому и наибольшую тем,

кто более удален от «вожака». При этом бег затрудняется неожиданными его поворотами. Всем бывает очень смешно, когда происходят нередкие падения и кувырки играющих.

В шапку

(станция Новомарьевская)

1. Все играющие, кроме одного, который стоит в кругу, садятся на землю на некотором расстоянии друг от друга и перебрасывают шапку один другому, не соблюдая при этом никакого порядка (бросают назад и вперед). Стоящий в кругу должен поймать шапку, когда она летит от одного к другому из бросающих или должен вырвать ее из рук. Если ему это удастся, то он садится в круг, а его заменяет тот, у кого была отнята шапка или кто не поймал ее, когда ему ее бросили, то есть шапку перехватил кто-то из сидящих в кругу.

2. На ровном месте один из играющих («болван») садится на землю и ставит на свою голову шапку верхом вниз. Остальные друг за другом перепрыгивают через сидящего. Кто первый свалит шапку, тот сменяет сидящего, то есть сам становится «болваном».

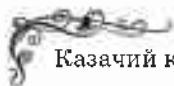
Куци, кици-баби, кулючки

(станция Новомарьевская)

Все это — названия одной игры, известной еще и под названием «жмурки». Одному из играющих завязывают глаза, с завязанными глазами он старается поймать кого-нибудь из участников. Тогда пойманный заменяет первого.

В станции Надеждинской подводят того, кто ловит, с завязанными глазами к дверям и спрашивают:

— Панас, где стоишь?

- На базаре.
- Что продаешь?
- Квас.
- Лови мышей, а не нас!

Коршун

(станции Темижбекская и Слепцовская)

Играющие берутся сзади один за другого. Впереди самая взрослая девочка – Мать (наседка), за нею – Дочки. Один из играющих изображает Коршуна. Он сидит на корточках и копает палочкой землю. Мать спрашивает у него:

- Коршун, коршун, что ты делаешь?
- Ямочку копаю.
- На что ямочку?
- Кашу варить.
- На что кашу?
- Твоим детям глаза заливать.
- За что – про что?
- У меня был вот такой городочек (показывает рукою вокруг себя), они его разорили.

Затем он бросается на играющих, чтобы схватить заднего. Мать защищает его. Когда Коршун схватит хоть одного, мать спрашивает:

- Коршун, коршун, покуль (до каких пор) наелся?
- Вот покуль (указывает он себе на живот).
- А напился?
- Вот покуль (тоже).
- А ну, подпрыгни (Коршун прыгает). О, и мать-наседку съест! – с отчаянием произносит она.

Коршун снова бросается на детей и все повторяется снова.

Подушечка

(станции Таманского полуострова)

Все играющие берутся за руки и составляют круг. Он из игроков выходит на середину с маленькой подушечкой в руках и держит ее над головой. Играющие поют плясовую песню: «Подушечка, подушечка моя пуховая! Молодушка, молодущка моя молодая! Кого люблю, кого люблю, того поцелую, тому мою подушечку сейчас подарю».

Играющий с подушечкой танцует под эту песню в кругу, а после нескольких повторений песни передает с поцелуем подушечку по выбору кому-то другому. Получив подушечку, играющий выходит в круг. Игра начинается той же самой песней и продолжается до тех пор, пока все играющие не побывают в кругу.

Палач

(станция Ардонская)

В игре могут участвовать от трех до десяти и более человек. Играющие разрезают круглую двухвершковую палочку и скручивают жгут. Один из них берет разрезанную палочку и складывает так, как она была до разреза, а потом подбрасывает вверх. Если данная палочка упадет вверх плоскими сторонами, то подбрасывающий выходит в пари. Если выпуклыми сторонами – в палачи. А если одна сторона будет плоской, а другая – выпуклой, то играющий получает название разбойника.

Подбрасывание палочки ведется поочередно. Царь заставлял палача бить того, кто выйдет в разбойники. Число ударов жгутом вполне зависит от воли царя. Если выходит новый царь, то он сменяет старого. Подобным же образом сменяется палач и разбойник. Эта игра очень оживленная и может продолжаться до бесконечности.

Золото

(станция Слепцовская)

Игра ведется преимущественно девочками в определенном числе. Одна из играющих берет какую-нибудь вещь, например, палочку или колечко. Остальные становятся в круг, держа перед собою руки, сжатые в кулаки. Первая, стоя в кругу, приговаривает нараспев:

– Я золото прихораниваю!

Я чистое прихораниваю!

Мое золото пропало,

Чистым порохом запало,

Мятелицей замяло,

Угадывай, у кого?

Все:

– Гадай, гадай, девица,

В какой руке перца?

Стоящая в кругу девушка опускает руку с «золотом» в руки играющих с тем, чтобы оставить его в какой-нибудь руке. На ком остановится рука, хоронящей «золото», при словах «Угадывай, у кого?» – та выступает вперед и угадывает. Если угадает, то остается в кругу и хоронит «золото». Если же нет, то следует «женитьба», которая обыкновенно состоит в том, что у девушки спрашивают, в какой стороне живет жених, как его зовут и прочее, после чего она снова хоронит «золото».

Прятки

(станции Холмская и Уманская)

Все играющие конаются на палочке, кому из них «жмуриться». По условию, это будет «верх» или «низ», а остальные прячутся. Заранее приготавливается палочка, которой нужно будет стучать в извест-

ных случаях. Когда все спрячутся, жмурившийся отправляется искать спрятавшихся, но в то же время наблюдает, чтобы кто-нибудь из них не вышел и не завладел бы его палкою. Отыскав и позвав по имени спрятавшегося, он спешит к палочке, стучит ею и приговаривает: «Стук, стук, палочка на месте!». Так он отыскивает и прочих.

Первый отысканный «жмурится», а прочие прячутся.

Но на обязанности каждого играющего лежит забота выручить товарищей, то есть отысканных и «застуканных» палочкой, а поэтому они стараются воспользоваться отсутствием ищущего — завладеть палочкой и простучать: «Стук, стук, палочка на месте!».

После этого игра не заканчивается, а начинается снова и «жмурится» опять тот же.

Молчан

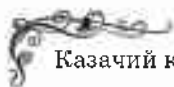
(станция Новотитаровская)

Один из играющих становится впереди, смотря на всех серьезно. Каждый из играющих старается рассмешить его, для чего подходит к нему и говорит что-нибудь смешное. Если удалось рассмешить «молчана», то, не выдержав роли, тот удаляется из игры.

Пчелы

(станция Надеждинская)

Двое из играющих становятся столбами. Другие, взявшись за руки, сбиваются кругом них в кучу. Один, называемый «маткою», «поджигает» столбы и убегает. «Пчелы» бегут в погоню и, поймав, жужжат в уши.

Заплеуха

(станция Куцевская)

Играющие меряются попарно на палочке. «Верхи» образуют одну партию, а «низы» другую. Вторая партия «жмурится», а первая прячется подальше от города, отмеченного на земле чертою. После того как все уже спрятались, вторые идут отыскивать их. Каждый, увидавший кого-нибудь из спрятавшихся, кричит своим: «Уходите в город! нашел такого-то!». В это время спрятавшиеся выскакивают из засады и стараются побить кого-нибудь из партии ищущих. Если им это удастся, игра опять продолжается, если же нет, то партии меняются ролями.

Высокий дуб

(В эту игру играли в станицах Куцевской, Новомарьевской, Старовеличковской, Новоминской и в станицах Таманского полуострова)

Вырывается около четверти аршина глубины яма в виде опрокинутого конуса; в нее кладется дощечка так, чтобы конец ее торчал вверх, выше краев ямы. На нижний конец дощечки в яме кладут мяч, а по верхнему концу бьют палкой, отчего доска и мяч летят вверх. Поймавший мяч бьет, а остальные ловят его.

В станице Новотитаровской эта игра называется «гилка».

В потайного

(станция Темижбекская)

Играющие — одни мальчишки или одни девочки — садятся тесно в круг, поджав ноги. Кто-то из играющих садится в центре круга. Мяч прячут под

ноги и передают один другому; сидящий в середине должен найти мяч. Тот, у кого он будет найден, выходит в середину круга, а искавший садится на его место.

Зевака

(станция Новомарьевская)

Играющие становятся в кружок, на значительном расстоянии друг от друга, и начинают перебрасывать мяч, называя по имени того, кто должен его ловить; тот ловит мяч и бросает, называя другого и т. д. Кто не поймает мяч на лету, тот должен тотчас схватить его с земли и бить в одного из играющих.

На каждого, в кого попали мячом, насчитывается два удара или очка, а на каждого промахнувшегося — четыре. На ком насчитано 20 ударов, т. е. тот, который пять раз промахнулся или в которого 10 раз попали мячом, выходит из игры.

Когда половина играющих вышла из игры, все заканчивается, и начинается расправа с теми, на которых насчитаны удары. Они по очереди становятся лицом к стене и стараются левою рукою бросить мяч через плечо, как можно дальше. Кто-нибудь из играющих поднимает мяч и бьет с того места, где мяч упал, в спину наказываемого.

В переездного коня

(станция Темижбекская)

Участвуют одни мальчики. Играющие конаются. Затем все становятся кругом так, чтобы расстояние от одного играющего до другого было 5-7 шагов. «Низы» нагибаются, а «верхи» садятся на них верхом. После этого начинают перебрасывать мяч от одного играющего до другого.

Если мяч обойдет три круга, не будучи упущен на землю, то «низы» перевозят своих противников с одного места на другое (последний становятся на место первого, первый на место второго и т. д.). Затем снова начинают перебрасывать мяч. Если же кто-либо из «верхов» не поймает мяч, упустит его на землю, то роли переменяются: «верхи» становятся, а «низы» садятся на них. Игра продолжается снова.

На гурт

(станция Темижбекская)

Все играющие идут в поле, а двое остаются у «бабки». Один поддает, другой бьет. Если кто из гурта поймает мяч на лету, то идет поддавать, поддававший бьет, а тот, кто бил, идет в гурт.

Эта игра мало занимательна, и в нее играют только тогда, когда уже довольно набегались, нареэвились

в другие игры и за этою игрою уже только отдыхают, так как здесь не приходится много бегать, а бить достается весьма редко.

В городки

(станция Темижбекская)

Играющие чертят на земле круг, в поперечнике шагов в 20-30. Круг этот называется «город». Затем они конаются попарно или просто разделяются на две партии. «Верхи» идут в «городок», а «низы» выбивают их мячом. Тот, которого ударят мячом, выходит из «городка». Когда выбьют всех до последнего, «низы» идут в «городок», а «верхи» выбивают.

Эта игра становится особенно интересной, когда в городке остается один или двое – самые проворные и вертлявые. Лишь только выбивающий пустил в него мяч, как тот уже пригнулся, подпрыгнул или отскочил в сторону, и мяч летит мимо.

Чет и нечет

(Холмская станция Кубанской области)

Один из играющих берет в горсть несколько мелких камушков, кидает их вверх и, подставив ладонь, старается, чтобы попало на нее как можно больше камушков. Затем, прикрыв их другой рукой, спрашивает: «Чет или нечет?». Неугадавший платит фант и оплачивает его каким-либо действием, назначаемым угадавшими.

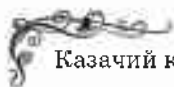

Рисунок В.С. Полякова

НОВЕДРЯ,
НРИМЕНА
И
СУВЕДРИА

ПОВЕРЬЯ – ЭТО ПРИЗНАНИЕ ПРАВДЫ

Известно, что казаки Терека предпочитали заниматься земледелием. Но в каждом подворье они разводили и скот, и другую живность. Все водилось в достатке: и коровы, и быки, и кони, и свиньи, и птицы было много.

Работа во дворах кипела днем и ночью – и в пору солнца, и в пору снега. Каждый член казачьей семьи знал, чем ему заняться и старался все, что надо, сделать хорошо и ко времени.

На основе быта, всего казачьего уклада жизни, повторяемости событий и случаев из века в век рождались поверья и суеверия. Уверование в них оказывало не последнюю роль в деле ведения домашних работ, отношения к хозяйству. Мужчины были опорой в семье. Женщины во всем ревностно следили за чистотой своих жилищ, своей одежды. К чести терчанок следует отнести их честность и гостеприимство. Это отличительные черты наших

бабушек и прабабушек, сохраненные женщинами в казачьих семьях до нынешних дней.

Сегодня на имеющихся примерах, добытых в творческих поездках, хочу обратить внимание читателей на удивительное прошлое семей терских казаков, на их признание правды жизни своих предков. А с какой искренностью говорят праправнуки, правнуки и внуки о гостеприимстве своих предков, о той таинственной и далекой поре.

Гость в доме казака считался посланцем Божьим, и потому он всегда был жданным, званым и желанным. Считалось греховностью плохо принять и отнестись без внимания к пришедшему на казачье подворье человеку, нуждающемуся в отдыхе, приюте и опеке. Следовало проявлять к пришельцу доброту и внимание, обогреть его (в зимнюю пору), накормить, напоить, предложить отдохнуть, предложить попробовать домашнего вина, не спрашивая, откуда прибыл гость, кто он и сколько будет гостить. Это была одна из составляющих казачьей нравственности.

Я отмечал, что содержание скота в казачьих подворьях, животноводческий труд и опыт преломлялись в самобытные взгляды, порождающие поверья и приметы.

При покупке коровы, например, казаки уверяли, что такая корова обязательно должна быть проверена в новом дворе. Хозяин расстилал во дворе своего дома полотенце, открывал ворота и проводил купленную буренку так, чтобы она наступала именно на полотенце. Если корова прошла спокойно – дом будет с молоком, и со здоровьем коровы все будет

нормально. А если новожительница волновалась, или обходила полотенце – она будет болезненной.

Индивидуальное ведение хозяйства и опыт заставляли казаков верить и в сверхъестественные силы, которые непосредственно влияют на успешное содержание скота. Они верили, что ведьмы по ночам доят коров. Когда корова перестанет отдавать молоко, верили они, надо взять обычный серп и, повернув его острием вверх, подоить корову, чтобы струйки молока попадали на острие серпа. Если будет слышен какой-либо оклик за спиной, то нужно не оборачиваться, а довести дойку до конца. Прodelки ведьмы прекратятся.

Казаки верили в то, что корова перестает отдавать молоко после того, как ее кто-то сглазит. Чтобы этого не случилось, хозяйка после дойки не должна показывать никому, сколько в доенке молока. Иначе молоко уйдет «от сглаза».

СКАЧИ ДАЛЬШЕ, СТАНИЧНОЕ ПЛЕМЯ

*(станичные и хуторские поверья,
обращенные к коню)*

На протяжении столетий рождались и утверждались временем казачьи бывальщины и небывальщины. Обрастали пути-дороги казаков своими обычаями, обрядами, народными меткими и поэтическими словами. Неотделимой частью этого было движение казачьего духа, рожденного в душах людей воинственного и трудолюбивого казачьего племени.

В.С. Поляков. «С Дону до дому»

На этой основе создавались казачьи песни и древние «старинки», как разновидность былевых песен, которые рождались от горячей казачьей любви, от боли жестокой при потере в боях и походах своих братьев-казаков. А с песенным словом казаку легче служилось, жарче любилось, азартнее сражалось и усерднее работалось в поле.

Можно сделать такое определение: казачье слово, песни, строки стихов политы кровью и потом. И слезы, и радости бушуют в казачьих творениях прошлого. И Кавказ без них Кавказом бы не был. И все Отечество было бы совсем другим, и слава казачья не была бы вечной...

«...Шашки вон, идем на смерть», — пели терцы. Летела и утверждалась от станицы к станице, от хутора к хутору пословица: «Кзаки перед боем уздечки коням не меняют». А сколько еще такого богатства сохранила казачья память!

Несколько десятков лет назад я встречался с бывалым терским казаком — долгожителем Харитоном Алейниковым. Это удивительный старик. И было тогда дедушке Харитону более ста лет! Участник многих войн, в том числе и с «тураками», имел награды за храбрость, знал много песен, присказок, сказок и былей. Станичники величали его «весельчаком» и «сказочником». Даже в свои заветные годы он не потерял чувства юмора и мог часами петь песни. Особенно любил протяжную и длинную «Про бычка». Станичники и ныне ее поют, хотя многие куплеты уже забыты.

При давних встречах с Харитоном Алейниковым были разговоры долгими и, как говорится, обо всем. Седобородый терский казак поведал многое о прошлом жизни казачьей. В одном из разговоров я записал: «Мы уздечков коням своим, кода ждали бой, не меняли. Молвилось, что худо посылаешь на себя». И еще: «Узда и сядло — это дары коню. А дарки коням были после рубки».

Сказать не могу, знал ли старик Харитон, что слова, сказанные им, не что иное как самобытные казачьи поверья терцев. Но он много дум породил во мне. Я предлагаю читателям поверья, обращенные к коню — «живому состоянию» каждого казака прошлого.

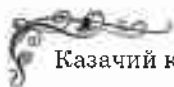
В три года казачонка усаживали на коня и отпускали малыша, придерживая. Если малыш-наездник крепко впивался в гриву коня и держался, не проронив ни слезинки, то казаки верили: из этого всадника вырастет в станице еще один лихой казак и в боях не погибнет. А если малыш начинал плакать, падал или хотел спрыгнуть с коня – считали, что его доля в казачьей жизни будет опасной и незавидной.

У казачьих пожарных команд было такое поверье: «Если кони при выезде на пожар повернут не в ту улицу, куда их направляют, значит, на той улице тоже будет пожару. Не миновать пожара и вблизи погоревшего дома, когда кони не стоят на месте и бьют копытами.

Казаки старались купить коня такой масти, чтобы был под цвет волос бороды и головы хозяина. Считалось, что такого коня будет любить и оберегать сарайник (вид домового).

Казаки считали и верили в то, что ласка (небольшое хищное животное из семейства куниц) сосет кровь из гривы и головы лошади. Когда обнаруживалась ласка, то ее старались обязательно убить. За ее уничтожение, считалось, будет списано до сорока грехов.

Лошадь любит козла, который своей вонью и свободой изгоняет всех вредных животных.

Казакки верили, что убитую сороку боится сарайник. Чтобы он ночью не ездил на лошади, убитую сороку подвешивали в конюшне.

Если конь перед боем обнюхивал одежду казака – это не к добру, предвестие скорого несчастья. Казак погибнет или будет ранен. Если конь обнюхивал одежду матери казака, жены, невесты перед проводами его на службу, то он обязательно вернется домой. Если после возвращения из похода конь обнюхивает казачье подворье – пробуждает свою память.

Если женщина перешагнет через хомут или оглоблю, то что-то плохое случится с лошастью. В это верили и казачки. Они не нарушали устоявшегося обычая – обходили в любом случае и хомуты, и оглобли.

НА СУНЖЕ ЕЩЕ ПОМНЯТ

Бывает часто на улицах станиц и хуторов или просто на полевых дорогах, особенно в жаркое время года, пыль от порывов ветра начинает вихриться. Движения ветра будоражат воздух, и пыль, вращаясь, образует бегущий вдоль улицы или по дороге, пыльный столб.

Помню, пожилые станичники говорили нам – мальчикам, чтобы близко к вихрю не подходили, и уверяли, что впрыгивать в завихре-

ние пыли нельзя. Они поясняли, что вихрь создает черт, а если в середину «зрелого» вихря бросить нож, то дьявольская сила, находящаяся в нем, может скрывать ножик и даже унести человека.

Этому казачьему поверью много-много лет. О нем слышали наши прапрадеды и деды, которые передавали его из поколения в поколение. Оно прижилось в станицах и хуторах, расположенных на берегах Терека, Сунжи, Кумы, Подкумка и во всей бывшей Терской области.

...Более 20 лет прошло с той поры, когда в станице Троицкой проходил первый казачий круг казаков Сунженской линии. Мне посчастливилось принять участие в его проведении и оставить навсегда в памяти тот радостный день.

Это был действительно праздник станицы. Меня поразило огромное количество присутствовавших станичников, как в «летнике», так и за оградой площадки.

По окончании делегаты вышли на площадь, где ждали завершения круга сотни казачек и казаков. Многие женщины молились, встречая казаков, и просили Бога помочь им в задуманном деле возрождения казачества.

Неожиданно на дороге зародился вихрь, и через несколько секунд пыльный столб понесся вдоль дороги. Как по команде люди отошли подальше, а одна из казачек сказала: «И дьявол здесь побывал!» Первый избранный атаман Сунженской линии Александр Подколзин, стоящий

рядом со мной, с улыбкою сказал: «Берите на заметку, поверья и казачьи песни на Сунже пока еще живут».

Действительно, через некоторое время по всей округе зазвенели и заиграли «старинки» песенной станицы. Здесь нельзя было не обратить на это внимания, потому что старые песни разлетались во всех направлениях.

— Такими радостными станичников мне еще не приходилось видеть, — заметил атаман.

Да, прошло более двадцати лет после этого случая, но я и ныне слышу и вижу станицу Троицкую. В памяти остался многоликий казачий круг, светлый день и тот пыльный вихревой столб, сотворенный «дьявольской силой», убегающей от летней «танцевалки» станицы. Помню одного из седобородых казаков, который заметил, как я удивился быстро рожденному вихрю — серому и огромному. Этот казак на следующий день пришел ко мне с несколькими тетрадными страничками: «Это я принес для вас, — сказал он, — переписал поверье из старого журнала уже давно. О вихре здесь рассказано. Журнал, из которого писал, очень старый, 1900 года».

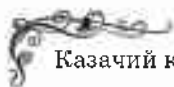
Сегодня я предлагаю читателям поверье, подаренное мне этим старым казаком. Теперь я знаю, что первоисточником, где впервые это поверье было опубликовано, является «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (издание 1900 года, записано в станице Троицкой Е. Барановым).

ТАЙНА ВИХРЯ – ПЫЛЬНОГО СТОЛБА

В один жаркий летний день ветер закрутил столбом пыль на дороге. Казак стоял неподалеку с ножом в руках, взял да бросил ножик в этот столб. Ветер сразу прекратился, а столб рассыпался пылью. Начал парень искать ножик на дороге и не нашел его. Уж он его искал-искал – нет, да и только, точно сквозь землю провалился. «Ну, – думает парень, – пропал и шут с ним, дома еще есть».

После того молодой казак пошел за быками в степь, где они паслись. Только вышел на выгон, глядь – место совсем незнакомое, какого он раньше не видывал: какие-то курганы стоят, кустарник густой растет... «Что за чудо! – думает парень. – Откуда все это взялось? Ведь на нашем выгоне нет ни одного курганчика, ни одного кусточка, а тут-то их сколько! Должно быть, дьявол надо мной шутку подшутил... Беда!».

Долго ходил казак по этой степи взад-вперед и никак выбраться не мог, а еще больше запутывался. Видит он: вьется промеж кустов тропинка. Он и пошел по ней, мол, куда-нибудь все равно приведет. Шел он, шел, подошел к речке. Видит: на берегу голый человек лежит, голова вся до плеч в воде, а туловище на песке. Не успел парень хорошенько присмотреться, как заметил, что из камыша, который местами рос на берегу, к этому самому человеку волк подкрадывается с раскрытой пастью. Жаль стало его парню – изорвет волк!

Вот он и крикнул громко: «Эй, человек, берегись, тебя волк хочет съесть!». Только он крикнул это, как человек бултых в воду! Только его и видели. А волк – прыг в камыши, и пропал.

«Что за чудеса такие? – подумал парень. – Это уж непременно дьявол потешается надо мною. Пойду назад, авось еще куда-нибудь выйду».

Повернулся назад, видит – лес стоит, и дорожка в него вьется, а раньше ни леса, ни дорожки здесь совсем не было.

Пошел казак по дорожке в лес и видит: на поляне стоит старая хижинка. Прошел он к этой хатенке, отворил дверь. Видит: сидит на лавке старая страшная старуха, чулок вяжет и так быстро спицами шевелит.

Заробел парень: «А-а-а, ведьма...». А потом решил: пусть будет, что будет!

– Здравствуй, бабушка!

– Здравствуй, сынок!

– Нет ли у тебя, бабушка, хлеба? Есть мне хочется очень.

– Вон на полке лежат хлебы, возьми себе любой и ешь. А вон и ножик на столе.

Снял парень с полки один хлеб, взял ножик и ахнул от удивления: ножик-то оказался тот самый, который он в столб пыли бросил.

Заметила старуха, что парень так сильно удивился и засмеялась:

– Что, сынок, узнаешь ножик?

– Да, – ответил парень, – узнаю, это ножик мой. Но скажи, бабушка, как он к тебе попал?

– Слушай, я все расскажу тебе. Когда ты нын-

че бросил ножиком в столб пыли, то ранил в бок моего младшего сына.

— А кто же твой сын?

— Мой сын — дьявол. Он вышел поиграть, потешиться над людьми, а ты, не говоря худого слова, раз — его ножом в бок! Тогда он побежал на реку и ждал, пока его волк съест. Такой уж у нас закон: каждого раненого человеком черта должен волк съесть. Но, на счастье, тут ты подоспел, крикнул ему и спас из беды. За то, что ты выручил моего сына, и я тебе вреда никакого не сделаю. Возьми свой ножик да смотри, никогда не бросай его в пыль, которую закрутит вихрь. Ступай себе домой, а быков своих ты недалеко отсюда найдешь.

Поблагодарил парень мать дьявола за наставление, вышел из хаты да так и обомлел от удивления: ни леса, ни кустарника, ни курганов будто и в помине не бывало. Оглянулся назад — от хаты и следа не осталось, точно она сквозь землю провалилась. Перед молодым казаком — станичный выгон и быки, которых он так долго искал, по траве ходят, пасутся.

О ТАИНСТВЕННОМ ГЛУХАРЕ

Издавна казаки и казачки станицы Бекешевской верили в то, что где-то в станице или за ее пределами живет птица, которую никто не может видеть. Они называли ее глухарем и верили, что она предсказывает радость или горе.

Потомок древнего казачьего рода из станицы

Суворовской Владимир Чмырев рассказывал мне, что казаки и этой кубанской станицы не только слышали, но, как и бекешевцы, верили в существование такой таинственной птицы. Для оповещения хозяев дома или хаты «глухарь» прилетал всегда ночью в любую погоду и час. Он садился на печную трубу и начинал кричать. В каком подворье он появлялся, там обычно случалось что-то плохое, а иногда и хорошее. Если птице удавалось разбудить хозяев и своим криком оповестить их о надвигающемся горе или радостном событии, то «глухарь» улетал. Если же ему не удавалось добудиться хозяев, то он прилетал в следующие ночи.

С хорошей или плохой новостью прилетал «глухарь», узнавали жители станицы так: нужно кому-нибудь из жильцов дома выйти во двор и спросить у «глухаря»: «К добру или к худу?». Если к добру (к хорошему), то птица захохочет и сразу же покинет подворье, а если к худу (к плохому), то «глухарь» раз прокричит «гу-гу» и улетит сразу же.

О ДОМОВЫХ

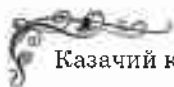
В большинстве станиц Терека всегда считали, что в каждом доме (хате) живет домовый. К нему относились как к хранителю домашнего очага и поэтому для него на ночь в русскую печь всегда ставили горячую воду. В более суеверных домах кусочек хлеба, оставшийся от ужина, не доедали — оставляли для домового.

В некоторых станицах отношение к домовому было другим, более широким. Здесь влияние домового распространялось на все казачье подворье. Считалось, что перед несчастьем домовая ночью душит, гладит или щиплет хозяина дома. Если домовая начинает скрести когтями на чердаке, то семья недолго будет жить в этом доме (станция Георгиевская, Чурековская, Прохладная).

Жители станицы Бекешевской по отношению к домовому имели свое мнение и понятие. В Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа, в 26-м выпуске за 1906 год мы находим запись о домовом. Материалы к статье были собраны в станице Бекешевской учениками Кубанской учительской семинарии – Иваном Борисенком и Федором Кучеровым: «...Домовой извещает хозяев дома всякий раз о большой радости и большом горе. Во время сна домовая является к кому-либо из членов семьи и начинает его душить и мять. Человек задыхается и во сне старается сбросить с себя тяжесть, но ему это не удается, пока сам домовая не оставит человека в покое».

Когда домовая начинает душить человека, следует спросить: «К худу или к добру?». Если домовая предвещает радость, то он сейчас же оставит человека и захочет, если же предвещает горе, то он произнесет: «Ху, ху, ху!».

Обитает домовая обыкновенно на чердаке дома или же в конюшне. Если домовая поселяется в конюшне, то он выбирает самую лучшую лошадь и начинает усиленно за ней ухаживать. Он вычищает и расчесывает каждой ночью ее шерсть, иногда за-

плетает в косички ее гриву, заботится, чтобы у этой лошади всегда были лучшие овес, сено, разнообразнее корм, а хвост самый чистый – чище, чем у всех лошадей. И поэтому выбранная домовым лошадь всегда выглядела лучше других. За такими лошадьми принято было следить и самим хозяевам, чтобы видеть, какую масть лошадей любит домовый. Со временем всякий хозяин дома заменял всех лошадей на одну, нравящуюся домовому масть.

Чтобы увидеть домового, необходимо в Страстной четверг в церкви отстоять все служение и с горящей свечой вернуться домой, три раза обойти дом вокруг и положить три поклона. При выполнении этого с горящей свечкой подняться на чердак, и здесь может состояться встреча с домовым.

На основе рассказов бекешевцев в станице определили его размер (величину) – «с медведя». Рассмотреть же домового никому не удавалось – он быстро исчезал.

ЗАМОК ДЕБОШИРУ НЕ ПОМОЖЕТ

В каждой станице и во всяком казачьем хуторе всегда находились любители употребить винца или домашнего чихиря из подвала. Это допускалось в казачьей среде, особенно в период поздней осени или зимней порой. Такая вольность наступала после завершения полевых уборочных работ. Однако употребление спиртного «больше своих возможно-

стей» станичниками и хуторянами не поощрялась. Особо это относилось к тем, кто любил побуйнить, не в меру пошуметь или безрассудно «погонять» свою семью, поскандалить с соседями.

Отличавшихся пьяным сумасбродством, как правило, называли «кутилами», их знала вся станица. За проделки, «выкамаривания» и дебоши наказывали их сами станичники. «Кто буйнит, того учит плетка», – говорили они. Об одном таком случае мне рассказал старый казак из станицы Бекешевской.

...Однажды после обильной попойки один из станичников под пьяную руку выгнал со двора свою жену и детей. В страхе от того, что у хозяина-бунтаря в руках было ружье, они целую ночь укрывались у соседа.

На следующий день станичный суд, узнав о скандале, пригласил провинившегося на свое заседание. Выслушав его объяснения и не приняв оправданий, казаки решили его выпороть. Суд определил «отпустить» ему десять ударов нагайкой по известному месту, что немедля и сделали.

Посчитав такое решение жестоким и оскорбительным, Ермолай, так звали того буйна, решил найти справедливость у атамана округа. Но сам жалобу написать не сумел и пошел за помощью к дьячку. Тот согласился написать прошение, но попросил за это курицу или утку. В прошении дьячок отметил жестокость со стороны станичного атамана и суда. Торжествовал Ермолай, обещая соседу и жене доказать свою правоту и безгрешность.

С приходом нового дня, накормив домашний скот, он взял из хозяйственных запасов новый замок, замкнул его и спрятал в карман. Он знал поверье казаков: «Если идешь в суд или с просьбой к атаману, надо взять с собой замкнутый новый замок, а ключ от него выбросить. Тогда дело выиграешь или получишь нужное положительное решение, только замок должен быть в кармане».

Перемахнув через плетень на своем скакуне, Ермолай поторопился к атаману округа. Долго и терпеливо он ждал желанной встречи, и вестовым все-таки удалось уговорить батьку выслушать обиженного казака.

Атаман вышел сам на ступеньки правления:

– Что скажешь, мил казак? Мне известно, что подлечили тебя? Доигрался?

– Хочу вам сказать, господин атаман, что наш станичный атаман «сам с ноготь, борода с локоть, а плетка семь сажень».

– Понятно, – сказал окружной и, улыбнувшись, посмотрел на принаряженного в парадное Ермолая. – Сколько же тебе, дорогой, горячих-то отвалили в родимой станице?

– Много! Десять! – громко выпалил Ермолай. При этом он вытянулся в струнку перед атаманом, будто оцепенел, даже подрос, казалось, от этого.

– Десять? – переспросил задумчиво атаман и, пошевелив усами, добавил: – Не в огул будет сказано, но у нас за такое своеволие двадцать отпускают.

Сказал и ушел в правление. Растерялся Ермолай, не получив положительной атаманской оцен-

ки своего поступка. Понимание пришло минутой позже, когда его подхватили незнакомые казаки и в тихом дворике правления, считая вслух каждый всплеск нагайки, еще добавили десять «плетей» за нарушение станичного порядка. Да так усердно добавили, что несколько часов пришлось Ермолаю вести в поводу своего коня в станицу – сидеть не мог. Чтобы легче было идти, раздосадованный Ермолай выбросил замок из кармана...

Смеялись над ним станичники, а он тяжело переживал, ругал себя: «Не надо было в тот день к окружному ехать, была же примета плохая, ведь всю ночь пес проклятый выл – в таком случае добра не жди».

СЫЧ НА КРЫШЕ – БЫТЬ БЕДЕ

(О расколе в казачестве)

Старое казачье поверье я вынес в заголовок этой статьи не случайно. Уж очень часто в последнее время крик «сычей» слышен по телевидению, радио, из газетных материалов. Не птиц-сычей, а атаманов из казачьих косяков.

Эти «сычи» злорадно кричат о казачьем разброде, о расколе в казачьей среде, убаюкая себя тем, что и они участвуют в этом и делают настоящее дело в поисках истины. Эмоциональные крики пагубно влияют на создающуюся ситуацию в казачестве. И действия нашедших выход в разладах поощряются не казаками, а зачастую теми же крикунами-атаманами.

Действительно, раскол уже налицо, хотя, честно говоря, и раскалывать пока нечего: возрождение казачества еще только в зародыше и его не произошло, да и не произойдет быстро – потребуются годы.

Но раскол уже есть. И он будет еще зримее, в чем я не сомневаюсь, в самое ближайшее время, если казаки и особенно атаманы не осознают, что они сами являются носителями распространяющейся инфекции раскола.

Мне хотелось бы в этой связи использовать свою поэтическую иллюстрацию:

*Не пойму, казаки, что же случилось, братья?
Мы порою стоим на распутьях опасных.
Разве нам не хватило недавней беды –
Векового раскола на «белых» и «красных»?*

Действительно, разве не хватило? Ведь тот раскол, о котором и вспомнить страшно, принес историческую трагедию в каждую казачью семью, в каждое казачье подразделение, в целом в историю казачества и нашего Отечества. Мы вновь этого желаем? А ведь и «белые», и «красные» желали лучшей доли России. И те, и другие хотели видеть своих детей счастливыми. Ныне, когда казачество еще только встает после тяжелейшего исторического нокдауна, то там, то тут слышно: «Это мартыновцы», «это ратиевцы». Уже не редко среди казаков можно услышать: «Это бывший коммуняка...», или «это жириновец», «руцковец», «зюгановец». А некоторые уже и цвета вспомнили: «У него дед (или прадед) был

«красным». О других будет говориться одинаково громко. Я думаю, и залпы заговорят тоже.

Тревожит меня такая ситуация. Кому это надо? Ответ один – людям, далеким от боли казачества, кому зияющие раны прошлого наших станиц, как говорят, «до лампочки».

Вот и кричат упомянутые «сычи», забыв первоначальную истину, о которой говорили те, кто начинал казачье возрождение, делегаты первого казачьего съезда: «Единение и братство, вера и духовность – вот рычаги возрождения».

Движение возрождения казачества стало явно политизированным. И в этом вина не казаков, а атаманов и государственных чиновников, кто поставил казаков в «новые» рамки.

В суевериях предков беду, принесенную криком сыча, можно было остановить словами: «На свою голову». Произойдет страшное, если мы произнесем эти слова, – головы-то окажутся нашими!

А вот еще бытовавшие и дошедшие до нашего времени поверья и суеверия терских казаков. Когда я читаю их, то как будто приближаюсь к нашим предкам через века.

После Троицына дня, на четвертый и пятый дни станичники праздновали день Русалки, а терские казаки не забывают и Лабасту – существо, проживающее в Тереке. А кто не будет этого соблюдать, они заласкают (защекочут). До смерти ли?

Если воробьи при распятии Христа Спасителя кричали: «жив», «жив», то голуби ворковали: «умер», «умер», чтобы не мучили более Спасителя.

Если с лампадки выскочит искра, надо ждать нечаянного гостя, который придет с хорошим настроением и добрыми мыслями.

Если в марте месяце не бить блох от кошек, то они в течение всего лета будут кусать.

Икота (иковка) когда нападет, то нужно взять себя за ухо и приговаривать: «Иковка, иковка, иди до воды, а кто около воды, того за ухо приведи». Надо же, ведь иковка-то проходит!

Из комнаты вверх в отверстие печной трубы без нужды не заглядывай, если не хочешь увидеть черта.

В комнате свистеть – скликать чертей. Второе понятие – заведутся сверчки.

Казак, ругающийся матерными словами или упоминающий в разговоре черта, потешает сатану.

В посуду, в которую налита вода, не смотри долго – явится черт.

Ни в коем случае веник не сжигайте – в доме заведутся тараканы и другая нечисть, а с ними и горюшко недалеко будет.

В венике живет добрый дух – хранитель домашнего очага. Поэтому при переезде старый веник следует брать с собой.

Истершийся веник нужно менять. А свежему (новому) дайте постоять в доме, чтобы дух переселился в него (в более комфортное место). Износившийся веник не сжигайте, а унесите подальше от дома.

Холостому мужчине не годится сидеть на пороге – за него не пойдет ни одна девушка.

Чтобы во время сна не бояться нечисти, сделайте подушку из листьев березы, крушины, чабреца, подорожника, васильков и мяты. Такая подушка успокоит нервы.

Домовые и черти в одной квартире, как правило, не уживаются. Если у вас начинают произвольно перемещаться вещи или бьется посуда в шкафах, а иной раз по ночам вы слышите какой-то шум, значит, домовый воюет с нечистой силой.

Когда в доме есть новорожденный (хотя бы и животные), то из этого дома не дают ничего – ни хлеба, ни воды, ни соли, ни денег, ни одежды. В противном случае новорожденный часто будет болеть.

Когда родится ребенок, нужно идти к родильнице не с пустыми руками. Казаки считали, что

выполнение этого поверья поможет матери выкормить ребенка.

Пустую люльку (колыбель), а ныне, наверное, и детскую коляску, нельзя качать – ребенок не будет спать спокойно.

Беременной женщине нельзя садиться на пороге, бить кошку, собаку, свинью. Если нарушит это предупреждение, то на спине ребенка может вырасти шерсть.

При закладке дома (хаты) на место, где казак думал возводить свое жилище, на ночь сыпали зерно. Рано утром спешили посмотреть, цело зерно или нет. Если оно оставалось нетронутым, место считалось пригодным для застройки. Казаку оставалось, засучив рукава, строить свой очаг.

Теперь он шел в церковь и заказывал молебен во здравие хозяина.

Прежде чем переехать в новый дом (хату), поменять место жительства, казаки в обязательном порядке говели на старом месте, считая, что отговевшись, не занесут грехов в новый дом.

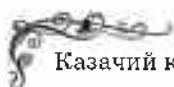
Счастливым местом для строительства хаты считалось то, где обычно по своей воле располагались на отдых коровы.

При встрече с молодоженами в день свадьбы читают «Отче наш», говорят, что зубы перестают болеть. Только молитву читают с конца к началу.

ДОЛТ
НАМЯТИ

**Из письма казаков в газету Терского
войска «Казачий Терек»:**

Ваше творчество, уважаемый Витислав Васильевич, помогает казакам-терцам не только обогащать свой духовный мир, но и вносить реальный вклад в возрождение культуры и традиций казачества.

...Яркие и образные стихи глубоко проникают в казачьи сердца, рождают благородные чувства у молодежи и стариков, активно будят мысль и заставляют радоваться жизни. Вы отдаете людям все, чем полно ваше сердце поэта и истинного казака.

Я СЛОВНО ПЕРЕПИСЧИК НОТ В ПРИХОЖЕЙ МОЦАРТА...

У биографической части книги «Казачий кладезь Витислава Ходарева» есть особая предыстория, которая объясняет, почему именно так выстроено повествование о жизни казачьего поэта.

Мы с Витиславом Васильевичем задумывали выпустить отдельную книгу, посвященную его интересной, полной событий жизни. Однажды я готовила для него юбилейное поздравление. И чтобы написать как можно лучше, проникнуться судьбой Ходарева, я начала искать в книгах и в интернете биографические сведения о нем. Стало ясно, что по-настоящему полной книги или хотя бы просто подробной статьи о его жизни нет. При встрече я уточнила у Витислава Васильевича, не издавал ли он своей автобиографии, на что он ответил:

— Нет, даже не задумывался. Вот с тобой вместе и сделаем.

Конечно же, мне было очень лестно услышать от него это предложение, потому что, как выяснилось вскоре, он не пошутил. Мы наметили выехать в станицы Зольскую и Лысогорскую, чтобы побродить там, сделать фотографии в

дорогих местах его детства, а он бы рассказал о своей юности.

Я загорелась идеей сделать хорошую, добрую книгу, и это была бы большая честь для меня. На тот момент Витислав Васильевич работал над своей будущей книгой «Земной поклон», переживал, вкладывал в нее всю душу. А потом пошатнулось его здоровье...

Мы созванивались, и он говорил:

– Закончу «Земной поклон», и начнем. Ты представляешь, какой это объем? Надо фотографии все поднять, записи...

Невыразимо жаль, что мне так и не пришлось поработать в полной мере лично с ним, услышать из его уст о детстве, поэтической и писательской деятельности, впечатлениях от общения со ставропольскими и столичными писателями, о времени возрождения казачества. Рассказать он, конечно же, мог бы очень много. Но так сложилось.

Однако идея максимально полно собрать сведения о его жизни никогда не оставляла меня и мою коллегу по журналистской и общественной, казачьей деятельности Ирину Юрьевну Щербакову. Ведь мы виделись с ним практически каждую неделю, много ездили по краю, и сделать книгу об этом замечательном человеке стало долгом памяти о нем.

Мы встретились с супругой Ходарева – Антониной Александровной, и она живо откликнулась на нашу просьбу. Антонина Александровна предоставила нам уникальные материалы из семейного архива, фотографии, подшивки газет с его пу-

бликациями, личные вещи. С огромной любовью вспомнила и записала все, что хотела сама рассказать о своем дорогом, любимом супруге, с которым прожила 51 год счастливой жизни. Передала она для этой книги и автобиографию, написанную самим Витиславом Васильевичем в 2000 году.

В нашей книге прежде всего хотелось бы предоставить главное слово самому Витиславу Васильевичу Ходареву, поэтому наш рассказ начинается с автобиографии, написанной им собственноручно. Далее о детских годах и юности Ходарева, общих корнях, истории знакомства и дальнейших событиях жизни рассказывает его супруга Антонина Александровна.

...С позволения читателя, хотелось бы добавить несколько слов. Рядом с памятью Витислава Васильевича я словно переписчик нот в прихожей Моцарта. Но никогда не смогу забыть, как он приходил в Ставропольский краевой казачий центр, чтобы наведаться в редакции газет – «Казачий Терек» и «Казачье Ставрополье».

Известнейший поэт и писатель заходил к нам в кабинет всегда с улыбкой и если видел, что звонят телефоны и что-то отвлекает от немедленного общения, он садился на стульчик и ждал. Нам, конечно, было неловко, всегда предлагали чаю.

– Спасибо, девочки, пойду перекурю.

Иногда мы говорили ему:

– Витислав Васильевич, не нужно дымить, не ходите.

А он всегда кивал:

– Да, есть такой грех.

Однажды он сделал нам с Ириной Юрьевой на Новый 2011 год подарки. Пришел, видимо, не застал никого и оставил перед нашими компьютерами сувенирных зайчиков: мне – статуэтку с «золотыми» монетками, а Ирине – копилку. Фен-шуйские на самом деле зайчики, но я уверена, что Витислав Васильевич не придавал этому никакого значения, а просто подарил от души. Мы теперь храним этих золоченых зайцев как дорогую память.

Нам много вместе доводилось ездить, общаться в пути. Как же его везде встречали, любили, по праву приглашали занять лучшие места. И в этом не было никакого лицемерия, потому что все понимали: нет второго такого человека, который так искренне бы воспел в стихах казачество и его историческую трагедию. И сделал это в такое циничное и насмешливое время...

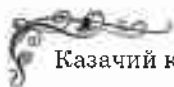
Витислав Васильевич поддерживал любые наши идеи. Ему было нелегко по состоянию здоровья, но он никогда не отказывался прийти в казачий класс, почитать детям стихи и обязательно каждому ученику дарил свою книжечку. Именно просвещение детей, молодежи он называл подлинным возрождением казачества.

Пусть живет вечная память о Витиславе Ходарева в казачестве, на Ставрополье, на Северном Кавказе и в России! Эта книга – наш общий земной поклон ему.

Наталья Гребенькова

АВТОБИОГРАФИЯ

РОДИЛСЯ, РОС, КОРМИЛИ СОСКОЙ...

*Сколько ни вороши свою память,
а в автобиографии все проявляется,
как в определении В. Маяковского:
«...родился, рос, кормили соской, жил,
работал, стал староват!». Для создания
письменного автопортрета необходимы
преломления – от нынешнего
к прошлому, от канувших лет
к текущему времени.*

Итак, родился я 19 сентября 1939 года в станице Зольской Кировского района Ставропольского края, в семье служащего. Отец мой работал сельским участковым, а мать была домохозяйкой. В ту пору она растила и воспитывала трех сыновей. В свободное время подрабатывала «на хлеб» на дому как швея.

Мой отец и мать казачьего происхождения из станицы Подгорной Георгиевского района Ставропольского края. В известном терском роду Манаковых – по материнской линии – прослеживается служебная и трудовая активность и грамотность моих предков. В роду были учите-

ля, депутат Думы, обладатели государственных и войсковых наград, за участие в войне с Турцией.

Мое детство опалила Великая Отечественная война. Бесклебье, холод и голод остались в моей памяти навсегда. В 1946 году в племсовхозе «Комсомолец» Георгиевского района, где тогда проживала наша семья, я пошел в школу. Недостаток учебников заставлял нас, первоклашек, соблюдать очередь, чтобы через час букварь передать другому ученику. Писали мы на газетах.

По долгу службы отца перебрасывали из станицы в станицу, поэтому мы не уживались на одном месте. Детство и юность у меня прошли в станицах Урухской, Незлобной, Георгиевской и Лысогорской. Все обычаи терских казаков, устои и правила жизни сами по себе входили в мою жизнь и заполняли ее.

В четырнадцать лет я уже пошел работать в колхоз. Это было связано с уходом отца из семьи и трудностями жизни, обрушившимися на мать и моих братьев. Я освоил чабанское и строительное дело.

В ноябре 1956 года по призыву комсомола я уехал на строительстве угольных шахт в г. Донецк Каменской области. В августе 1957 года я закончил Горнопромышленную школу. До сентября 1958 года работал проходчиком и забойщиком на шахте «Станичная» г. Донецка и шахте № 6 г. Нелидово Калининской области. В этот период я познал шахтерское братство, жизнь в общагах и как труден путь к трудовому рублю.

В сентябре 1958 года я был призван в армию. Моя служба проходила в ракетных войсках.

Был командиром расчета по сбору боевых головок ракет. В ноябре 1961 года был демобилизован и вернулся на родину.

С декабря 1961 года по январь 1963 года работал художником в колхозе «Советская Россия» в Георгиевском районе Ставропольского края и одновременно возглавлял комсомольскую организацию этого колхоза. Женился в августе 1962 года на коренной терской казачке из станицы Лысогорской и вместе с ней в январе 1963 года мы уехали искать свою судьбу в г. Красноводск Туркменской ССР. В этом городе я устроился на работу в 4-ю Самостоятельную военизированную пожарную часть на должность младшего инспектора. К 1964 году прошел переподготовку и, получив звание младшего лейтенанта, стал помощником капитана противопожарного корабля «Отважный».

Многokrатно принимал участие в тушении крупных пожаров на нефтеналивных причалах Красноводска, Урфы, Челекена.

В этот период я окончил вечернюю общеобразовательную школу. Принимал активное участие в общественной жизни комсомола и города Красноводска. Создал при районной газете «Знамя труда» молодежное литературное объединение, был избран секретарем комсомольской организации шести пожарных частей гарнизона, стал членом городского комитета комсомола, создал и возглавил отряд Красных следопытов Западного Туркменистана. В отряд входили 60 человек из комсомольцев и молодежи горо-

дов Туркмении. Мы искали по всей стране неизвестных героев войны. Поиски требовали много времени и усердия.

Лично мною было найдено место захоронения Героя Советского Союза Валерия Рылова в поселке Римша Литовской ССР, где не знали о таком захоронении. В период поиска мною было отправлено 280 писем, найдены многие сослуживцы героя. Я был приглашен на открытие памятника В. Рылову в Литву. После этого события мною была написана и опубликована в газете «Знамя труда» повесть «Сказание о Герое». Главы из нее были переведены на туркменский и литовский языки и опубликованы в республиканских газетах. А моя песня «В лесу Игналинском» была представлена в газете «Советская Литва» всемирно известным поэтом Эдуардасом Межелайтисом. Память о Валерии Рылове была увековечена в названиях колхоза в Литве, двух школ в Туркмении, одной из центральных улиц г. Красноводска.

В 1967 году я стал участником третьего Всесоюзного слета Красных следопытов в Ленинграде, где был награжден памятной медалью, вручал ее мне маршал И.С. Конев. На этом слете мне, еще тогда молодому, посчастливилось встретиться, поговорить и сфотографироваться с Ю.А. Гагариным, сказавшим нам, делегатам из Туркмении, самые добрые слова о нашей поисковой работе.

Профессиональная служба шла своим чередом. Но память о родных местах детства и юно-

сти звала меня на родину. В 1968 году со своей семьей (у меня родилась дочь) я вернулся на Ставрополье и был направлен для продолжения службы в город Зеленокумск. В 1970 году я поступил в Кубанский госуниверситет на юридический факультет, который окончил в 1967 году. С 1975 года по январь 1988 года моя служба проходила в городе Ставрополе, где я занимал ответственные должности и прошел путь до заместителя начальника политотдела УВД Ставропольского крайисполкома.

В 15 лет я по велению души соприкоснулся с поэтическим творчеством. Что руководило мной, я не знаю, но впервые мною написанные строки меня безудержно волновали. Мне вновь и вновь хотелось писать. Уйдя на пенсию в 1988 году, я полностью решил заняться писательским трудом. Но надо упомянуть, что еще в период службы в органах МВД мною были изданы поэтические сборники «Горсть снега», «Звезда в окне», «Отчина», книжка очерков «При исполнении служебного долга», два сборника песен «Я в милиции служу» и «Дорогами юности».

Так, не переведя дыхания, уже на следующий день после ухода на заслуженный отдых, я возглавил бюро пропаганды художественной литературы при краевом отделении Союза писателей России.

Подготовка выездов писательских бригад, организация и проведение выступлений в трудовых коллективах, в колхозах и совхозах, на

животноводческих точках, на полевых станах занимали очень много времени и требовали полной самоотдачи в работе.

Бывает так, что по прошествии многих лет былое как бы концентрируется в памяти и то, о чем раньше не хотел говорить, считая это былое незначимым, выявляется и выходит на первый план. Но для этого необходим толчок или какая-то ситуация, которая заставит рассказать о прошлом.

20-летие возрождения казачества явилось толчком для пробуждения в памяти событий более чем двадцатилетней давности.

Начну с того, чем я еще ни с кем не делился.

Однажды ночью, в каком-то полусне, я очень явно увидел лик Божией Матери, сидящей рядом, возле моей кровати, на стуле. Я смотрел на Ее молодое лицо и, улынувшись Ее лику, увидел, как через несколько секунд ее лицо ушло в туман, и совсем мельком, близко к Ней, проскользнуло лицо казака, на голове которого была папаха.

На душе было спокойно. Даже как-то облегченно. Я долго не спал и, ворочая мысли, сам себя спрашивал: что это такое? Что бы это значило? Но ответа не находил. Не нахожу его и сейчас. Только чаще соглашаюсь, что это было

добрым предзнаменованием в моем деле, которое тогда мною было еще только задумано. Это возрождение казачества.

К той ночи необычная задумка мне нравилась. Но не так, как букет ромашек или заросший кустарником речной берег. Что-то глубокое в душе растворяло всего меня и приятной невесомостью проплывало по каждой клетке тела. Мне нравились эти минуты и радовали, потому что я знал цену этой задумке, ее смелости и значимости.

Уже через несколько дней начала 1989 года с писателем Виктором Ярошем из Невинномыска мы выехали на творческие встречи в город Пятигорск, где запланировали с помощью горкома партии десятка полтора выступлений. Это было делом обычным, ведь тогда писатели объезжали свой край от города к городу, от села к селу планово и постоянно, радовали читателей, подрабатывая на хлеб насущный. Но эта командировка для меня уже была необычной только потому, что я прихватил в свой походный портфель казачий пояс!

Мне захотелось открыто, перед людьми, опробовать реакцию на свои мысли по возрождению казачества. Не скрою, что в тот день по-особому ждал встречи с отдыхающими в санатории «Ласточка». С Виктором Ярошем я откровенно поделился тем, о чем думал, какие отобрал для чтения стихи. Первые главы своих двух поэм – «Станица» и «Казачий круг» – я также хотел представить читателям.

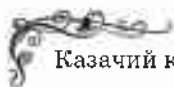
Реакцию Виктора не помню, но при выступлении он активно поддержал меня. Мы успешно говорили о нашей земле, о казаках. В тот день я впервые прочитал ранее написанные стихи о терцах, демонстрируя казачий пояс, который мне подарил столетний казак – родственник из станции Лысогорской, что на Ставрополье, Харитон Олейников. Любопытство слушателей было заметным, особенно, когда я знакомил отдыхающих с казачьими суевериями Кавказа. О возрождении казачьего племени, о землях терских казаков я старался говорить ясно, перебирая в руках металлические украшения пояса. Его старый владелец, дед Харитон – сотник по казачьему званию, носил свой пояс еще на войне с турками. В зале я видел настороженные взгляды кавказцев и согласные кивания молодых парней.

Эти кивания мне помогли. Мол, дело хорошее, надо думать о своих корнях.

Уже на следующий день в другом санатории впервые прозвучало написанное мною ночью стихотворение «Казачество».

*Говорили мне: брось чудачество
Вспоминать, что былъем поросло.
Ну какое теперь казачество?
Все пропало и все ушло.*

*Отскакали свое буланы,
В степь с уздечкою не пойдешь.
И стальные клинки булатные
Лишь в музеях теперь найдешь...*

Через несколько дней пребывания в Пятигорске мы с Виктором Ярошем разъехались по домам. Он в свой любимый Невинномысск, а я — в Ставрополь.

Выступал я позже и с другими своими друзьями и собратьями по творческой работе.

Как-то в наш Ставрополь нагрянули писатели из Москвы. Тогда это было почти обычным делом. Мы не заботились о том, как встретить гостей. Были в писательской организации финансовые возможности встречать по-кавказски и провожать по законам дружбы и москвичей, и представителей писательских организаций Севера и Востока, не говоря уже о соседях из Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Дагестана, Осетии, Калмыкии... О, Бог ты мой, откуда только не заносило тех славных и незабываемых поэтов и писателей!

В один из дней я выступал с Геннадием Касмыниным. Он тогда был заведующим отделом поэзии журнала «Наш современник». Хотелось мне блеснуть перед московским гостем и показать казачью статью. Я поделился мыслями о задумке — создать объединение казаков — и даже назвал, как бы следовало именовать это объединение — «Казачий круг». Геннадий Касмынин то ли из уважения ко мне, провинциалу, то ли действительно от души наговорил мне много доброго, поддерживая все мои устремления.

Встреча (с демонстрацией казачьего пояса) прошла на редкость удачно. Мне показалось, что в зале присутствовали потомки казаков. Слуша-

тели наши из Управления нефти и газа, с сияющими глазами, остались донныне в моей памяти.

На этой встрече ко мне подошел председатель профсоюзной организации и, поблагодарив за интересную лекцию, представился: «Петр Стефанович Федосов. Я тоже казак и вступил бы в «Казачий круг».

О Федосове я расскажу позже.

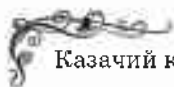
Вечером гостей и группу ставропольских писателей к себе пригласил писатель Вадим Чернов – человек, фанатично любящий рыбалку. В этот вечер он, холостяк, приготовил для гостей уху.

А Геннадий Касмынин, произносивший первый тост, вдруг сказал:

– Друзья мои! Сегодня мы выступали с Витиславом. Знаете, что он ставит вопрос о возрождении казачества в крае и о создании общества «Казачий круг»? Думаю, что сейчас это надо делать, помочь ему. Поддержите своего коллегу. Вот он – атаман казаков.

Касмынин, протянув руку с рюмкой, указал на меня. Сидящие за столом поэты Игорь Романов, Вениамин Ащеулов, прозаики Георгий Шумаров, Вадим Чернов и гости из Москвы с удовольствием опорожнили стаканы. Мне показалось неудобным возразить такому тосту Касмынина (имеется в виду атаманство). Я тоже с удовольствием выпил.

Через несколько дней гости покинули Ставрополь, а я нет-нет да и вспоминал свой полусон с явлением Божией Матери и казаком.

Прошло несколько месяцев. Я получил письмо от Касмынина. Вернее, даже не письмо, а газету «Московский литератор», на полях которой было приветствие, надпись: «Витиславу Ходареву» и стояла подпись Касмынина. Я поискал, что мне почитать, и взгляд остановился на маленькой заметушке, в которой сообщалось, что в Москве создано землячество казаков. Ах, как у нас умеют перехватывать инициативу, подумал я. Но, успокоившись, поругал себя за проявленную ревность, с радостью прочитал еще несколько раз сообщение и был удовлетворен тем, что атаманом землячества избран известный писатель, кубанский казак Гарий Немченко.

Через какое-то время московский казацкий атаман Немченко позвонил мне и спросил, не мог бы я приехать в Москву на встречу «Защитники Волги», и пояснил, что эту встречу используем для разговора о казачестве.

Я согласился. Не могу сказать, что благое дело по возрождению казачества началось в Москве от Касмынина, привезшего новость со Ставрополя, или как-то иначе, но я был рад разговору с Гарием. Он попросил взять с собой еще одного «человечка». По получении такого приглашения я вспомнил о выступлении с Касмыниным в Ставрополе и о знакомстве с профсоюзным председателем Федосовым. На нем я и остановился, зная, что на командировку себе он деньги найдет. Так и произошло.

В Москве я бывал раньше, но эта встреча со стольным градом стала особой. В первый же

день мы собрались в каком-то особнячке. Нас, представителей казачьих войск России, оказалось человек двадцать. Все было подготовлено – и зал, и стол с красной скатертью, и высокая, с гербом СССР трибуна. Сначала разговор, как мне казалось, был скупо-никчемным. Подумалось, что москвичи пригласили нас сами не зная зачем.

Я попросил слова – сказать о том, что назрело в душе.

Конкретно предложил следующее:

1. Создать Всероссийский организационный комитет по возрождению казачества в России и считать всех присутствующих его членами.

2. Выбрать председателя оргкомитета.

3. Выдать членам оргкомитета хотя бы временные удостоверения на право проведения организационной работы по возрождению казачества на местах.

Все мои предложения, даже предложение об избрании председателем оргкомитета Гария Немченко, были единогласно приняты. Я торжествовал.

На этой встрече я представлял терское казачество. Еще в начале собрания мы неожиданно встретились с входящим в зал писателем из ставропольской писательской организации – Тимофеем Шелухиным. Вспоминаю, как был рад, увидев его. Я знал, что он казак из славной станицы Баклановской. Но недоумевал, как он оказался рядом. Он мне объяснил, что, проводя творческие дни в Переделкино, случайно узнал

об этой встрече. Для меня встреча с Тимофеем была особенной радостью.

На следующий день нам вручили временные удостоверения, подписанные Гарием Немченко и председателем Московской организации защиты памятников истории и культуры. На подписях красовалась печать этой уважаемой организации с пометкой «Организация-учредитель».

Получил такое удостоверение и Тимофей Шелухин. А я, в свою очередь, вспомнив первые выступления в Пятигорске с Виктором Ярошем, взял удостоверение и на его имя.

Но случился казус – моему приятелю из профсоюзов не выписали удостоверения. Он был очень взволнован и озадачил меня вопросом: «А зачем я тогда приехал?». Упорствовал в необходимости получения удостоверения. Я тоже был неспокоен. Ответственность за то, что я его пригласил, заставила меня искать Гария Немченко. Найти его я не сумел, но печать и под-

пись у «хранителей истории и культуры» заполучил. Теперь уже прошло время, и я сознаюсь, для исторической справедливости, что лично подписал удостоверение за Гария. Да простите вы меня оба! Я из хороших побуждений сделал это.

Но это было на второй день побывки в Москве. А в первый вечер мы собрались в одном ресторане и отпраздновали «рождение возрождения». Вот уж мы не ожидали, что при этом произойдет! Уже на третьем госте запахнулась входная дверь зала и в него вошли стройный юноша и две красавицы горянки. Они принесли на подносе вино, конфеты, другое что-то для закуски, в руках у девушек были два огромных букета. Юноша пояснил, что они – чеченцы московской диаспоры, поздравил нас «с рождением», и все трое пожелали самой светлой дороги казачеству. Я вспоминаю и теперь этих людей с трогательной для сердца благодарностью и задаю себе вопрос: где вы теперь?..

Потом мы побывали в Колонном зале Дома Союзов. Говорили о спасении от загрязнения Волги. Я сидел в президиуме этого исторического собрания, а рядом со мной – Валентин Распутин, Василий Белов, Владимир Солоухин и другие известные русские писатели. Я помню, думал – пока в России есть такие писатели, наше Отечество будет здравствовать. Я могу это произнести и ныне. Со сцены Колонного зала я по просьбе Гария Немченко и устроителей прочитал уже отработанное: «Говорили мне – брось

чужачество...». К горлу подступил ком. Но я читал стихи так, как никогда не читал, да и, наверное, не прочитаю.

Через несколько дней, вернувшись в Ставрополь, на партийном собрании ставропольской писательской организации я после разговора с бывшим первым секретарем горкома партии г. Ставрополя В.П. Бондаревым, которого ознакомил с задумкой, обратился к писателям с просьбой поддержать зарождающееся движение и, получив поддержку части писателей, окунулся в решение «казачьих вопросов» с головой. Искал сторонников в студенческих общежитиях, коллективах различных организаций. Был сформирован организационный комитет по возрождению казачества на Ставрополье. В него вошли, кроме меня, П. Федосов, Ю. Хоменко, В. Козлитин, А. Токарев, В. Вовк, В. Манин, А. Атаманенко, Г. Костин, М. Колбасов, В. Ярош, Т. Шелухин, позже – В. Есаулов и другие.

Временные удостоверения, которые были выданы всем, были подписаны мной и тогдашним секретарем писательской организации Владимиром Маляровым. Печать ставили писательской организации как организации-учредителя.

Заседания организационного комитета проводились в Доме писателей по проспекту К. Маркса, 78.

Делегация казаков Сунжи приезжала ко мне не раз, я давал консультации. Казаками Сунжи

была проведена подготовка первого казачьего круга на Кавказе. Он был проведен в станице Троицкой, где атаманом Сунженской линии был избран истинный казак, активный организатор казачьего движения на Тереке Александр Подколзин. Жаль, что он спустя несколько месяцев погиб от предательского удара кинжалом, который неожиданно занес над ним студент-ингуш, и подчеркну, смерть Саши свершилась в светлый праздник Рождества Христова. Через несколько дней у меня резко ухудшилось здоровье, и я вынужден был передать руководство оргкомитетом П.С. Федосову.

Еще при неполном выздоровлении я подготовил свой доклад и 28 сентября 1990 года выступил на Первом съезде казаков Ставрополя, где был образован Ставропольский краевой Союз казаков, объединивший потомков казаков всех ранее существовавших казачьих войск, проживавших в тот период на Ставрополе. Атаманом этого Союза стал Петр Федосов, а я был избран съездом первым его заместителем (товарищем атамана). В этот день была установлена мемориальная плита на Крепостной горе г. Ставрополя в память возрождения казачества. На ней выбиты строки одного из моих стихов:

Память о казачестве бессмертна, подвиги казачества в сердцах.

О деятельности Союза казаков, его работе, работе Ставропольского казачьего войска – премника Союза казаков, где я был также заместителем атамана и начальником центра пропаган-

ды истории казачества, – разговор будет особый. Я постарался рассказать об исторически значимом, самом первом этапе возрождения казачества на Ставрополье и о славной роли писателей России и нашего края в этом деле.

Период возрождения казачества в моей биографии – особая веха. Необычайно ответственная. Я это ощущаю все 20 лет возрождения казачества в России и непосредственно на Кавказе. Может быть, это потому, что жизнь подарила мне идею возрождения казачества на Ставрополье. Может быть, потому, что важный шаг мною был сделан в Москве на первой встрече представителей казачьих войск России. Может быть, потому, что генная память пробудила во мне талант предков, казачье слово, активность в жизни и творчестве.

В разные периоды этих лет мною были созданы книги о казачестве: «Детские казачьи игры и забавы», «Казачий круг», «Путь через века», «Станичные суеверия», «Терские протоки», «Казачья любовь», «Вера, Надежда, Любовь». Создан «Духовный гимн казачества», благословленный Патриархом Московским и Всея Руси. Именно с этим гимном проходили все казачьи круги по возрождению казачества в станицах и хуторах, в городах и поселках Ставрополья, Карачая, Сунжи, всех терских земель. Мною написаны полюбившиеся в крае казачьи песни «Лысогорские курганы», «Вечеринка», «Лысогорье мое», «Казачья свадебная», «Дарили казачкам шали», «Едут терцы

казаки», «Разбросала судьба казаков по планете», «Ночью в станице». Написаны казачьи поэмы «Станица», «Высота Толстова», «Казачий круг», «Казачья любовь», «Казачьи сны», «Земной поклон» и другие.

В этот же период возрождения казачества я углубленно работал не только как поэт, но и как фольклорист-историк. Мне удалось не все задуманное, но я сумел собрать 400 казачьих поверий, суеверий и старин, бытующих на Кавказе. А еще 260 пословиц со словами «казак» или «казачка».

Я радуюсь, когда на груди у казаков и казачат сверкают награды, и среди них есть разработанные мною. Это нагрудные кресты «Кавказское линейное казачество», «За верность казачеству» четырех степеней, «Казачонок Кавказа».

В феврале 1996 года я был избран депутатом Ставропольской городской Думы, где отстаивал возрождение и становление казачества в его лучших традициях, казаки были моими частыми посетителями. Я, как депутат, служил России и казачеству. Указом Президента Российской Федерации от 4 июля 1998 года мне было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». И не без чувства гордости скажу, что в этот период я был награжден главой города Ставрополя медалью «За усердие и полезность».

В настоящее время я являюсь членом Правления Союза писателей России, почетным чле-

ном Союза писателей России, почетным членом Союза писателей Болгарии. Мой литературный труд отмечен премиями Семена Бабаевского, Николы Фурнаджиева (Болгария), Константина Симонова с вручением мне золотой медали. Имею несколько наград казачьей доблести.

*Витислав Ходарев,
август 2000 г.*

СПРАЖИТИ
ИЗ
ЖИЗНИ

Антонина Александровна Ходарева:

Я РОДИЛАСЬ ПОД СЧАСТЛИВОЙ ЗВЕЗДОЙ

Мои родители были из казачьей семьи. Все наши корни из станицы Лысогорской. Одного дедушку, Василия Евсюкова, отчества я его не знаю, раскулачили, сослали на Урал. Потому что хорошо жили они, зажиточно.

Второй дед, Матвей Ефимов, тоже раскулаченный и сосланный. Отобрали у моих дедов все подчистую. Оба они умерли в ссылке. Обстоятельства смерти одного деда известны, а о Матвее мы ничего не смогли узнать. Когда он уже умер, один человек приспособился еще два года за него посылки получать. А потом кто-то сообщил родным о смерти, что это случилось аж два года назад.

Бабушка рассказывала, что попросила оставить только машинку швейную. У нее было пять дочерей, и одна из них шила.

— Ну оставьте нам хоть эту машинку, как же мы будем жить?

Их выселили из дома, дали взамен бывший телятник на отшибе. Соседей не было, ни

на ту сторону, ни на другую. С одной стороны – глинище, с другой – пруд и ничего вокруг. Машинку швейную им оставили. Позже моя тетя уехала в Горячеводск. И я когда в школу ходила, к ним ездила платье сшить или еще что-нибудь.

Казаки, они ж какие? Всегда и везде выживут... Некоторые говорят: мы жили голодные. А мы никогда голодными не были! Казаки и есть казаки. Как-то умели все: и посадить, и вырастить, и засолить. Бабушка у нас деревянными кадушками все засаливала. Мне подружки жаловались: «Ой, я в детстве голодная ходила». Не могу сказать такого о себе. Я никогда голодная не ходила, у нас все необходимое было, даже в трудные времена, потому что трудились не покладая рук.

Папа мой был сердечником. Он не служил в армии, но в войну его призвали. В Ростове, как только первые немцы пришли, он пошел в бой и ему стало плохо с сердцем. Его комиссовали, и он дальше не воевал. Но он был очень хороший охотник, стрелял метко. Мы еще и поэтому не были голодными, что он уток стрелял, зайцев,

любую дичь. Однажды я пришла домой, а около печки 12 уток лежит!

Моя бабушка тоже жила в Подгорной. В этом мы разобрались уже после женитьбы.

Это мои корни. Но что ж я все про себя... Надо рассказывать о Славике, хотя у нас с ним много общего, связанного временем детства.

*У каждого казака есть своя река,
а Отечество одно на всех!*

В.В. Ходарев

ПРЕДНАЧЕРТАНО СВЫШЕ

Корни Витислава – из казачьей станицы Подгорной. И мои бабушка и дедушка тоже оттуда родом – их по приказу генерала Ермолова из Подгорной переселили на левый берег реки Подкумок. Впоследствии, когда правый берег обмелел, они переселились туда, и улицу назвали Верхняя. Она до сих пор носит это название. Так образовалась станица Лысогорская. Какая она была красивая! С деревянной церковью, сделанной без гвоздей, со старинными иконами. В ней крестилась я и мои родные братья, затем уж наша дочь Лариса и внук Андрей. Правнука Славочку мы тоже хотели там крестить, но прадедушка Витислав поехать не мог, а одних с малышом нас не хотел отпускать и посоветовал организовать крещение в Ставрополе.

Родители моего мужа – Василий Иванович Ходарев (1912 г.р.) и Любовь Михайловна Ходарева (1914 г.р.), в девичестве Манакова. Ее воспитали бабушка и дедушка Манаковы. Так случилось, что ее мама умерла очень молодой, лет в 17-18 от брюшного тифа. Началась эпидемия, заболели родственники в Подгорном. Она ездила на бричке и всем помогала, всех лечила, как могла. И все до единого живые остались! А она заболела и умерла.

Казачий кладезь Витислава Ходарева _____

*Рисунок станичной церкви,
подаренный Ходареву художником Ю. Высоцким.
Лысогорские мотивы, сельская церковь, 1996 г.*

Василий Иванович служил милиционером в станице Лысогорской, а в 1934-36 годах – в Ленинакане. Участник Великой Отечественной войны, был награжден медалями «За оборону Кавказа», «За боевые заслуги», «За победу над Германией». Витислав любил отца и очень гордился им, особенно его работой в милиции, бесстрашием при задержании преступников.

Однажды наши отцы пересеклись по жизни, еще задолго до нашего знакомства.

Во время войны объявились в окрестностях Лысогорки дезертиры, которые не пошли на фронт, а прятались в лесу и терроризировали всю станицу. Они убили двух человек, но в основном грабили: пшеницу забирали подчистую, еду. А у милиционеров ведь есть свои информаторы. Они и подсказали Василию Ивановичу, что на чердаке в таком-то доме прячутся эти бандиты. Ходарев взял моего отца и еще кого-то из охотников в качестве подкрепления. И они вместе тех троих спустили с чердака, обезвредили и спасли всю станицу. Это были отец Славика и мой отец. Но узнали мы о том, что наши отцы вместе брали бандитов, когда уже были женаты и однажды делились воспоминаниями о детстве. Тогда и выяснили, что было такое пересечение в судьбах. Славик сказал как-то:

– Мой отец брал бандитов.

Я говорю:

– И мой отец брал бандитов!

– А где, каких?

– Да дезертиров, что всю станицу грабили.

Это была на самом деле страшная история, трагическая. Люди уже боялись ездить в Пятигорск, тогда ведь автобусы не ходили, ездили только на лошадях и бричках на рынок. А там есть лесок у горы Кизильник. Вот в нем как раз и убили мужа с женой. После того как бандитов поймали, мы, детвора, ходили смотреть на их логово в расщелине между двух скал, там все закоптилось от костра.

Вот так получилось, что из Подгорной наши корни, и кроме того, наши отцы были знакомы... Если б они знали, что дети встретятся потом!

Папа мой меня любил, на руках носил. Я когда в первый класс пошла, была такая маленькая, и он меня, когда снег шел, на руках носил в школу. А потом в моей судьбе была очень счастливая жизнь со Славиком: 51 год он меня на руках носил. У нас были родственные души. Я верю, что где-то было предрешено свыше нам вместе быть. Ведь все делается на небесах.

*В казачьей песне – казачья доля,
в казачьей доле – не только песня...*

В.В. Ходарев

СЛАВЯЩИЙ ПОБЕЖДЕННОГО

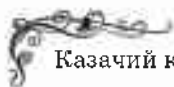
Родные и друзья всегда его называли Славиком, потому что в свидетельстве о рождении написано Витислав, а в церковных святцах не было такого имени, там только Вячеслав. Отец партийный был, о крещении речь не шла. Но потом какая-то их родственница взяла его и понесла в церковь. Говорит:

– Я его сама перекрещу.

Окрестила его Вячеславом, и дома его все звали Славиком. И я тоже. В какой-то исторической книге Витислав читал о Рюриковичах, где рассказывалось о князе Витиславе, деде Рюрика – предводителя славян-бодричей. И Славик тем, кто сомневался, русское ли это имя, всегда говорил, что оно русское, от Рюриковичей.

От редакции

Витислав Васильевич рассказывал историю своего имени. Он говорил, что оно означает буквально – «Славящий побежденного». Ходарев считал, что этим именем наречен неслучайно, оно определило его судьбу: воспевать побежденное, сломленное на рубеже истории казачество.

БЫЛ ЛАДНЫМ, КРЕПЕНЬКИМ

Из детства он мне рассказывал, что отца его постоянно переводили по службе, в связи с работой милиционером. Где только они ни жили: в Чуреково, в Незлобной, в Георгиевске. Мама его вспоминала:

– Дадут нам служебную квартиру, а там грязно, дымоход чистить надо... Я устала одни только эти дымоходы чистить!

Какие это были годы, послевоенные? Жизнь шла в станице своим чередом: свадьбы, похороны. И, конечно, варили самогон. А это было строго запрещено законом. Василий Иванович по долгу службы пойдет выливать этот самогон, а его угощают. Просят: ну свадьба, ну пожалуйста. Все подносили. И на этой почве он стал выпивать.

...Родители разошлись мирно. Ушел отец, и все. И Славик не знал никаких скандалов. Мама его в то время работала санитаркой в туберкулезной больнице. В семье – трое детей, все мальчишки. Витислав был самым младшим. Старший, Геннадий, был 1934 года рождения, Витя – 1937-го, а Славик – 1939-го.

Геннадий закончил военное училище и потом служил в морфлоте. Витя закончил Георгиевский сельскохозяйственный техникум, ушел в армию,

а после армии закончил Тбилисское военное училище, затем Ленинградскую военную академию и служил до пенсии.

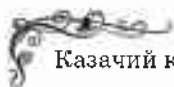
Братья между собой хорошо ладили, никогда не дрались, были дружными. Средний брат Витя был худеньким, а Славик был ладным, крепеньким. Мама говорила, что у него в детстве была свинка, так он, когда болел, не лежал совсем: бегал, прыгал, как здоровый. И старший Гена был крепыш такой же.

Есть такие одержимые люди, которые всю жизнь несут ответственную государственную или военную службу, и несут ее, отдавшись ей сполна, вносят в нее творческое начало. И в то же время умеют так уплотнить свое время, чтобы найти минуты, редко часы, для своего второго призвания – к музыке, живописи, поэзии...

Таков Витислав Ходарев, подполковник внутренней службы, написавший немало стихов, песен и поэм о героических людях, работающих в экстремальных условиях...

Лев Ошанин,
поэт-песенник, лауреат
Государственной премии СССР

У МЕНЯ СИЛЬНЫЕ РУКИ

Когда отец ушел, они нуждались. Славик с самого детства взял на себя все семейные тяготы: помощь матери и брату Виктору. Бросил школу и пошел в колхоз работать в 14 лет. Пока работал в колхозе, участвовал в художественной самодеятельности, писал стихи и публиковался в колхозной газете.

Любовь Михайловна шила на дому. Гена ушел в армию, а Витя поступил в сельхозтехникум в Георгиевске. Она до конца дней вспоминала, как младший сынок Славик работал и всю семью тянул: был пастухом, ягнят пас. Витислав потом рассказывал мне, как ходил с ними по горам, любовался природой, и тогда стихи сами у него рождались от красоты вокруг.

Однажды в колхозе выдали пшеницу, и он привез ее маме. Она часто вспоминала этот случай: как он привез, а она увидела и ахнула, ведь никогда у них столько не было. Муки намолотили. Потом, спустя годы, Витя приезжал в гости, был уже в высоком воинском звании, на пенсии и благодарил:

– Спасибо тебе, Славик, за все, что ты для нас сделал!

Витя в техникуме совсем голодный был, на квартире жил, платить надо было за нее. Мама

тогда пошла работать в туберкулезную больницу нянечкой. Ну, сколько она там получала? Копейки. Поэтому можно сказать, что Славик их содержал. При этом дома своего у них не было, они тоже на съемной квартире жили. Я хозяйна хорошо помню – старик, который позже стал сватом нашим.

Этот старик и его жена очень сроднились с семьей Ходаревых. А Славик, когда сезон заканчивался, на стройке в колхозе работал. Так он и обучился строительству.

И вот тот дедушка и говорит:

– Давай хату вам построим: фундамент заложим, саман как-нибудь замесим.

В Лысогорке был каменный карьер, в нем все тогда камень брали и так строились. Взялись они с дедом строить хату. На субботу и воскресенье коней в колхозе попросили, собрали людей, чтобы сделать саман. Конечно, если звали – угощали обедом. Люди-то все тогда были бедные, куску рады. И вот они с этим дедушкой разметили и заложили фундамент, возили камень. Построили хату: две комнаты, коридорчик. На крышу денег не было.

А в станице Незлобной был кирпичный завод, где черепицу выпускали. Заняли они денег, черепицу купили и покрыли дом. Спасибо дедушке на добром слове за помощь. Хороший домик получился, и место хорошее. Мама была счастлива своему дому, разводила цветы во дворе. Славик ведь тогда было всего лет 15, совсем мальчишка! Но он вот такой был, человек слова и дела, рабо-

тящий, никакого труда не чурался и ничего не боялся. Всегда говорил: «У меня сильные руки». И вообще он физически сильным был. Это врожденное, так ему дано было.

Рука. Рисунок В.В. Ходарева

Вскоре он с другом поехал работать на Донбасс. Учился там в Горнопромышленной школе, которую закончил в 1957 году, работал в шахтах до армии.

А в 1958 году был призван в Вооруженные силы и попал в ракетные войска. Гордился тем, что он был командиром по сбору и разбору ракетных боеголовок. Это же самое вредное, что может быть... А еще и водителем был, возил ракету.

Он тяжело заболел в последний год перед демобилизацией, и его положили в госпиталь. Был он там самым тяжелым. Я впервые это рассказываю, он и сам никогда никому не говорил. Из Москвы вызывали к нему врачей на консилиум. Предполагали сердечное заболевание...

Славик и во время службы в армии учился! Поступил заочно в центральный Дом народного творчества им. Н.К. Крупской на отделение рисунка и живописи. Уже сразу после поступления ему присылали положительные отзывы о его работах: преподаватели отмечали, что он хорошо владеет техникой. Он всю жизнь много рисовал: иногда в газеты посылал рисунки, сам делал иллюстрации к своим стихотворениям.

В декабре 1961 года, после демобилизации и возвращения в станицу Лысогорскую, Витислав пошел работать в колхоз «Советская Россия» Георгиевского района. Он трудоустроился художником и одновременно возглавил комсомольскую организацию этого колхоза.

Когда я его встретила в станице Лысогорской, уже закончила медучилище и вернулась с Урала, где отработала три года по распределению. Дома пошла работать на врачебный участок фельдшером. Он с самой первой минуты мне понравился!

В 1961 году была памятная новогодняя ночь, которую я никогда не забуду. В Доме культуры он приглашал меня танцевать, а потом пригла-

сил домой вместе с моей подругой; также с нами были два его друга. Нас встретила его мама и угостила традиционным и очень вкусным холодцом.

Славик был обаятелен, читал стихи Есенина! Он, конечно, удивительный, было в нем что-то такое особенное. Встречались мы недолго, уже в марте он сделал мне предложение, и я не раздумывала ни о чем. Как потом сам Славик рассказывал, ходить ко мне три километра и возвращаться назад каждый раз было далеко.

В 1962 году мы поженились. У нас была двойная свадьба, то есть одновременно с его братом Виктором. Две невесты и два жениха – было очень красиво, необычно и романтично.

А потом мы приняли решение уехать в Туркмению. Знакомые Любви Михайловны отправились туда раньше и сообщили, что там очень хорошо, зарплаты больше, «климатические» выплачивают.

ДО ГЕРОЙСТВА ШАГ НЕ ОДИН

В 1963 году Витислав поехал в город Красноводск Туркменской ССР к знакомым его мамы. Сначала один, без меня, чтобы найти работу с условием служебной квартиры. Устроился в военизированную пожарную часть, где ему предложили работу младшим инспектором и предоставили комнату. Я приехала к нему и обрадовалась, что там уже и мебель была: кровать, стол, стулья. Брат Геннадий приехал посмотреть, как мы устроились. Пошел на базар, купил нам керосинку, еще что-то. Они с женой уехали в Казахстан, на целину, и он там неплохо зарабатывал водителем. Во всяком случае, приехал к нам и помог на первое время.

Дворик у нас был небольшой, в доме все жильцы – пожарные с семьями, напротив часть. Детей в нашем дворе было много, все разных возрастов, но играли дружно.

Через какое-то время начальник пожарной части получил отдельную квартиру, и нам дали его комнаты. Одна просто огромная, потолки высоченные! Другая чуть поменьше. Коридор, газ, вода. Мы зажили там припеваючи. А Славик школу-то в детстве не закончил... И в Туркмении он мало того, что пошел на работу, про-

должил обучение в вечерней школе и закончил ее. Это удивительно, но даже не имея полного школьного образования, он всегда писал стихи, с детства у него была к этому тяга!

В Туркмении мы жили хорошо, только доставляла неудобства жара. Славик был очень активным: его избрали секретарем комсомольской организации шести пожарных частей гарнизона, через некоторое время стал членом городского комитета комсомола. Он писал стихи в районную газету «Знамя труда» (орган ЦККП Туркменистана, г. Красноводск), отсылал в «Ставропольскую правду», стал членом КПСС, возглавил отряд красных следопытов Западного Туркменистана.

Под руководством Витислава отряд разыскивал места захоронения Героев Советского Союза, погибших во время войны. Славик ездил в командировки по Туркмении, в том числе в город Бекдаш, которого сейчас уже нет. Осуществляя поиск, Витислав лично написал 280 писем.

Однажды из Бекдаша обратилась женщина: «Помогите найти место захоронения Героя Советского Союза Валерия Дмитриевича Рылова».

Справка

Валерий Рылов родился 30 сентября 1919 года в городе Яранске. С 1936 года проживал в Туркменской ССР, окончил там среднюю школу, затем три курса биологического факультета Молотовского государственного университета. В сентябре 1941 года Рылов был призван на службу в Рабоче-крестьянскую Красную армию. С лета 1942 года – на фронтах Великой Отечественной войны.

К июню 1944 года гвардии сержант Валерий Рылов командовал отделением роты связи 201-го гвардейского стрелкового полка 67-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта.

24 июня 1944 года Рылов в числе первых переправился через Западную Двину в районе деревни Буй Вешенковичского района и проложил линию связи между плацдармом и командованием полка, после чего поддерживал ее бесперебойность, оперативно устраняя порывы на линии, был ранен.

16 июля 1944 года Рылов погиб в бою. Похоронен в деревне Римша Игналинского района Литвы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 года за «образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецкими захватчиками» гвардии сержант Валерий Рылов посмертно был удостоен высокого звания Героя Советского Союза и награжден орденом Ленина.

И Витислав смог отыскать его могилу. Уж не знаю, как он это смог, и через архивы, через людей, но столько писем написать – это огромная работа.

Сколько он собрал материалов о Рылове, ночами работал, потом песню написал о нем. Это был незаурядный человек, он в Пермском университете на биологическом факультете учился. В Ставропольском крае был на практике.

Витислав нашел его однополчан. Они ему описали, как он погиб и где. После этого Валерию Рылову поставили в Литве памятник и пригласили Славика и двух сестер Рылова. Они поехали и были там на открытии мемориала в 1964 году.

Командировочное удостоверение гласит:

«Удостоверение Председателя Красноводского бюро отделения Союза журналистов СССР.

Выдано председателю межгородского литературного объединения при редакции газеты «Знамя Труда» т. Ходареву В.В. в том, что он командировается бюро отд. журналистов в Литовскую ССР г. Игналина на открытие мемориальной доски Герою Советского Союза В.Д. Рылову. В. Ходарев – молодой писатель, он работает над повестью о В.Д. Рылове.

Подпись – Председатель Красноводского бюро отделения Союза М. Карпенко».

Открытие памятника Валерию Рылову – комсомольцу, военному связисту, командиру взвода, герою Советского Союза состоялось 25 июня 1964 года на римшанском воинском кладбище Литовской ССР.

Сейчас говорят о Литве, как там обстоят дела с памятью о наших ветеранах, а я вспоминаю, как Славик отзывался. Как их там хорошо принимали! Когда он вернулся из поездки в Литву, то привез для дочери Ларисы в подарок от литовцев куклу. Она очень любила ее.

Встречали хлебом-солью, в национальных костюмах, и прибывших гостей обвязали национальными поясами и подарили их на память. Так торжественно, тепло! Присутствовали члены компартии, горисполкома, жители, учащиеся и учителя. Витислав и в школу ходил к детям, рассказывал о Рылове. Он о нем потом книгу написал «До геройства шаг не один», хотел издать. Повез ее в Ашхабад, а там ему сказали, что надо переделывать. Это, в общем-то, была его первая книга, он только учился. Так она и осталась неизданной. Почему? Трудно сказать. Может, перегорело в нем...

Так или иначе, но память о герое войны ожила. Имя Валерия Рылова увековечили в названии игналинской средней школы в Литве, в школьной пионерской организации. Римшанский колхоз «Красная звезда» также был переименован в колхоз им. Валерия Рылова. Центральная улица Свободы была названа его именем. В Туркмении, в Бекдаше его именем была названа школа № 2. В Красноводске получила название одна из центральных улиц, бывшая Красноармейская.

Песня авторства Витислава Ходарева «В лесу Ингалинском» была напечатана в газете «Советская Литва», а повесть «Сказание о Герое» опу-

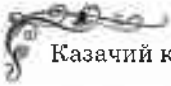

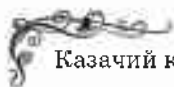
Рисунок В.В. Ходарева

бликовали в газете «Знамя труда» подряд почти в тридцати номерах.

В 1967 году он возглавил Всесоюзный поход молодежи Туркменистана «Дорогами отцов-героев». В Ленинграде с 27 июня по 30 июля состоялся слет участников похода, где проходили соревнования по военно-туристическому многоборью, по радиоспорту. «Дорога жизни» – так назывался выход участников слета на Ладожское озеро в память о блокаде Ленинграда. Они посетили рубежи обороны города на Пулковских высотах, присутствовали на военных учениях. Тогда же прошел митинг-реквием на Пискаревском кладбище: «О тех, кто не придет никогда, – помните!».

На выставке военной техники Витислав встретил Юрия Гагарина и вместе с другими участниками сфотографировался с ним. Он очень гордился этим фотоснимком. На этом же слете маршал Советского Союза Василий Казаков наградил Ходарева памятной медалью за его поисковую работу по увековечиванию памяти Валерия Рылова.

Когда Витислав вернулся домой, он выступал в Красноводске по телевидению, рассказывал, как прошел этот съезд. И местный красноводский военком подошел к нему и снял с него эту медаль. На том основании, что она якобы похожа на медаль Героя Советского Союза. Не знаю, почему он так некрасиво поступил. Конечно, обидно было. Но Витислав этого так не оставил и написал маршалу Казакову. И тот ответил: вернуть! И больше так не поступать. Медаль вернули...

Вообще Славика все любили, и он всегда с людьми легко сходился. И многим помогал, просто так, совершенно бескорыстно. Не мог видеть чужую нужду, боль. Памятен случай: был он однажды на дежурстве в милиции. Пришел домой с продуктами, привел мальчика покормить – нашли его, голодный был. А спустя много лет, когда работал в городской Думе Ставрополя, помогал беженцам из Грозного...

В то же время на протяжении всей жизни он был очень серьезным. Не любил анекдоты, всякие глупые шутки, сплетни терпеть не мог. Забегая вперед, скажу, что в постсоветский период он никогда не смотрел по телевидению ток-шоу с «грязным бельем», органически этого не переносил. Любил спортивные передачи и всегда занимался спортом сам. В молодости у него были разряды по ГТО, в пожарной части легко сдавал все нормы. У Славика все было в порядке с физической формой.

Что касается мужской работы по дому, Витислав все делал сам, своими руками, никого не нанимал. Мы всегда небогато жили, но и не нуждались, не бедствовали. Я медсестра, у меня маленький был оклад, да и у него в пожарной части не очень большой. Мы не покупали шикарные вещи, дорогую мебель, но всегда у нас все было. Просто жили мы по средствам и не возводили в культ покупки, погоню за модой.

ТВОРЧЕСКОЕ ВРЕМЯ – НОЧЬ

В отношении еды Витислав не был привередливым – кушал все. Наголодался, наверно, за свое детство, не видел ничего особенного, поэтому и не капризничал никогда. Я старалась все делать вкусно, по рецептам. Даже «лебедей» пекла. Это такие пирожные с кремовой начинкой. Вот кому ни давала свой рецепт «лебедей» – ни у кого не получался! А я у мамы научилась.

Не было у Славика никогда и особых запросов: приготовь мне вот это, поджарь то. Что

*В. Ходарев часто делал рисунки
к своим публикациям*

приготовила, то и покушал. И никогда не говорил, что недосоленное или невкусное. Я его и пьяным не видела никогда! Ни разу в жизни. Ну, мог чуть-чуть выпить, но пьяным никогда не бывал и головы не терял за столом.

Как глава семьи Витислав на все сто процентов, абсолютно справился с делом обеспечения семьи. И даже не одну семью в своей жизни содержал: впоследствии дочери Ларисе помогал. Он писал всегда ночами. Днем он на работе, вечером дома мы мешаем, а ночью у него было творческое время. Славик всегда много работал и при этом так мало спал, я не знаю, как ему это удавалось. Я его никогда не будила: он просыпался рано, с рассветом и легко.

Витислав очень сильно мечтал о сыне, даже написал стихотворение, посвященное будущему сыну.

– Тоня, ты мне про дочку и не говори!

ПОЗДРАВЛЯЮ С ЛАРИСОЙ!

Я уехала рожать в станицу Лысогорскую, потому что там была знакомая опытная акушерка, родственники, бабушки. А Славик ждал нас в Туркмении.

И вот родилась дочь.

Он получил телеграмму. Потом рассказывал, что расстроился и пошел к редактору «Знамя труда» Михаилу Федотовичу Карпенко. Они хорошо дружили с ним. В этот момент как раз пришла его жена, педагог по образованию. И они стали вдвоем его успокаивать:

– Славик, ну что ты переживаешь! Второй будет сын, а дочка как раз будет вам помогать.

И ведь он дочь Ларисой назвал в честь жены Михаила Федотовича!

Прислал мне телеграмму: «Поздравляю с Ларисой!».

Через месяц я с маленькой дочкой прилетела в Туркмению. Славик встречал нас в аэропорту, развернул малышку в укромном месте и сразу стал рассматривать Ларису. Все посмотрел: ручки, ножки. Она была так похожа на папу!

Уходя на работу, он говорил мне:

– Ни о чем не беспокойся, ты только корми и пеленай ее, а я приду домой и все сделаю!

Он многое брал на себя в работе по дому и ходил за покупками в магазины.

Интересно, что когда через много лет редактор Карпенко приехал на отдых в Кисловодск, он в «Ставропольской правде» прочитал стихотворение Ходарева и написал туда: «Дайте мне его адрес или телефон». Потом связался с ним. Прибегает домой и говорит мне:

– Карпенко в Кисловодске отдыхает!

А у Славика уже к тому времени книжечка стихов вышла. Он схватил ее и поехал в Кисловодск. А Карпенко, видимо, привез с собой подшивку газеты за целый год и подарил ему. Там такие интересные его работы! Когда Гагарин полетел в космос, он написал стихотворение. Я всю эту подшивку заново перечитала уже после ухода его из жизни...

Славик невероятно любил дочь! Он как отец был очень трепетным, заботливым и ответственным, не разрешал ни с кем оставлять Ларису. Очень ревностно относился к тому, чтобы кто-то брал ее на руки или катал коляску. У него была такая особенность: чтобы я всегда была рядом с дочерью. Нам дали квартиру недалеко от детского комбината (большой детский сад с яслями на 250 детей). И Витислав говорит:

– Тоня, рассчитывайся в роддоме и иди туда работай.

Он строго поставил вопрос. Я пошла работать с грудничками в младшую группу, а Лариса рядом была, но не в моей группе. Потом я стала старшей медсестрой всех яслей.

Славик все делал для того, чтобы я была рядом с дочерью, и так всю жизнь. Лариса в садик – я в садик. Она в школу – и я туда.

Однажды, когда немножко подросла, она с подружкой ушла из садика. В это время Славик ехал домой в обеденный перерыв. Вдруг на остановке недалеко от детсада он увидел дочь с девочкой. Он, конечно же, бросился к ним. Спрашивает, почему вы на остановке? В саду был тихий час, а они, оказывается, хотели поехать в город!

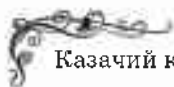
Привел он их назад в группу. Ох и попало всем: и воспитателям, и мне! В группе было много детей, сложно было уследить, и все-таки...

У нас было любимое семейное времяпрепровождение: каждое воскресенье мы ходили вместе с маленькой Ларисой на прогулку по набережной Каспийского залива. Прожили мы в Туркмении лет пять.

Много пройдено дорог, много изучено, понято и достигнуто в жизни. Жизненный путь Ходарева – яркий пример казачьей доблести, чести и беззаветного служения Отечеству. Замечательный труд писателя и поэта, воспевшего Терек и терское казачество, заставляет трепетать сердца молодых и убеленных сединами стариков.

**В.П. Бондарев,
казачий генерал,
атаман Терского войска (2000-2012 гг.)**

Казачий кладезь Витислава Ходарева _____

*Рисунок В.В. Ходарева.
Подпись на обороте «Рисунок доченьки»*

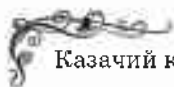
ОН СО ВСЕМ СПРАВЛЯЛСЯ

Из Красноводска мы сначала вернулись в Лысогорку. Мне было очень трудно жить в этом климате, я так и не привыкла к жаре – страдала тахикардией. Каждое лето я увозила дочку в Лысогорку на отдых к бабушкам. Однажды я сказала:

– Славик, я не хочу больше тут жить.

И мы решили вернуться в родную станицу. Нам надо было на что-то жить. Славик пошел в колхоз, договорился и нарисовал красками портрет Ленина в полный рост на ДOME культуры с левой стороны, метров пять высотой. Часто я к маме приезжала, и этот Ленин так долго был там. Всегда на него смотрела: очень высоко нарисован, не знаю, как Славик это сделал, на лестнице или еще как-то. Но хорошо нарисовал, очень, жаль, что не сфотографировали на память.

Вскоре из краевой пожарной инспекции ему дали направление в Зеленокумск. Мы переехали туда. Нам предоставили двухкомнатную квартиру в старом фонде, где надо было делать ремонт. Витислав, как всегда, все сделал сам и нас с дочерью перевез в уже отремонтированную квартиру. Во двореке даже было немного земли, где мы посадили деревья, цветы. Славик пробурил

скважину для воды. У нас были замечательные соседи-старожилы.

Однажды зимой он с Ларочкой отправился кататься на горке. Катал ее на санках, и вдруг сани с дочерью покатались к канаве, а там был крутой обрыв. Папа бросился, и у самого края успел остановить санки! Но пока бежал, подвернул ногу, потом оказалось, что перелом. Месяца два он ходил в гипсе, на костылях, и всю жизнь при нагрузке нога беспокоила его. Об этом случае наша уже взрослая дочь вспоминает до сих пор:

– Мама, ты помнишь, как папа спас меня в пять лет?

Славик много времени проводил с ней. Как-то раз наша медсестра в поликлинике увидела меня с Ларисой, спросила:

– Это ваша дочь?

Я, конечно, ответила положительно, а она говорит:

– Я думала, у нее нет мамы, всегда ее видела только с папой!

Дело в том, что Славик часто ходил с Ларисой на мотобол, а эта медсестра жила рядом со стадионом. Я же работала по сменам и не всегда могла пойти с ними, но иногда, конечно, ходила.

Куда бы мы ни переезжали, он сразу шел в редакцию местной газеты. Обязательно! И в Зеленокумске пошел. Редактор и Славик стали хорошими друзьями.

Проживая в Зеленокумске, Витислав решил готовиться к поступлению в литературный институт. Я боялась остаться на частной квартире

с ребенком одна. Во дворе злая собака, не очень дружелюбный хозяин-старик.

Славик понимал мои опасения и принял решение поступать заочно на юридический, в университет в Краснодар. Учился он шесть лет, стал юристом.

В Зеленокумске трудно было: нагрузка большая, летом во время уборки урожая надо было особенно требовательно относиться к соблюдению всех мер пожарной безопасности. Но он справлялся. Есть у него Почетная грамота Министерства внутренних дел, подписанная министром МВД СССР Н. Щелоковым за сохранение урожая 1973 года.

В это время я работала в роддоме, в детском отделении, а когда он поступил в университет, перешла в районную поликлинику, в хирургический кабинет.

Город Зеленокумск тоже оставил добрый след в его душе, а Витислав Ходарев оставил след в истории Зеленокумска. Так, он публиковался в районной газете, возглавлял местное литературное объединение. В честь города Зеленокумска он написал песню.

Казачьи песни до конца не спеть!

В.В. Ходарев

РАБОТАЛ ЖУРНАЛИСТОМ НА БАМе

Витислав Васильевич был романтиком. Он всегда все хотел увидеть своими глазами, прочувствовать сердцем и выразить в стихах.

Когда мы жили в Зеленокумске, он решил поехать на БАМ. Дочка у нас уже в школу ходила. По командировочному удостоверению Ставропольской писательской организации 1 августа 1974 года он выехал на Байкало-Амурскую магистраль в качестве журналиста. Он увидел воочию условия жизни и работы тех, кто строил магистраль, обживал те места. По возвращении оттуда у Витислава была масса впечатлений: привез много фотографий, столько рассказывал! Там он познакомился с бригадиром ставропольских строителей Сергеем Безгиным и написал о нем стихотворение «Ставрополец». После этой поездки Славик также написал стихи «Рождались домики», «В тайге», «Улицы березовых домов».

ЖИЗНЬ ШЛА ПРЕКРАСНО

В Ставрополь я не хотела переезжать. Как-то однажды я была здесь, и мне не понравилось. Но Славик сказал:

– У нас доченька растет. Там она в институт поступит, а тут, в Зеленокумске, что она будет делать? Уедет от нас. А так она будет учиться, и мы будем рядом.

В 1975 году переехали мы в Ставрополь. Здесь он работал в управлении пожарной охраны. Квартиру нам дали на 4-й Промышленной улице, за заводом автоприцепов. Месторасположение замечательное: чудный лес с опушкой неподалеку от нашего дома. Летом мы ходили в этот лес за опятами и кизилом. Витислав зимой ходил на охоту и без зайца почти никогда не возвращался. Мы дружили с молодой семьей Пшеничных. Купили лыжи и дружно ходили на них, и дочь наша с нами. Ларочка училась в средней школе № 42, а я от детской поликлиники № 1 работала в той же школе фельдшером – снова так, как наш папа хотел.

Жизнь шла прекрасно: работа, прогулки, стихи по ночам...

Потом мы получили двухкомнатную квартиру на улице Мира, и наши друзья Пшеничные в одном доме с нами. Дружба продолжалась.

В 1983 году Лариса вышла замуж, а в 1984 году родился внук Андрюша. Его папа в это время служил в армии, а потом учился в пожарно-техническом училище в Харькове. Лариса немного приболела, и заботы о малыше легли на бабушку и дедушку. Это трудно передать, с какой любовью и заботой дедушка занимался с внуком! Он рос очень развитым ребенком: начал рано ходить и говорить, и в этом большая заслуга дедушки Славика, который посвящал ему много времени и любви. Он покупал на рынке лучшие продукты, старался найти все самое свежее. В это время мы задумались о своей даче, чтобы овощи и фрукты для ребенка были свои. Так приобрели дачу в Полковничьем Яру. Там был небольшой домик, сад, кустарники, вода. Все было, и качели под яблоней! Дедушка носил Андрюшку верхом на шее, а когда внучок подрос, уже сам везде бегал. Ездили мы туда на троллейбусе. У нас в семье все всегда было хорошо, мирно, спокойно.

*Растет наш Ставрополь.
И нет его милей,
И с давних лет
в нем люди знамениты.
О, сколько в нем талантливых людей!
Да были бы таланты не забыты...*

**В.В. Ходарев,
отрывок из стихотворения
«Мой Ставрополь»**

ЛЮБИМЫЕ ДОЧЕНЬКА И ВНУЧОК

Как Славик относился к дочке, к внуку, а позже к правнуку – это не передать словами! Чтобы он был спокоен, я обязательно должна была всячески ими заниматься – и с Ларисой, и с Андреем потом. А уж с Андреем – так вообще! Дождался он мальчика, дочка угодила ему.

Лариса в детстве очень не любила фотографироваться. И он снимал кадры, как она убегает от фотоаппарата. А однажды нарисовал наш портрет: мы в саду сидим. Вообще он вроде бы рисовал Ларису, а я даже не знала, что он в этот момент и меня рисовал тоже.

А на снимке, где Лариса идет в первый класс, Славик сделал трогательную подпись: «Папа благословляет в школу доченьку Ларису».

Когда внуку Андрюше исполнилось пять лет, по просьбе деда я сшила ему военную форму. Вот надо ему форму сшить – и все! Сшили, только военные сапоги маленького размера нигде не могли найти. Славик водил его в этой форме к казакам, и Андрюшу там хорошо запомнил атаман Петр Стефанович Федосов.

Витислав продолжал много писать, продви-

гаться по работе. Он служил замполитом в Управлении внутренних дел. Позже нас «расширили», и мы получили квартиру на улице Доваторцев. Андрей жил с нами. К тому времени он уже заканчивал 10-й класс и готовился к поступлению в университет. Ходил в Дом детского творчества к профессору Вячеславу Михайловичу Головки, усиленно занимался, и его приняли в университет на исторический факультет без сдачи одного из экзаменов.

Перед каждой курсовой они с дедушкой ходили вместе в государственный архив, в архив милиции. Андрей собирал материал об участии ставропольской милиции в Великой Отечественной войне. Все пять лет учебы он писал работы на тему участия ставропольской милиции в боях при защите перевалов Кавказа и Приэльбрусья. Дипломную работу защитил на «отлично» в 2009 году. В Москве она была признана лучшей в России.

У Андрея при поддержке Совета ветеранов УВД вышла книга «Ставропольская милиция в 1941-1945 гг.».

Витислав Ходарев возлагал большие надежды на его дальнейшую работу в школе. Три года он работал в лицее № 35, дедушка написал слова «Гимна лицея № 35», а Андрей музыку. Этот гимн и сейчас исполняется на торжественных линейках!

БУДЕТ, КАК Я

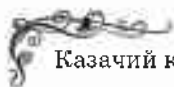
В 2012 году, 10 марта, родился наш обожаемый правнук. Его назвали Вячеславом, Славиком, в честь прадедушки, который в первый же день его рождения написал стихотворение «Кроха». И впервые за всю нашу жизнь Витислав Васильевич прослезился.

*Трудны дороги жизни – знаю это.
А сколь судьбой их будет рождено!
Тебе желаю, правнук, счастья, света,
Все воплотить, что Господом дано.*

Когда Славочка уже начал ходить, он бежал к прадедушке, пытался залезть к нему на диван, крепко хватался, а Славик говорил:

– Будет как я, ручки у него сильные!

Дай Бог, чтобы так и случилось... Я теперь молюсь за правнука, хоть бы и головка у него была светлая, как у прадедушки Славика.

Я ТЕПЕРЬ ХОДАРЕВ!

Так получилось, что муж нашей дочери ушел из семьи. И уходя, сказал:
– Андрей – полностью ваш.

Это было в присутствии самого Андрея, он к тому времени был взрослым, заканчивал университет. Внук после этого вместе с друзьями пошел и сменил фамилию отца на фамилию деда – Ходарев. Был праздник Рождества Пресвятой Богородицы, у нас гостили братья Витислава. И вдруг заходит Андрей с друзьями и говорит:

– Встречайте, у Ходаревых прибавилось в роду! Я теперь Ходарев.

Дедушка потерял дар речи. Я помню, как все поздравляли, а Славик долго молчал. Потом тоже поздравил и очень серьезно пожелал с честью нести эту фамилию. Ведь Витислав очень любил своего деда-казака, который воевал, любил отца, Василия Ивановича Ходарева – честного, смелого, умного человека! Для Славика собственная фамилия, свой род, предки всегда были большой гордостью.

К его отцу мы неоднократно ездили в Подгорное, еще с тех времен, когда жили в Красноводске, а Ларочка еще маленькая была. Потом, уже в Зеленокумск он к нам приезжал. Когда

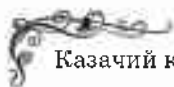
Василий Иванович умер, нам никто не сообщил, но мы нашли его могилу. Славик никогда его не забывал. Старшие братья отца не особенно навещали, а он ездил...

Довелось мне вместе с Витиславом Васильевичем Ходаревым побывать в его горячо любимой Лысогорке, где он познакомил меня с родными. Особо трогательно было наблюдать за его отношениями с супругой, это удивительная пара. Нежные и доверительные отношения между ними, несомненно, благотворно отразились на его творчестве.

Для меня до сих пор Витислав Васильевич являет собой образ настоящего казака, похожего на экранный образ Григория Мелехова и внешне, и внутренне – с его ярким горением на благо Отчества.

**А.В. Лихачев,
Терское казачье войско**

ЖЕНЫ СОХРАНЯЛИ ПАМЯТЬ

В Ставрополе Витислав организовывал Музей ставропольской милиции. Работая над его созданием, он много ездил по Ставропольскому краю, собирая материалы и фотографии. Посещал Москву – Центральный музей Министерства внутренних дел. Наверное, это была дань памяти отцу.

У Витислава вызывало восхищение то, что люди сохранили фотографии и вещи родных и близких, несмотря на то, что со времени Великой Отечественной войны прошло уже много десятилетий. Он обратил внимание, что в основном именно жены хранили все связанное с погибшими мужьями. Но были и такие женщины, которые ничего не сохранили на память, и о них он говорил с большим сожалением.

Я Витислава не подведу – все свято сберегу. Я хочу сохранить все, к чему прикасалась его рука. И не зря отец у него был милиционером: Славик все документы хранил, все вырезки – абсолютно. У него нигде ничего не валялось, все было в порядке всегда.

ЛЮБИМЫЕ ПОЭТЫ

Стихи Сергея Есенина он, наверное, наизусть все знал. Есенин был его самым любимым поэтом, а томик стихов – самая большая драгоценность в доме. Славик сам переплет сделал, когда этот томик пришел в ветхость. В нем все пометки сделаны его рукой, книга зачитана буквально до дыр.

Помню, как он играл на гитаре и пел «Письмо матери», «Заметался пожар голубой»... Наверное, сам музыку сочинял. Мои братья, Василий и Вячеслав, очень любили Славика, и как только мы приходили в гости, Вася первым делом говорил ему:

– Сыграй на гитаре! – И посылал внука за гитарой к соседям.

Славик никогда не рассказывал, как научился играть. Но у него был очень хороший слух, благодаря которому он и подбирал мелодии, и сочинял. Наш внук Андрей тоже играет на гитаре и поет, как дедушка.

В Красноводске Витислав по случаю купил небольшой бюст Есенина. Написал мне в письме: «Тоня, я купил бюст Есенина!». Это первое, что он купил, как только начал работать. И с такой радостью!

Еще Витислав очень любил поэзию Евгения

Евтушенко, Михаила Юрьевича Лермонтова. Не пропускал ни одной годовщины Лермонтова, много читал его, буквально все подряд и перечитывал снова по много раз. Он собирал о нем все публикации, вырезки из газет делал. Его руками все собрано в папки. Поэзию Александра Сергеевича Пушкина, конечно, тоже очень любил.

Он собирал и газеты, где сам печатался. А я не знала, и он мне ничего не говорил даже. Если б я сразу складывала их по годам, месяцам, записывала бы какие-то рассказы, впечатления... После его ухода я разбираю этот архив, вспоминаю многое и замечаю какие-то мелочи, на которые раньше просто не обратила бы внимания. Например, его пишущая машинка не выбивала букву «и» – ее плохо видно. Но это такой узнаваемый штрих...

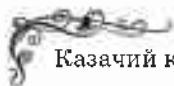
Ходарев всегда как-то по-человечески, не свысока общался с людьми. Казаки многое узнавали от него о своем историческом прошлом. В моей памяти он остался просветителем, хорошим рассказчиком.

**В.П. Емельяненко,
Терское казачье войско**

МАМА НЕВЕРОЯТНО ЛЮБИЛА ЦВЕТЫ

В июне 2002 года в станице Лысогорской случилось наводнение. Подкумок вышел из берегов и высокой волной дошел до середины станицы, до самого центра. Стихия затопила много домов, у Любви Михайловны, мамы Витислава, снесло кухню, залило колодец, и сама она едва не утонула. Хорошо, что сосед спас ее: буквально вынес на руках. Приютили ее у себя, переделали, а дом закрыли. Нам сообщили о случившемся, но Витислав не смог поехать – он ходил на костылях, сильно болела нога.

Но все мы выехали срочно на помощь. В станице живут мои братья, одного из них не затопило. Перевезли к нему, что можно было. Помогать приехали два брата Витислава. Маму еле довели в Ставрополь, очень боялись за нее. Здесь сразу сделали, что нужно, вызвали «скорую». Долго она отходила от этого события. Я ее лечила, делала внутривенные вливания, уколы по назначению участкового врача. Потихоньку ей стало лучше, и так она у нас прожила 7 лет, дожив до 95. Ее сыновья всегда приезжали к ней гости, не забывали, очень ее любили...

Когда ее не стало, Витислав сделал все, чтобы проводить маму в последний земной путь по православным обычаям. Мы похоронили Любовь Михайловну Ходареву на Даниловском кладбище в Ставрополе. Витислав приложил все усилия, чтобы ее последнее пристанище было обустроено как полагается: положил плитку, установил памятник, хорошую оградку. Мы всегда поминали и поминаем маму и всех наших родных. Его завещание нам, его наказ таков: чтобы мы не забывали наших умерших, посещали могилку мамы, следили там за порядком. И, конечно, мы все это делаем. Но не просто потому, что Славик так просил, а искренне, от всей души. Так хочется вспомнить ее добрыми словами благодарности. На протяжении нашей совместной жизни с Витиславом его мама была неизменно приветливой, доброй, спокойной, аккуратной и благодарной женщиной. Она много читала, причем без очков. Невероятно любила цветы. Дома в Лысогорской у нее был образцовый прекрасный цветник. И окно в ее комнате, когда она жила с нами в Ставрополе на улице Пирогова, тоже выходило на цветник, которым она любовалась.

ХРАНИТЬ ВЕЧНО ДЛЯ ПОТОМКОВ

Витислав полюбил Ставрополь. Особенно бульвар Ермолова, Крепостную стену и все исторические места города. Эту любовь он всей душой выразил в стихах «На Ермоловском бульваре в Ставрополе», «У памятника Коста Хетагурову в Ставрополе». Вообще очень любил историю, часто ходил в краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Он всегда подчеркивал, что историю нужно хранить вечно, для наших потомков. Так же, как и исторические памятники, как, например, Крепостную стену. Он с такой любовью написал стихотворение «Крепостная стена»!

Хорошо, что это отметили городские и краевые власти: там же, на Крепостной стене установили мраморную доску с словами, принадлежащими его перу:

«Память о казачестве бессмертна, подвиги казачества в сердцах».

И в свой последний путь Витислав Васильевич уходил по Ермоловскому бульвару. Я благодарна атаману Ставропольского городского казачьего общества Александру Борисовичу Печникову, всем казакам, кто провожал его по казачьим обычаям.

Благодарна Ирине Юрьевне Щербаковой, ре-

дактору газету «Казачий Терек» и составителью книги «Сказки седого Терека», которая на презентацию этой книги пригласила меня с внуком Андреем, вспомнила Витислава Васильевича добрым словом, подарила нам книгу.

Меня до сих пор волнует, почему он хотел на обложке своей последней книги «Земной поклон» изобразить казака в земном поклоне? Будто бы предчувствие у него было – поклониться всем и за все. Господу Богу за свою жизнь, людям, творчеству, казачеству – земной поклон! Вот такое было у него душевное состояние. Долго искал иллюстрацию и не мог найти. Однажды он пришел в редакцию газеты «Казачий Терек» к редактору Ирине Юрьевне Щербаковой, которая готовила к выпуску очередной номер с постоянной рубрикой Витислава «Казачий кладезь». И неожиданно увидел на экране ее компьютера иллюстрацию – как раз такую, какой она была в его мыслях. Ирина Юрьевна так и не поставила ее в газету, решили: пусть это полотно заслуженного художника России Дмитрия Александровича Шмарина станет обложкой к «Земному поклону» Ходарева.

Позже наш внук Андрей отыскал автора картины по телефону и помог дедушке получить его согласие. Когда книга вышла, Витислав отослал несколько экземпляров ему на домашний адрес. Получил ответ с добрыми словами.

За книгу «Земной поклон» в 2013 году Витислав Васильевич стал лауреатом премии губернатора Ставропольского края в области культуры имени Андрея Губина, после того как редакция

газеты «Казачий Терек» выдвинула Витислава Васильевича соискателем и ходатайствовала о присвоении ему звания лауреата. Это была его последняя прижизненная книга...

БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ ХОДАРЕВА

Решением Ставропольской городской Думы 30 сентября 2015 года № 756 библиотеке-филиалу № 6 Муниципального бюджетного учреждения культуры «Ставропольская центральная библиотечная система» присвоено имя поэта Витислава Васильевича Ходарева.

Это решение было принято по обращению к депутатам Думы инициативной группы, в которую вошли директор муниципальной Ставропольской городской централизованной библиотечной системы Таисия Петровна Гуляко, директор библиотеки-филиала № 6 Лариса Юрьевна Горчакова, сотрудники, читатели и поклонники творчества В.В. Ходарева.

С 1995 года он тесно сотрудничал и, можно сказать, творчески дружил с библиотекой. Участвовал во всех мероприятиях, юбилеях, литературных вечерах, встречах с учениками школы №13, военнослужащими 247-го Кавказского казачьего десантно-штурмового полка, студентами вузов и постоянными читателями. Многие из них были знакомы лично с Витиславом Васильевичем, хорошо знали его произведения. Своей любимой библиотеке Ходарев посвятил одно из своих стихотворений.

ДРУЖБА С ПОЭТАМИ И ПИСАТЕЛЯМИ

Витислав никогда не пропускал выступлений московских поэтов, когда они приезжали. И очень любил ставропольских поэтов и писателей, ценил их творчество, со многими его связывали самые теплые, многолетние дружеские отношения. Он бережно хранил все книги, подписанные авторами.

Когда Славик возглавлял Ставропольскую писательскую организацию, то часто говорил, как она богата талантливыми писателями и поэтами, так же, как сам Ставрополь – город талантливых людей. Только всех их нужно ценить при жизни, чтобы таланты не были забыты! Стихотворение «Мой Ставрополь» в этом смысле – зеркало его души.

Когда мы жили на улице Мира в краевой столице, к нам часто приходил Вадим Сергеевич Чернов, в Михайловск к нам приезжал в гости Виктор Андреевич Ярош.

Знаменитый поэт Игорь Романов дружил с нами всю жизнь, переписывался. Славик всегда отзывался о нем с большим уважением и самыми добрыми словами отмечал его честность, прямо-ту, добропорядочность.

*В.В. Ходарев и композитор
В. Чернявский, 1993 г.*

Александр Ефимович Екимцев (сейчас его имя носит краевая детская библиотека) – до того простой был человек, дальше некуда. Вот придет к нам в гости и так запросто общается! Очень он мне нравился, по-человечески. Александр Ефимович подписал свою книгу внуку Андрюше так: «Дедушка Туман». Екимцев и Романов были самыми большими закадычными друзьями Славика. Они дружили долго и хорошо, с Романовым вообще с тех пор, как мы поженились. Я знаю, что все они – знаменитые, известные люди, но в общении очень приятные, без всякой звездности.

В блокноте Славика есть записи о тех, с кем он работал, дружил и встречался, о ком он хотел

написать. Там перечислены Игорь Романов, Вячеслав Головкин, Александр Екимцев, Тимофей Шелухин, Петр Кривошеин, Владимир Дятлов, Герман Беликов, Александр Маслов, Владимир Чернявский, Александр Солженицын, Продрум Димов, Семен Бабаевский, Сергей Михалков, Лев Ошанин, Андрей Губин, митрополит Гедон, Расул Гамзатов, Вениамин Ащеулов, Иван Кашпуров и многие другие.

Витислав очень уважал и любил творческий коллектив газеты «Молодой ленинец». В свое время я не успевала много читать, некогда было: семья, работа, дача... Теперь восхищаюсь творчеством всех тех, кто был дорог моему мужу.

Особенно трепетно он относился к приглашениям на встречи со знаменитыми писателями и поэтами. В 1985 году в Москве он встречался с лауреатом Государственной премии СССР, членом правления Союза писателей СССР, заслуженным работником культуры Узбекистана, профессором Литературного института имени Горького Львом Ивановичем Ошаниным.

Встречался с Владимиром Гнеушевым в Москве, там же – с Сергеем Михалковым, причем у него дома. Это было 13 декабря 2001 года. Михалков тогда даже поздравил его с выходом со рока книг «Библиотека ставропольских писателей для школьников».

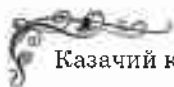
Так же для Витислава Васильевича были памяты встречи с Семеном Бабаевским, Расулом Гамзатовым, с Александром Исаевичем Солженицыным.

В 1997 году он был приглашен на торжества, посвященные 75-летию лауреата Государственных премий СССР и РСФСР, Героя социалистического труда Давида Никитича Кугультинова.

Для меня такие казаки, как Витислав Васильевич Ходарев, легендарны. В 1990 году мне было 23 года. Я хорошо помню то время, как все только начиналось. Помню Ходарева и Федосова молодыми, черноусыми. В то время казачество вновь обретало себя, и именно они подняли его на своих руках, вдохнули жизнь и, более того, дали казачеству мощнейший импульс, которым оно живет и сегодня. Это был период подлинной казачьей гордости!

И творческое наследие Витислава Ходарева не имеет цены, это наша классика. Его произведения живы, их обязательно нужно читать, помнить и знать следующим поколениям казаков.

**О.В. Губенко,
Терское казачье войско**

ПОЕЗДКА В БОЛГАРИЮ

Витислав Васильевич перевел на русский язык стихи 43 болгарских поэтов. Как председатель краевого отделения Союза писателей России обратился к писателям города Пазарджика с предложением возобновить утраченные отношения между писателями, наладить былые связи писательских Союзов и попросил выслать для переводов литературные произведения болгарских поэтов.

Болгарская сторона отозвалась быстро: 30 книг поэтов Болгарии были присланы в Ставрополь. В газетах «Ставропольская правда», «Родина», «Вечерний Ставрополь» появились первые публикации. В то время глава города Ставрополя Михаил Кузьмин профинансировал издание книги переводов «Слеза на ветру». Специальное научное ее исследование было сделано профессором, доктором филологических наук Вячеславом Михайловичем Головко. Добрыми словами отмечено издание в наших газетах «Московский комсомолец-Кавказ» и «Книжное обозрение», в болгарских газетах «Виделина» и «Болгарский писатель».

Витислав Васильевич стал Почетным членом Пазарджикской писательской организации

Союза писателей Болгарии и лауреатом премии Николы Фурнаджиева.

В 1999 году он посетил Болгарию. Местные писатели встретили его как дорогого гостя. Витиславу Васильевичу очень понравился город Пазарджик, он восхищался достопримечательностями, гостеприимством и радушием болгарского народа, хотя в то время там были проблемы с продуктами питания.

Помню, Ходарев в Колонном зале на Пушкинской улице в Москве читал свое стихотворение «Говорили мне: брось чудачества...». Читал это стихотворение Витислав Васильевич замечательно. Он, словно Владимир Маяковский, поднял руку, когда прочитал последние слова. И именно после последних слов все в зале встали и долго ему аплодировали.

П.С. Федосов,
первый атаман Ставропольского
краевого Союза казаков (1990 г.)

ЦВЕТНИКИ У ДОМА

Когда мы жили на улице Пирогова, 48, к нам часто приходила поэтесса Валентина Ивановна Сляднева (ее имя сейчас носит одна из ставропольских библиотек). Она жила на Пирогова, 46. Приходит, а Витислав сидит с Андрюшей. У него ноги болели, ходил с палочкой, хромал. Она старалась присматривать, «как живет Витислав Васильевич», общаться с ним как можно больше. Я ее всегда с удовольствием приглашала и принимала у нас. А однажды она зашла к нам, посмотрела на нашу квартиру и сказала (имея в виду, видимо, писателей):

– Хоть один из нас живет нормально...

Еще Валентина Ивановна вместе с нами сажала цветы около дома.

У нас была угловая квартира, и вот Витислав с Андреем разбили с двух сторон цветники, загородили, посадили липу, боярышник, он вырос аж до второго этажа. Мама Славика посадила орехи: просто положила в землю в рядок несколько штук, и они все взошли. Теперь они уже высокие. Сейчас там, наверное, никто за этими посадками не смотрит...

СВОЙ САД

Витислав всегда мечтал о собственном доме, саде, и он осуществил эту мечту. Я была с ним солидарна – так тянуло жить на свежем воздухе, надоели эти городские квартиры.

В 2009 году женился Андрей, и на следующий день мы уехали с Витиславом в Михайловск, оставив нашу квартиру внуку и его жене Ксении. В Михайловске у нас уже семь лет была дача. Ездил туда в основном Славик, посадил сад, фруктовые деревья, кустарники, калину, малину, рябину, кизил двух сортов – лесной и культурный. Надо было видеть наш сад: чего в нем только не было, и все сделано его руками! Дом там был старый, но кирпичный. Дети сделали ремонт, создали для нас все условия и удобства. Прожили мы в нем четыре года. Я посадила много цветов – и на улице, и в палисаднике, и в огороде. Потом Славик заболел, и он сказал:

– Я тебя здесь одну не оставлю. Давай про-
давать дом.

И нам пришлось его срочно продать. Я подумала, что если с ним что-то случится, то тоже не хочу оставаться там одна. Купили квартиру в Ставрополе в хорошем районе, рядом с

Парком Победы. Дети снова помогли сделать ремонт, установить всю необходимую мебель. Но прожил он здесь недолго, всего восемь месяцев...

Это, пожалуй, единственная детская награда, появившаяся с начала возрождения казачества в России. И ее идея принадлежит Витиславу Васильевичу Ходареву. «Казачонок Кавказа» был придуман им для молодой подрастающей смены казаков, живущих на Северном Кавказе. Он хотел, чтобы дети с младых ногтей понимали

свою принадлежность к казачьим корням и культуре, чувствовали гордость и ответственность за ношение этого знака. Изображение мальчика в папахе и черкеске на фоне горных хребтов и солнца, – как символ прекрасного будущего.

Первоначальное описание награды, увы, утрачено. Во время подготовки этой книги оно было восстановлено по оригинальному знаку. Эту награду при жизни поэта получили сотни терских ребят. Награждения происходят и сейчас, но уже в основном только в станице Лысогорской.

ПО ТРОПИНКАМ ДЕТСТВА

Станица Лысогорская – это большая и светлая, совершенно особая страница нашей жизни. В отпуск мы всегда ездили в свою любимую, родную Лысогорку. Там отдыхали душой! Его тянуло туда, он так любил свою родину, ходил по всем местам детства, где когда-то жил и рос.

С самого детства, с беготни с друзьями, он знал все тропинки в родной станице. Там был родник «Копытце», о котором он мне много рассказывал.

И еще там была бойня, недалеко от того места, где они с мамой жили. Он как-то написал стихотворение про лошадь, которую ведут на бойню. Этот случай остро запомнился ему в детстве.

Но Лысая гора – это его звезда! Он посвятил этому месту очень много упоминаний в своих произведениях. Хотя я родилась в Лысогорской и с подругами ходила за чабрецом, но на вершину Лысой горы мы не поднимались, ходили только у подножья. Старинную казачью «Легенду о Тюле» (драконе) я с большим интересом прочитала в книге «Сказки седого Терека». Однажды Славик сфотографировал Лысую гору с облаком, поразительно похожим на очертания дракона, того самого Тюля.

Самыми большими его драгоценностями были томик Сергея Есенина, фотография поэта, книги, написанные им самим, и еще фотография Лысой горы с тем самым облаком.

Любил Витислав сходить и на речку Подкумок, где ловил рыбу, где раньше жила его первая любовь, дорогие сердцу соседи...

Витислав Ходарев заложил казачеству крепкий фундамент: и в крае, и в своей родной станице Лысогорской. А как он любил казачью черкеску, с каким вниманием относился к деталям! С какой гордостью ее носил, ни на йоту не отступая от традиции: все сверял со старинными фотографиями. Особенно подмечал, как следует правильно носить награды, порядок и очередность.

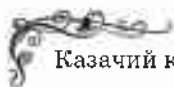
А.Н. Фалько,
атаман Ставропольского
казачьего округа (2008-2012 гг.)

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Стихотворение «Королева станичная» он посвятил своей первой любви к девушке. Ее звали Лида Чернышева. И первую книжку стихов «Горсть снега» он посвятил ей. Славик с мамой и братьями жили в переулочке, а чуть дальше пройдешь – и речка. Очень хорошее место, Славик всю жизнь вспоминал его. А она где-то напротив жила, чуть дальше, он знал ее с детства. В семье у них было трое детей. В юности она уезжала куда-то, в Шую, кажется, работала на фабрике, потом приехала. А Славик ушел в армию. Потом он из армии вернулся, они встретились, уже снежок пошел. Это он мне сам рассказывал. О той встрече он написал стихотворение «Горсть снега».

Однажды, когда мы уже поженились, Лида вызвала врача на дом. Я пришла, послушала, выписала назначение и ушла. Мне кажется, она хотела просто посмотреть на меня, но ничего не сказала ей. Потом она поступила в медучилище на вечернее отделение и закончила его. Я слышала, что она работала медсестрой в Железноводске.

Эти юношеские чувства были для Славика ярким источником творческого вдохновения, образом своей станичной юности, который он воплощал в стихах.

Я поначалу ревновала, конечно. Но ведь и мне он посвящал много и тоже ревновал меня. Я никогда не сомневалась в нашей любви. Сколько Славик мне писем писал! Например, когда я уезжала в Лысогорскую с дочкой:

«Скорей приезжай. И скучай побольше, чтобы на много десятков лет запомнилось...».

«Первое суровое, ревнивое расставание... Я жду тебя, скучаю...».

Однажды я ему журавлика подарила, светящегося. И он мне написал:

«Ночью смотрю на журавлика и вспоминаю тебя. Прилети, мой журавлик, сойди ко мне с фотографии...».

Тогда я только родила дочку, а он меня ждал. Конечно, у нас были очень хорошие отношения, до последнего дня. Он никогда, ни разу меня не обидел! Ни он, ни его братья, никто.

В одном из стихотворений он написал мне:

*Мы прошли с тобой дорогу длинную,
Время никогда не торопя.
Если вновь искал бы я любимую,
Все равно нашел бы я тебя.*

*Портрет любимой жены Антонины.
Рисунок Витислава Ходарева*

РОДИЛА ТРЕХ ГЕРОЕВ СТРАНЫ

Часто приезжали к нам в гости в Ставрополь казаки из станицы Лысогорской. Славик очень много работал в краевом архиве, искал материалы о ней, так как были разные и противоречивые сведения о постройке церкви, переселении казаков. Приезжая туда, он шел в школу, встречался с учителями, директором школы, с юными казачатами из казачьего класса. Витислав Васильевич передал этому классу бюст генерала Алексея Петровича Ермолова, который ему сделал в подарок скульптор Николай Федорович Санжаров. Мой муж хорошо дружил с ним и художником Павлом Моисеевичем Гречишкиным. А бюст генерала долго стоял у нас дома, пока Славик не решил передать его в казачий класс.

Он посвятил родной станице сборник стихов «Лысогорье мое», и на эти стихи была написана музыка Александром Масловым, Валерием Кушнаревым, Алексеем Роциным и другими композиторами. В последние свои годы, буквально за десять дней до ухода от нас, Витислав написал гимн станицы Лысогорской. На музыку его стихи положил Александр Сергеевич

Столбовский, бывший председатель сельского совета, певец, композитор.

Витислав Васильевич гордился своей станицей. Такая небольшая по количеству жителей, Лысогорская родила стране трех Героев Советского Союза! Он очень переживал, что их память не была увековечена. Потом нашел Василия Никоновича Толстова, Героя Советского Союза, и переписывался с ним, а потом написал о нем поэму «Высота Толстова». Василий Никонович так на всю жизнь и остался неграмотным или малограмотным, и письма писала его дочь под диктовку.

В 2015 году осуществилась мечта Витислава – в станице Лысогорской увековечили память Героев Советского Союза. В честь Василия Толстова названа улица. Имя Василия Николаевича Потапова носит средняя школа № 16. Именем Владимира Николаевича Шошина названа улица.

Помнят в станице и его самого. Он стал почетным жителем Лысогорской. Звание «Почетный житель» присвоено решением Совета депутатов муниципального образования станицы Лысогорской Георгиевского района от 07 июня 2013 года № 33-5.

Об этом ему сообщили по телефону за 10 дней до ухода из жизни, в 2013 году, и сказали, что вместе со званием почетного жителя ему вручают медаль. Для него это признание имело большое значение, конечно же, ему было очень приятно.

В день Рождества Пресвятой Владычицы нашей и Приснодевы Марии 21 сентября отмечают День станицы Лысогорской. Этот праздник начинается со службы в храме. В этот день проходят Ходаревские чтения: в Доме культуры исполняются песни из сборника «Лысогорье мое». Казаки в этом принимают самое активное участие.

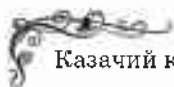
В начале 1990-х годов Витислав Ходарев всегда присутствовал на совещаниях, где разрабатывалась правовая база для деятельности казачества. Перед принятием первого Положения о казачестве в Ставропольском крае состоялась торжественная встреча, на которой дети из казачьих семей вручали депутатам платочки. На каждом детском руками были вышиты слова с добрыми пожеланиями, благодарностью: «Спасибо вам!», «Слава Богу, что мы казаки!». У меня также хранится такой платочек, и я с теплотой вспоминаю то время и присутствие в нем Витислава Васильевича.

**А.Я. Месечко,
Терское казачье войско**

ВАЖНАЯ ГЛАВА ЖИЗНИ

Время возрождения казачества для Витислава Васильевича Ходарева – время особое, большая и очень важная глава его жизни. Конечно же, кровь звала, он всегда знал, какие у него корни, что его предками были казаки. Настал момент в истории страны, на который истинный родовой казак, поэт Ходарев не мог не откликнуться всей своей душой.

Витислав много читал исторической литературы о казачестве, осмыслял его историческую роль и трагедию. Я его, честно говоря, всегда удерживала от участия в казачьих делах, потому что опасалась за его жизнь. Витислав до конца дней своих вспоминал истинного казака, атамана Александра Подколзина, погибшего от рук студента-ингуша в светлый праздник Пасхи. Я очень переживала, боялась за Славика. Подколзин у нас бывал не раз, с женой в том числе. И Славик к нему ездил в Сунжу. Они сидели на кухне, долго и тихо беседовали, но я не вникала в эти разговоры. А уж когда его убили... Это было огромное потрясение, горе... Одна женщина знакомая, которая семью Подколзиных хорошо знала, приходила с ребенком к нам в поликлинику. И она часто со мной общалась на эту тему. Я была напугана

и не хотела, чтобы он занимался возрождением казачества. Я была против, хоть и понимала, что это для него святое. В те годы не воспринимали казаков так, как сейчас: не понимали, зачем они возрождаются, для чего?

Я никогда от него не слышала отрицательных оценок казачества. Всегда, когда они ездили на круги, сходы, выезжали в Новопавловку, он возвращался из этих поездок в хорошем настроении, в воодушевлении и никогда не критиковал и не ругал казаков!

В 1992 году Витислав Васильевич организовал центр пропаганды истории и культуры казачества и возглавил его. Своей литературной, общественной деятельностью и личной преданностью казачеству он внес неоценимый вклад в историю его становления и развития в Ставропольском крае и России.

Помню, как он в Цхинвал ездил со ставропольскими журналистами и казаками. Тяжело переносил новости о происходящем, рвался туда. Как только там все немного стихло, поехал прямо в свой день рождения 19 сентября 2008 года. Какие страшные вещи он потом рассказывал, даже не хочу вспоминать. Он все пропускал через свою душу. Под впечатлениями от этой поездки он написал три стихотворения «В Цхинвале», «Птичий зов», «Танцы в Цхинвале». На обратном пути в Ставрополь он уговорил делегацию заехать на родину Коста Хетагурова в аул, где он родился и жил. Из аула Коста Хетагурова он привез два камня на

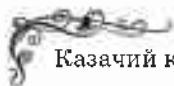
память – серых, с темно-серыми прослойками и просил меня их хранить. Я передала дочери Ларисе на память.

Ездил он с писателями и в Приднестровье, когда там было беспокойно.

В нашей станице Лысогорской Витислав Васильевич Ходарев провел детство и юность. А в более поздние годы всегда приезжал. Особенно много он встречался с детьми в школе, старался передать им память о казачестве, о предках. Мы помним его. Каждый год, в день его рождения 19 сентября, в нашей станичной школе проводятся традиционные Ходаревские чтения, посвященные памяти нашего казачьего поэта.

А.Н. Дубенцев

КАЗАЧИЙ ПОЯС

Это легендарный казачий пояс, прошедший бои в Турции... Витислав им так дорожил! Этот пояс ему передал муж моей родной тети, дедушка Харитон Семенович Алейников. Дедушка его дарил с таким наказом:

– Ты смотри! Береги его!

И Славик берег.

Витислав с ним очень дружил, расспрашивал про Первую мировую войну, в которую сражались с Турцией:

– Дедушка, как турок били?

А тот отвечал:

– Да как их били? Шашкой раз – пополам!

Без дедушки Алейникова ни одно застолье не обходилось, он всегда пел, и конца-края не было тем песням. Он вообще большое влияние оказал на Славика, который всегда помнил о своих казачьих корнях.

Харитону Алейникову был 101 год, когда он умер в 1994 году. У нас сохранилась запись его голоса: Харитон Семенович до конца дней своих очень хорошо пел – песни казачьи, длинные, старинные! Это что-то невероятное было! Один ставропольский собиратель песен поехал к нему, а дедушка уже тяжело болел, но все равно, из последних сил напевал.

Витислав носил этот пояс всю жизнь, до последнего. Каждое воскресенье надевал белую рубаху, длинную, а сверху казачий пояс. И сразу весь распрямлялся, становился таким торжественным! А когда ездил в Цхинвал, то в спешке забыл пояс дома. Сборы в поездку были очень быстрыми, ранними. Я очень переживала, когда увидела, что он его случайно позабыл...

Говорили мне:

– Брось чудачества,

О другом постарайся петь.

В прошлой жизни теперь казачество,

Мол, его-то и не узреть.

Так ли это?

Не спорю. Истина

О другом говорит порой.

Вот мы пояс казачий пристально

Рассмотрели опять с тобой.

Сохранили.

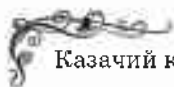
И этим гордые.

Он остался из давних дней.

Как зовут нас откосы горные

Громким ржаньем гнедых коней!

В.В. Ходарев,
отрывок из стихотворения
«Казачество»

НАСТОЯЩИЙ АЗАРТ

Витислав по своей природе был коллекционером, к чему активно приобщал и внука Андрея. Коллекционировали они значки на пожарную, спортивную тематику, с изображениями городов и другие. Значки меняли во Дворце профсоюзов, там собирались городские коллекционеры. Вообще, Витислав не любил настольные игры – ни шашки, ни шахматы, а вот если ему хотелось какой-то значок, вот тут появлялся настоящий азарт! Он был готов в лепешку разбиться, но достать. С Андреем они собрали два альбома марок. Собирали они и авторучки известных людей – писателей, поэтов, политиков. В коллекции, например, есть ручки, подаренные С. Бабаевским, Г. Немченко, В. Гнеушевым, Г. Шумаровым, Г. Беликовым, митрополитом Гедеоном, В. Озеровым, В. Говорухиным, Г. Зюгановым. У всех, с кем доводилось встречаться в жизни, он просил на память авторучку. Витислав мечтал создать музей писательских авторучек в городе Ставрополе.

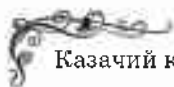
Его страсть к коллекционированию выразилась и в сборе, обобщении народной мудрости, фольклора. Он всю жизнь собирал пословицы и поговорки о казаках, казачках, атаманах. Есть в записях и его личные интересные изречения. Неслучайно, конечно, его книга «Станичные су-

еверия» была отмечена литературной премией им. С. Бабаевского и была признана самой занимательной и красивой книгой по краеведению.

Памятно и его поэтическое повествование «Городской атаман», которое он посвятил первому атаману Ставрополя Виктору Алексеевичу Есаулову, он посвящал свои стихи и первому атаману Союза казаков Ставрополя Петру Стефановичу Федосову.

Казаки поколения Витислава Ходарева могли похвастаться не только своими корнями, происхождением — они несли в себе истинный казачий дух! Это была в большинстве своем интеллигенция самого высокого порядка: писатели, поэты, ученые, медицинские работники, инженеры.

О.В. Губенко,
Терское казачье войско

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ПАТРИАРХА

В 1996 году Витислава избрали депутатом городской Думы Ставрополя (ранее в 1990 году его избирали народным депутатом), тогда существовал отдел культуры, вопросами которой он и занимался по думской работе. В кураторском ведении этого отдела тогда находились и церковные дела. И Витислав очень подружился с Владыкой Гедеоном. С архиепископом у него было много дел, фотографии общие остались. Это общение вдохновляло его на духовное творчество. Он описал в поэме житие святого Игнатия Брянчанинова.

Потом написал духовный гимн казачества, который был благословлен Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II. Духовный гимн — это вообще беспрецедентный случай в истории казачества.

Славик ходил в церковь в Ставрополе и всегда, как только приезжал в станицу Лысогорскую, обязательно и там шел в храм Покрова Божией Матери: жертвовал, поминал ушедших родственников, своих и моих. Надо сказать, что он не афишировал это, даже я не знала. Однажды сказал:

— Я молча это делаю.

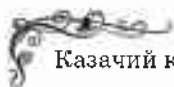
Конечно, за 51 год совместной жизни я никогда не слышала от него ни одного нецензурного слова. Я верю, что православный человек никогда не нарушит божьего закона. Однажды я узнала, что Славик даже сам написал молитву! Но об этом он со мной никогда не говорил.

Когда умер Владыка Гедеон, его похоронили в церковной ограде, и Славик как-то сказал, что всегда, идя в храм, ставит свечу ему на могилу. Когда Витислав ушел, я сильно заболела и долго не поднималась, почти не ходила. Я много размышляла о его отношении к вере, Владыке Гедеону... И решила, что теперь я за него буду свечку ставить на могиле Владыки...

ОБРЕЛ ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Духовный гимн казачества в 1990-х годах написал терский казак и известный поэт Витислав Васильевич Ходарев. Музыка на его стихи сочинил кубанский казак и композитор, заслуженный деятель искусств России Владимир Чернявский, а позже гимн получил благословение митрополита Ставропольского и Бакинского Гедеона и Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II.

100 кассет разошлись по казачьим обществам Ставрополья, но с тех пор изменилась техника, и кассеты ушли в прошлое.

И вот, наконец, появилась долгожданная аудиозапись гимна на современном носителе. По благословению Архиепископа Ставропольского и Владикавказского Феофана вышел замечательный диск под названием «Когда мы были на войне». В сборнике, кроме духовного гимна казачества, имеется еще одиннадцать песен времен Великой Отечественной войны: «Смуглянка», «Катюша», «Баллада о солдате», «День Победы» и другие. Среди них и две известные казачьи песни – «Не для меня» и «Когда мы были на войне».

Подготовка диска проходила около года, с тех пор как Витислав Ходарев лично обратился к Владыке с рассказом о судьбе духовного гимна казачества, и пастырь благословил начинание. Символично, что гимн теперь исполняется будущими священниками, которые вскоре уйдут служить в приходы станиц, духовно поддерживать казаков.

Над песнями несколько месяцев работали два высокопрофессиональных хора Ставропольской духовной семинарии: Братский хор под управлением священника Сергея Рыбина и женский хор Отделения Церковных искусств под управлением Ирины Афанасьевой.

– Запись шла в Тронном зале Епархиального управления Ставропольской и Владикавказской епархии, – рассказал Витислав Васильевич, – там удивительная акустика. Некоторые песни были творчески переработаны в переложении специально для исполнения церковными хорами.

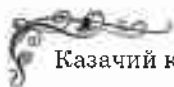
Слушая диск, испытываешь особое духовное согласие, ведь он уникален в наше заметно бездуховное время.

Задумка казачьего поэта идет еще дальше. Он хотел бы, чтобы такой диск обязательно попал в каждый православный приход, в каждое казачье общество ТКВ и в другие казачьи войска России.

– После выхода диска я встречался с архиепископом Феофаном, – отметил Ходарев, – он дал ему высокую оценку и рекомендовал к исполнению на казачьих мероприятиях. Такое же мнение у войскового атамана. Василий Павлович поддержал мою идею копирования диска для того, чтобы гимн и эти вечные песни вновь обрели силу и второе рождение.

Витислав Васильевич говорит так о диске не потому, что на нем записано его произведение. Он верит, что людям сегодня нужна чистая и настоящая музыка, песни о великом духе нашего народа. Через них в души обязательно вернется благодать, а сердца получают сильный импульс для духовного пробуждения.

**Из газеты «Казачий Терек», 2010 год,
автор заметки Ирина Щербакова**

СЕМЕЙНЫЕ ИКОНЫ

Наша главная семейная духовная реликвия – Владимирская икона Божией Матери. Это особая икона для всей России – самый первый образ Пресвятой Богородицы, написанный Евангелистом Лукой на доске от того самого стола, за которым трапезничал Спаситель с Пречистой Матерью и праведным Иосифом. Настоящую икону Юрий Долгорукий получил в дар от патриарха Царьграда ХризOVERха (прежде образ был привезен в Константинополь из Иерусалима) и поместил ее в Вышгородском монастыре под Киевом. Сын Долгорукого, Андрей Боголюбский, перевез Владимирскую икону из Вышгородского монастыря во Владимир, там построил великолепную церковь и при ней учредил монастырь, ворота там поставил такие, как в Киеве: золотые и серебряные.

Маму Славика выдавали замуж и благословляли этой Владимирской иконой. Она расшита и так красиво светится ночью. В доме мамы она всегда стояла, убранная цветами. И когда Любовь Михайловна к нам переехала, то привезла ее с собой и поставила в своей комнате. Со временем старенькие цветы уже совсем поблекли, и я ее украсила уже сама.

Икона Спасителя принадлежала моей ба-

Вычислено Кизирин

Спаси и сохрани
+ Мир
28-9/2
Седохи

Спаси и сохрани

(Молитва)

Спасибо, Боже, Отче наш всеславный,
за возрождение храмов на Руси.
Я этого молитвой православной
"Молод теби - Отечество спаси."

Спаси, Господи, и разум наш, и силу,
Свягую Русь спаси от зла и лжи,
Спаси ты, Отче, грешную Россию,
И правый путь России укажи.

Спаси, Господь,
вселепных от бесчестья,
Молитву эту тихую прими.
Спаси, Господь,
людей от мракобесья,
И на дела благие и разуми.

Спаси, Господь, Россию от каварства,
Любовь и Веру в души нам верни.
Спаси нас от смутянетва и лукавства,
Молни тебя: «спаси и сохрани.

бушке Марфе Алексеевне. Она дважды ходила в Киевскую Лавру паломницей. Один раз пешком, а второй раз на перекладных. И оттуда эту икону привезла, так что ей больше ста лет, оклад очень старый у нее. А царапины образовались при переезде из Лысогорки. Хотя я сама не понимаю – как? Везла ее в руках, положив на колени, в машине. Принесли ее в комнату, а она стала портиться. Так этот переезд повлиял.

Икона святого Сергия Радонежского попала к нам от тети Славика. Она жила в Подгорной, у нее было очень много старых образов, хороших, ценных. Как-то ночью забрались к ней грабители, толкнули ее так, чтоб она не встала. Долго она болела потом. А они все забрали! Одна только вот эта иконка осталась. И после тетиной смерти родные нам ее подарили.

Икона святого Праведного Иоанна Воина памятна казачеством. Подарил ее нам первый атаман Ставропольского городского казачьего общества Виктор Есаулов. Он рассказал, что у его родителей тоже было очень много икон, они даже во время Гражданской войны их прятали.

Икона Божией Матери «Знамение» всегда находилась у нас со Славиком в спальне. К сожалению, мы так и не повенчались с ним. Однажды знакомый лысогорский батюшка подвез нас, когда мы ехали со Славиком в Пятигорск. Было два священника в машине, и они оба нас благословили. Мне очень запомнился этот момент. Надо было бы повенчаться. Раньше Славик был

партийный, нельзя было рисковать, веру прятали глубоко в душу. А потом... не сложилось как-то. Жили семьей, очень любили друг друга и берегли.

Когда мы женились, то колец у нас не было. И вот спустя много лет Славик вдруг сказал:

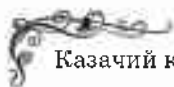
– Пойдем в ювелирный магазин, я хочу купить тебе красивое обручальное кольцо.

Мы выбрали, и он надел мне его на палец.

Это был человек исключительно творческий и при этом огромный патриот Ставрополя. Когда он говорил о родине, возникало ощущение, что он не может надыхаться воздухом родных станиц.

**А.В. Лихачев,
Терское казачье войско**

ВЫБОР В ПОЛЬЗУ СЕМЬИ

Я расскажу один случай. Когда была война в Афганистане, Витислава хотели направить туда, или он даже сам просился.

Я – в слезы:

– Как же так? Дочка маленькая, ты там! Да не дай Бог с тобой что-то случится!

В общем, я его умоляла, просила. В тот момент приехал из Ессентуков добровольцем мужчина, который работал в пожарной охране, и я попросила:

– Пожалуйста, поменяйся с ним, пусть едет по твоему направлению.

И Славик остался. Выбрал в пользу семьи. Все-таки он послушал меня, хотя это был трудный для него выбор.

Тот мужчина вернулся живой, ему сразу дали высокое звание, полковника, кажется. И Славик мне сказал:

– Вот, ему уже полковника дали, видишь?

А я ответила:

– Не надо мне полковника, генерала, лишь бы ты был жив и рядом...

ВСЕГДА ВМЕСТЕ, А НЕ РЯДОМ

*Последнее интервью поэта,
газета «Казачий Терек»,
беседовала Ирина Щербакова
июль 2013 года*

Хочу рассказать об одной очень интересной страничке из жизни Витислава Васильевича Ходарева. Такие темы не часто поднимаются публично, но в июле 2013 года мне удалось поговорить с поэтом и на тему любви. Символично, что мы встретились в день святых Петра и Февроньи, покровителей семьи и брака. И мой рассказ о замечательной супружеской паре: терском казаке Ходареве и его жене Антонине Александровне, которые были вместе 51 год. Именно вместе, а не просто рядом...

ЗАПОМНИЛСЯ ХОЛОДЕЦ

Когда они были молоды, он называл ее Тосенька, Тосюрка, Тонечка. И сейчас, когда прошло уже более полувека совместной жизни, Витислав Васильевич продолжает так

же ласково называть свою жену. И он очень хорошо помнит тот вечер, когда впервые увидел ее.

На пороге стоял 1962 год. Витислав с друзьями пришел на танцы в колхозный Дом культуры станицы Лысогорской. Играла музыка, кружились пары... У приглашенной им девушки были великолепные волнистые волосы и добрая улыбка. Они танцевали вальс «На сопках Манчжурии». Но тогда молодой Ходарев еще не знал, что именно эта зеленоглазая девчонка станет его спутницей на всю жизнь.

– Я пригласил всю компанию к себе домой, чтобы отметить Новый год, – вспоминает Ходарев. – Мы пришли, разбудили маму и стали праздновать.

Был накрыт скромный стол, но все приготовлено хозяйкой с душой, а потому имело замечательный вкус. Антонине Александровне особенно запомнилось «холодное», то есть холодец, который подала гостям будущая ее свекровь.

ДВЕ СВАДЬБЫ

Буквально через пару месяцев парень уже заговорил о свадьбе, и девушка ответила согласием.

– Мы совсем недолго встречались, – вспоминает она. – На новый год познакомились, а в марте Славик уже говорит: «Давай поженимся!».

*Братья Витислав и Виктор играли свадьбу
в один день, весна 1962 года, в центре –
мать Любовь Михайловна Ходарева*

В этот момент нашего разговора Витислав Васильевич не удержался:

– Это ей кажется, что мы недолго встречались, а мне кажется, что очень долго, – он хитро улыбается и добавляет: – Ведь идти к ней нужно было три километра, а потом еще назад столько же, поэтому мне кажется, что я очень долго ходил.

В то время играть свадьбу по казачьим традициям все еще было невозможно. Люди продолжали всячески скрывать свою принадлежность к казачеству, поэтому свадьба Тони Ефимовой и Витислава Ходарева была ком-

сомольской. Но все-таки она была не совсем обычной.

– Было два жениха и две невесты, – рассказывает Антонина Александровна. – Одновременно с нами женился и старший брат Славика.

Невеста Тоня переживала, ведь будущая ее сноха – городская девушка, приехала в таких модных туфлях, в коротком платье... Ну как она сама будет выглядеть на ее фоне в скромном венке из белых цветов с традиционной фатой и, конечно, в длинном до пола платье? Но все-таки обе они были красавицы! И этот момент сохранила семейная фотография, на которой изображены обе пары и мать Витислава Васильевича.

Как здорово, что есть альбомы в казачьих семьях – именно они хранят бесценные воспоминания...

ИЗ ЛЫСОГОРСКОГО ГНЕЗДА

В квартире Ходаревых идеальный порядок – честь и хвала хозяйке! Накрывая стол к чаепитию, она волнуется, что гостю покажутся недостаточно красивыми ее чашечки и сахарница. Она смущенно извиняется по этому поводу. Но разве важна посуда, если хозяйка с улыбкой подает блюдо с тортом или любезно предлагает конфеты? Главная черта женщины-казачки – это гостеприимство, и я еще раз убедилась в том, что терчанки владеют этим приемом в совершенстве.

*Мама В.В. Ходарева Любовь Васильевна
со своими родителями, примерно 1919 г.*

Мы продолжаем разговор, и я узнаю удивительные вещи. Оказывается, предки молодых переехали в Лысогорскую из станицы Подгорной и, возможно, даже знали друг друга.

– Как мне бабушка рассказывала, здесь все было в камышах, – вспоминает Антонина Александровна. – Река разливалась, и все затапливало. В то время Подкумок был многоводным. Несколько казачьих семей обосновались в верхней части, где было сухо. В общем, я – потомственная терская казачка по линии Евсюковых-Ефимовых. Практически все семьи у нас были многодетными, имели свою землю и занимались ее обработкой.

Корни жениха тоже идут в Подгорную.

– Это нас еще больше сроднило, – говорит Витислав Васильевич, показывая старинную фотографию в рамке. На ней изображены его дед с бабушкой и мама, где ей примерно лет шесть. Теперь этот снимок можно считать уникальным, время сделало его бесценным. – Так что мы – настоящие терские казаки, и даже воспитывались в одном гнезде, лысогорском, по казачьим законам. И сегодня мы каждый день вспоминаем своих предков. Бабушка у Тони была очень интересная женщина – трудяга, воспитавшая столько детей! Она по-настоящему веровала в Бога, она пешком ходила в Киево-Печерскую лавру и обо всем рассказывала внукам и детям. Через эти рассказы укреплялись наши отношения, и строилась крепкая семейная основа.

Священник, живший напротив, благословил молодых на счастливую совместную жизнь. И, несмотря на то, что отец Ходарева был партийным работником, а сам он секретарем комитета комсомола в колхозе «Советская Россия», в их доме всегда было место для иконы. И сегодня хозяйка показывает мне драгоценные святыни:

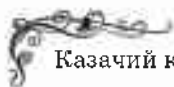
– Вот эта иконочка «с гроба Господня», пригильница мне дала. А этот крест из Иерусалима Славику митрополит Гедеон подарил. Это я ему такое вот обрамление сделала...

СЫНА ЗАМЕНИЛА ДОЧЬ

Более чем 50 лет вместе – это большой отрезок времени, но, по словам Ходарева, все прошло как один день.

– У нас одна судьба на двоих, и все эти годы мы были не просто рядом, а именно вместе. У нас постоянно случаются радостные моменты в жизни, но самый главный – это, конечно, рождение дочери...

Когда в молодой семье ждали ребенка, то будущий отец, как водится, мечтал о сыне. Антонина уехала в Лысогорскую, а сам Ходарев оставался в Красноводске, куда их забросила судьба в то время. Он работал в редакции одной из газет, и уже было сверстано его стихотворение в честь сына, но... Он вдруг получает телеграмму, что родилась девочка. Успокоенный коллегами, в волнении он уходит домой и пишет другое стихотворение, ко-

торое посвящает своей любимой жене Тосеньке, подарившей ему дочь:

*Я сегодня день рождения славил,
Я ходил в волнении всю ночь,
Самым первым я тебя поздравил,
Самым первым я спешил помочь.
И как все смущенные мужчины,
Я взгрустнул, преодолевши ночь,
Я узнал, что день рождения сына,
Заменяла крохотная дочь.
Все равно в пример хороших правил,
Я цветы от счастья теребил,
Самый первый я тебя поздравил
И еще сильнее полюбил.*

Читая эти строки, Витислав Васильевич и сейчас не может сдержать слез – так же, как много лет назад, когда он стал отцом.

– Но зато дочь угодила, – сообщает он. – Она родила нам внука Андрея. – И с гордостью добавляет: – И он взял фамилию Ходарев! А недавно родился и правнук – Вячеслав Ходарев!

...Возвращаясь в те прошлые дни, Антонина Александровна вспоминает, как муж встречал ее в аэропорту с новорожденным ребенком.

– Мы прилетели, и он сразу же захотел на нее посмотреть. Я говорю, мол, погоди, сейчас приедем домой... А он: «Нет, я сейчас хочу!». Нашел столик прямо в аэропорту, развернул одеяльце, посмотрел, и только тогда мы поехали домой. Дома опять положил сверток на стол, снова развернул, снова посмотрел...

8 июля 2013 года, г. Ставрополь

ОДИНАКОВЫЕ ГЛАЗА И УЛЫБКИ

Отяжелых периодах жизни нелегко вспоминать, но я все-таки решилась спросить о том, какой момент в жизни они считают самым трудным.

– Это потеря наших родителей, и мы вместе это преодолевали, – говорит Ходарев, вздыхая и отводя взгляд в сторону, чтобы я не увидела снова предательски блеснувших слез. – Было очень тяжело терять наших матерей. Мы никогда их не бросали в одиночестве, они всегда были с нами,

мы их кормили-поили, поддерживали, лечили, когда они болели. В общем, до последнего делали все, что требовалось.

Эти годы, что мы вместе, нам было так тепло и так хорошо, но так быстро все прошло, что мы и не заметили, будто всего один день проскочил. Мы всегда старались хранить уважение друг к другу, единство мышления, заинтересованность. Я никогда не скажу, что моя жена не давала мне работать или учиться, что она не давала мне простора в моих идеях и увлечениях. И, конечно, в том, что моя жизнь сложилась так благополучно, что я сумел что-то сделать, половина – это точно ее заслуга!

Она радовалась так же, как и я, выходу каждой моей новой книги. И особо, когда в нашей семье первоначально уже стоял вопрос о возрождении казачества. Еще нигде я не выступал, еще не создавал организационного комитета, никому еще ничего не говорил, и только с ней мы это обсуждали, и она меня поддерживала в полном смысле слова. Она у меня самая лучшая и самая добрая...

– Я посвятила свою жизнь своим мужчинам – мужу и внуку. Конечно, с дочкой сидела в декрете, но за внуком смотрела не только, когда он был маленьким. Я встречала и провожала его, когда он уже получал образование в высших учебных заведениях.

И это того стоило, внук достоин своего деда и не зря носит его фамилию. Андрей уже сумел выпустить книгу об участниках Великой Отече-

ственной войны, в которую вошли найденные им в архивах очень ценные документы и фотографии.

Говорят, что когда люди долго живут вместе, они становятся похожими друг на друга. Наблюдая за четой Ходаревых, я бы не сказала, что они похожи внешне, но вот в поведении, поступках и желаниях очень много общего. Я сразу это заметила даже за тот короткий промежуток времени, пока мы все вместе пили чай. У них совершенно одинаково искрятся глаза и совершенно одинаковые теплые улыбки. А еще одинаковая гордость за детей, за стихи, за казачество...

*Я давно не писал посвящений жене,
Все, что думал о ней –
оставалось при мне.
На дороге судьбы с ней мне было легко.
Как начало дороги теперь далеко!*

В.В. Ходарев.

*(Отрывок из стихотворения
«Моей жене», написанный к 50-летию
совместной жизни)*

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наследие казачьего Пушкина	6
----------------------------------	---

РАССКАЗЫ

Звонок из детства	16
Подарок журналиста	21
Память	29
Болезочка моя, ладушка	35
Об арбузном меде	41
Цари жаловали знаменами	44
О тайне казачьего спаса	48

ПОСЛОВИЦЫ И ПРИБАУТКИ

Где прошлому почет, там и духовность живет	57
Мудрость и юмор в двух словах	60
Нас не было – звезды светили, нас не будет – не погаснут	66

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ

Хазбулат	74
Лиса и волк	80
Откуда у казачек дух воинственности	82
Степная легенда	87
Легенда о Тюле	94
Здесь живут потомки запорожцев	99
Об удалом казаке и жадном турке	101
О кочетке и курочке	107
Братья-богатыри	113

СЛОВАРЬ ЗАБЫТЫХ СЛОВ

Ой-ли! Казаки, небось слово знаете?	116
---	-----

СТАРИННЫЕ ИГРЫ ТЕРСКИХ КАЗАКОВ

Не знали границ	130
-----------------------	-----

ПОВЕРЬЯ, ПРИМЕТЫ И СУЕВЕРИЯ

Поверья – это признание правды	160
Скачи дальше, ставичное племя	162
На Сунже еще помнят	166
Тайна вихря – пыльного столба	169
О таинственном глухаре	171
О домовых	172

Замок дебоширу не поможет	174
Сыч на крыше – быть беде	177

ДОЛГ ПАМЯТИ

Я словно переписчик нот в прихожей Моцарта.....	185
---	-----

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился, рос, кормили соской... ..	190
------------------------------------	-----

СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ

Я родилась под счастливой звездой	210
Предначертано свыше.....	218
Славящий побежденного	217
Был ладным, крепеньким	218
У меня сильные руки	220
До геройства шаг не один	225
Творческое время – ночь	233
Поздравляю с Ларисой!	235
Он со всем справлялся	239
Работал журналистом на ВАМе	242
Жизнь шла прекрасно	243
Любимые доченька и внучок.....	245
Будет, как я	247
Я теперь Ходарев!.....	248
Жены сохранили память	250
Любимые поэты	251
Мама невероятно любила цветы	253
Хранить вечно для потомков	255
Дружба с поэтами и писателями.....	258
Поездка в Болгарию	262
Цветники у дома	264
Свой сад.....	265
По тропинкам детства.....	267
Первая любовь.....	269
Родила трех героев страны	272
Важная глава жизни	275
Казачий пояс.....	278
Настоящий азарт	280
По благословению патриарха	282
Семейные иконы	286
Выбор в пользу семьи	290
Всегда вместе, а не рядом (последнее интервью).....	291

КАЗАЧИЙ КЛАДЕЗЬ
Витислава Ходарева

**РАСКАЗЫ, ФОЛЬКЛОРНЫЕ НАХОДКИ,
ИСТОРИЯ ЖИЗНИ АВТОРА**

**Семейные фото предоставлены А.А. Ходаревой.
В оформлении книги использованы рисунки В.В. Ходарева,
В.С. Полякова, фотографии из архивов И.Ю. Щербаковой
и Н.А. Гребеньковой.**

Автор В.В. Ходарев

Редактор И.Ю. Щербакова

**Биография автора подготовлена А.А. Ходаревой
под ред. Н.А. Гребеньковой**

На обложке портрет В.В. Ходарева. Художник В.С. Поляков

Компьютерный набор И.Ю. Щербакова

Дизайн и верстка С.М. Огнещикова

Корректор Л.Д. Белевцева

ISBN 978-5-906785-52-7

9 785906 785527

Сдано в набор 01.11.2019. Подписано в печать 13.01.2020.

Формат 84x108 $\frac{1}{4}$. Бумага офсетная.

Гарнитура SchoolBookAC.

Печать офсетная. Усл.печ. л. 17,67.

Тираж 700 экз. Заказ № 5л.

Отпечатано в типографии

ООО «Агентство «Кавказинтерпресс».

Адрес: 355000, г. Ставрополь,

пр. Трудовой, 14, тел.: 8 (8652) 24-36-41

**Кони... Кони... Кони...
Как вас много было!
В битвах и походах вас земля прикрыла.
Были вы крылаты, были вы летучи,
Но померкли в прошлом, как на небе тучи.
Льется ваша слава по зеленым травам,
По курганам рыжим, снежным перевалам.
Слава не сторела, память не остыла.
Кони... Кони... Кони...
Как вас много было!**

